

ISSN 2076-2577 (Print)
ISSN 2541-982X (Online)

FU **Финно-угорский мир**
Finno-Ugric World
Том 15, № 1. 2023

Журнал основан в 2008 г.
Выходит ежеквартально

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77–70644 от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала – Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 42059

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

Адрес редакции:

430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68
Телефон: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Главный редактор Н. П. Макаркин

Дата выхода 11.04.2023.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 1000 экз. (1-й завод – 100 экз.).
Цена свободная. Заказ № 298

Отпечатано в типографии
Издательства Мордовского университета
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2023

The journal was founded in 2008.
Published quarterly

Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media Certificate ПИ № ФС77–70644 August 3, 2017

Distributed In Russian Federation and foreign countries

Subscribe index: 42059,
Catalog “The Press of Russia”

Founder and Publisher:

Federal State
Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“National Research
Ogarev Mordovia
State University”
68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

Editorial board:

68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia
Phone: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Editor in Chief N. P. Makarkin

Released on April 11, 2023.
Format 70 × 108 1/16. Press sheets 12.0.
Circulation 1000 copies (1st – 100 copies).
Free price. Order No. 298

Printed in the Publishing House of National
Research Ogarev Mordovia State University
24 Sovetskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

© National Research Mordovia State University, 2023

Редакция журнала «Финно-угорский мир Finno-Ugric World» строит политику издания на общепринятых этических принципах научных публикаций. Редакция поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, а также руководствуется Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций».

Редакционная политика формулируется с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала (Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors), разработанном Комитетом по публикационной этике (Committee on Publication Ethics).

Редакция открыта для взаимодействия с профессиональными научными ассоциациями и отраслевыми сообществами с целью обеспечения высокого качества работы ученых.

Редакция не оказывает платных или агентских услуг. Публикация в Журнале бесплатная. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Редакция не навязывает авторам цитирование статей, ранее опубликованных в Журнале, с целью искусственного улучшения его наукометрических показателей, а также принципиально не оказывает такую «помощь» другим изданиям или конкретным авторам.

«Финно-угорский мир Finno-Ugric World» – журнал открытого доступа (Open Access): все пользователи могут абсолютно свободно и бесплатно читать, загружать, копировать, передавать, а также ссылаться на публикуемые материалы в соответствии с принципами Будапештской инициативы открытого доступа (BOAI).

Авторы сохраняют за собой авторские права и предоставляют Журналу право публикации работы. Неисключительные права на использование материалов Журнала принадлежат ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» как учредителю и издателю.

В Журнале может быть опубликован любой автор, представивший ранее не опубликованный материал.

Журнал считает своей миссией распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризацию их языков, народной культуры и искусств, истории. Исходя из понимания данной миссии, редакция Журнала публикует материалы, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов. Также публикуются информационные сообщения о важных научных событиях, семинарах, симпозиумах и конференциях, связанных с тематикой издания.

Материалы Журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

Допускается свободное воспроизведение материалов Журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. При цитировании ссылка на Журнал обязательна. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

The editorial board of the journal "Finno-Ugric World" is committed to generally accepted ethical principles of Journal publications. The editors support Code of Ethics of Journal Publications, developed by Committee on Ethics of Journal Publications (Moscow, Russia), and Declaration of the Association of Journal Editors and Publishers "Ethical Principles of Journal Publications".

The editorial policy is based on ethical norms of the work of editors and publishers written in Code of Conduct and Guidelines for Best Practice for the Editor of the Journal, developed by the Committee on Publication Ethics.

The Editors shall be open for cooperation with professional scientific associations and industry-specific communities to ensure high quality work of scientists.

The editorial board does not provide paid services. All publications in the Journal are free. The editorial board does not charge the authors for the preparation, download and printing of materials.

The editors shall never impose citing papers, which were previously published in the Journal, on the authors, for the purpose of improving its scientometric indicators, as well as shall not provide other journals or specific authors with such "help".

The "Finno-Ugric World" is an open access Journal which means that all content is freely available without charge to the user or his/her institution. Users are allowed to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of the articles, or use them for any other lawful purpose, without asking prior permission from the publisher or the author. This is in accordance with the BOAI definition of open access.

The authors retain copyright holder exclusive rights over their articles and assign copyright to the Journal. Non-exclusive rights to use the papers of the Journal belong to National Research Mordovia State University as a founder and publisher.

The Journal publishes any author, if he presents a material not released before and not supposed to be published simultaneously in other journals. Receipt of articles for publication is effected permanently.

The Journal seeks to develop Finno-Ugric Studies, dissemination of their languages, folk culture and arts, and the history in the territory of the Russian Federation and abroad. In order to fulfil these aims the Journal welcomes the articles on the various aspects in linguistics, literature, culture, history and ethnography of the Finno-Ugric peoples. It also regularly includes the information about important sciences events, seminars, symposiums and conferences relevant to the Journal.

All the materials of the "Finno-Ugric World" journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Free reproduction of the Journal's materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.

- Макаркин Николай Петрович** – председатель совета, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Россия), makarkin@mrso.ru
- Бахлова Ольга Владимировна** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), olga.bahlova@gmail.com
- Бояркин Николай Иванович** – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), bojarkin_ni@mail.ru
- Братчикова Надежда Станиславовна** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова» (г. Москва, Россия), n.bratchikova@mail.ru
- Вичинене Дайва** – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузыкологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivarster@gmail.com
- Глухова Наталья Николаевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингвистики Центра гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gluhnatalia@mail.ru
- Жеребцов Игорь Любомирович** – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), zherebtsov@mail.ilkhkomisc.ru
- Илюха Ольга Павловна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), iljuha@krc.karelia.ru
- Кауппала Пекка** – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Кондратьева Наталья Владимировна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Корнишина Галина Альбертовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), kornishina@rambler.ru
- Лууттонен Иорма** – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркуского университета (г. Турку, Финляндия), luutonen@utu.fi
- Мартьянова Марина Юрьевна** – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, (г. Москва, Россия), mартынова@iea.ras.ru
- Матичак Шандор** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Миннихметова Татьяна Гильничихметовна** – доктор философии, независимый исследователь Института Европейской этнологии Инсбрукского университета (г. Инсбрук, Австрия), minnijah@hotmail.com
- Мишанин Юрий Александрович** – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межэтническим отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (г. Саранск, Россия), mordvarf@mail.ru
- Мосина Наталья Михайловна** – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), natamish@rambler.ru
- Муллонен Ирма Ивановна** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), mullonen@krc.karelia.ru
- Нуриева Ирина Муртазовна** – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия), nurieva-59@mail.ru
- Попов Александр Александрович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), doctor.porov@mail.ru
- Пустаи Янош** – доктор филологии, профессор, директор НН «Collegium Fennougricum» (г. Бадачоньтомай, Венгрия), janos.pusztay@hotmail.com
- Ракин Анатолий Николаевич** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), anatolij.rakin@mail.ru
- Родняков Алексей Викторович** – секретарь совета, заместитель руководителя Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), aleviro@mail.ru
- Сеиленталь Тыну** – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seiilu@ut.ee
- Тултаев Петр Николаевич** – председатель президиума Совета ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» (г. Саранск, Россия), afunfg@yandex.ru
- Тулуз Ева** – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com
- Шаланки Жужанна** – доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Шилов Николай Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и менеджмента НОУ ВО «Московский социально-педагогический институт» (г. Москва, Россия), n.shilov@uni21.org
- Шкалина Галина Евгеньевна** – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gshkalina@mail.ru

- Nikolay P. Makarkin** – Chairman of the Board, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russia), makarkin@mrsu.ru
- Olga V. Bahlova** – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), olga.bahlova@gmail.com
- Nikolay I. Boyarkin** – Doctor of Arts, Professor, Lead Research Fellow, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), bojarkin_ni@mail.ru
- Nadezhda S. Bratchikova** – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), n.bratchikova@mail.ru
- Daiva Vyčiniėnė** – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com
- Natalia N. Glukhova** – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages and Linguistics, Center for Humanitarian Education, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia), gluhatalia@mail.ru
- Igor L. Zherebtsov** – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), zherebtsov@mail.illhkomic.su
- Olga P. Ilukha** – Doctor of History, Lead Research Fellow, History Section, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), iljuha@krc.karelia.ru
- Pekka Kauppala** – Ph. D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Natalia V. Kondratieva** – Doctor of Philology, Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Galina A. Kornishina** – Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), kornishina@rambler.ru
- Jorma Luutonen** – Ph. D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi
- Marina Yu. Martynova** – Doctor of History, Professor, Head of the Center for European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia), martynova@iea.ras.ru
- Sándor Maticsák** – Ph. D. {Philology}, Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Tatiana G. Minniyahmetova** – Ph. D., Independent Researcher, Institute for European Ethnology, University of Innsbruck (Innsbruck, Austria), minnijah@hotmail.com
- Yuri A. Mishanin** – Doctor of Philology, Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russia), mordvarf@mail.ru
- Natalya M. Mosina** – Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), natamish@rambler.ru
- Irma I. Mullenon** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), mullenon@krc.karelia.ru
- Irina M. Nurieva** – Doctor of Arts, Lead Research Fellow, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), nurieva-59@mail.ru
- Alexander A. Popov** – Doctor of History, Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), doctor_popov@mail.ru
- János Pusztay** – Ph. D. {Philology}, Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos_pusztay@hotmail.com
- Anatoly N. Rakin** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), anatolij.rakin@mail.ru
- Aleksei V. Rodniakov** – Secretary of the Board, Deputy Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), aleviro@mail.ru
- Tõnu Seilenthal** – Ph. D. {Philology}, Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seilu@ut.ee
- Pyotr N. Tultaev** – Chairperson of the Presidium of the Council of Association of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation (Saransk, Russia), afunrf@yandex.ru
- Eve Toulouse** – Ph. D., Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouze@gmail.com
- Zsuzsanna Salánki** – Ph. D. {Philology}, Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Nikolai V. Shilov** – Doctor of History, Professor, Department of Social and Humanitarian Sciences and Management, Moscow Social Pedagogical Institute (Moscow, Russia), n_shilov@uni21.org
- Galina E. Shkalina** – Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia), gshkalina@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Н. С. Братчикова. «Языковые гнезда»: второе рождение языка (на примере инари-саамского и карельского) 8
- Е. Н. Федосеева. Соотношение коми-пермяцкого и коми-зырянского элементов в лексике верхнекамского идиома 19

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Э. А. Джошвили, А. Ф. Кривоноженко, Ю. В. Литвин, С. Э. Яловицына. Трансформации идентичностей жителей арктических районов Карелии (на материалах Лоухского района) 28
- Е. Н. Мокшина, Д. А. Смолин, К. А. Сулов. Некоторые аспекты национально-государственного строительства у финно-угорских народов в составе СССР 44
- А. М. Мацук. Специалисты среднего звена в финно-угорских республиках РСФСР во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. 53
- Т. И. Чудова. Трансформация состава “кӧч гӧсьнеч” / “кӧч гӧстинеч” коми (зырян) в XX–XXI вв. 65

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- А. К. Идиатуллов. Этническая и конфессиональная культура мордовских студентов (по материалам интернет-опроса) 73
- И. А. Пакшина, Е. Н. Маскаева. Лексическая и символическая репрезентация образа современной Мордовии населением республики 85
- Н. В. Ткачук. Региональные практики и механизмы поддержки этнической идентичности коренных малочисленных народов Югры 98

СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, КНИГИ

- В. К. Абрамов. Еще одна книга о мордве 110
- В. М. Ванюшев, В. И. Рогачев. «Любовь моя ты, ревность моя...». К 85-летию Е. Е. Загребина 113
- Н. В. Карбанова, О. А. Романенкова. Живая память поколений 115
- А. Ф. Мышкина. Марийская филология в авангарде поволжской науки 118
- Е. Н. Ломшина. Медиафорум «Мордовия многонациональная: межкультурный диалог» 122

PHILOLOGY

- N. S. Bratchikova. “Language nests”: the rebirth of the language (on the example of the Inari-Sami and Karelian languages) 8
- E. N. Fedoseeva. The correlation of the Komi-Permian and Komi-Zyryan elements in the vocabulary of the Upper-Kama idiom 19

HISTORICAL STUDIES

- E. A. Dzhioshvili, A. F. Krivonozhenko, Yu. V. Litvin, S. E. Yalovitsyna. Transformations of the identities of the inhabitants in Karelian Arctic Region (based on the research of the Loukhsky district) 28
- E. N. Mokshina, D. A. Smolin, K. A. Suslov. Some aspects of national-state building among the Finno-Ugric peoples in the USSR 44
- A. M. Matsuk. Mid-level specialists in the Finno-Ugric Republics of the RSFSR in the second half of the 1950s – early 1960s 53
- T. I. Chudova. Transformation of the composition “*köch gösnech*” / “*köch göstinech*” of Komi (Zyryan) in the XX–XXI centuries 65

CULTURAL STUDIES

- A. K. Idiattullov. Ethnic and confessional culture of Mordovian students (based on the materials of the Internet survey) 73
- I. A. Pakshina, E. N. Maskaeva. Lexical and symbolic representation of the image of modern Mordovia by the population of the Republic 85
- N. V. Tkachuk. Regional practices and mechanisms of the support of ethnic identity of the indigenous peoples of Yugra 98

EVENTS, PEOPLE, BOOKS

- V. K. Abramov. Another book about Mordovian people 110
- V. M. Vanyshchev, V. I. Rogachev. “You are my love, my jealousy...”. To the 85th anniversary of E. E. Zagrebina 113
- N. V. Karabanova, O. A. Romanenkova. Living memory of generations 115
- A. F. Myshkina. Mari philology at the vanguard of research of Volga region 118
- E. N. Lomshina. Media forum “Multinational Mordovia: cross-cultural dialogue” 122

«Языковые гнезда»: второе рождение языка (на примере инари-саамского и карельского)

Надежда Станиславовна Братчикова

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия*

Введение. В статье рассматриваются проблемы возрождения языков малочисленных народов. Предметом изучения стал опыт языковедов по ревитализации национальных языков в пределах конкретного населенного пункта на территории Республики Карелия (с. Ведлозеро) и Финляндии (п. Инари).

Материалы и методы. Материалом исследования послужили данные, опубликованные в монографии финского языковеда А. Пасанен и взятые из выступлений в СМИ активиста Союза карельского народа Н. П. Барминой и из личной беседы с ней автора статьи. При обработке полученной информации использовались сравнительно-сопоставительный, аналитический и синтетический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Ревитализация языка прежде всего включает в себя меры языковой поддержки: описание грамматического и лексического строя языка, фиксирование фонетических особенностей, документирование языкового материала в виде фольклорных текстов, бытовых описаний и т. п. В то же время она требует огромных усилий со стороны культурно-языкового сообщества (индивидуальный уровень), общественных организаций, образовательных учреждений и государственных органов власти (уровень сообщества). Одним из эффективных способов возрождения национальных языков являются учебные языковые центры. Порядок их организации и особенности работы рассматриваются на примере «языковых гнезд» в Финляндии и Карелии.

Заключение. На основе внимательного изучения системы мер по спасению финского языка Л. Котилайна автором публикации предложена собственная система по сохранению национальных языков, которая не всегда требует обязательной государственной поддержки и финансирования, хотя ни в коем случае не исключает ее. В частности, предлагается создать сеть бесплатных языковых вебинаров, организовать конкурсы на лучший блог на этноязыке, лучшего мастера слов, придумавшего самый удачный эквивалент русского слова.

Ключевые слова: национальный язык, карельский язык, инари-саамский язык, ревитализация, «языковое гнездо», меры по спасению языка

Для цитирования: Братчикова Н. С. «Языковые гнезда»: второе рождение языка (на примере инари-саамского и карельского) // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 1. С. 8–18. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.8-18.

Введение

Современное культурное пространство является поликультурным и многоязычным, особенно если речь идет о проживании на одной территории двух и более народов. Любой гражданин страны, владеющий официальным языком (например, в России русским, в Финляндии финским), независимо от его этнической идентичности имеет право на получение высшего и среднего профессионального образования, на построение карьеры.

Родной язык – это важный этнообразующий и -интегрирующий фактор, фор-

мирующий чувство общности. Наряду с консолидацией представителей одной общности родной язык выступает определителем, позволяющим отличить «своих» от «других». Многие этнографы и лингвисты считают этноязык национальным символом.

Предметом исследования стал опыт языковедов по ревитализации национальных языков в пределах конкретного населенного пункта на территории Республики Карелия (с. Ведлозеро) и Финляндии (п. Инари).

Цель исследования – сравнить опыт решения проблемы сохранения языков коренных народов Севера и определить систему мер, позволяющую повлиять на ревитализацию национальных языков, в первую очередь в Карелии.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили данные финского лингвиста А. Пасанен, опубликованные в ее монографии “Kuávsui já preeivičuová. ‘Sarastus ja päivänvalo’. Inarinsaamen kielen revitalisaatio” («Рассвет и наступление дня. Ревитализация инари-саамского», 2015) [21], и активиста Союза карельского народа, председателя Совета сельского поселения Ведлозеро Н. П. Барминой, взятые из ее выступлений в СМИ¹ и личной беседы с ней автора статьи (октябрь 2022 г.).

При обработке полученной информации использовались сравнительно-сопоставительный, аналитический и синтетический методы, позволившие провести детальный анализ мероприятий и выявить сильные и слабые стороны ревитализационного процесса национальных языков.

Обзор литературы

Проблема возрождения национальных языков в последние десятилетия волнует лингвистов, историков, краеведов, любителей родной культуры. Она в равной степени касается всех языков, причисленных к категориям от «уязвимых» до «на грани исчезновения». Как известно, 2022–2032 гг. объявлены ЮНЕСКО Международным десятилетием языков коренных народов (IDIL 2022–2032). Автор публикации «Уязвимое культурное наследие: как сохранить языки коренных народов России?» А. Ибрагимова отмечает, что

языки, которые не обладают письменностью, трудно сохранить. Она убеждена в обязательной государственной поддержке программ по сохранению национальных языков².

В статье Э. Р. Хакимова и Е. Г. Трусовой описывается языковая ситуация в Удмуртской Республике. Обращаясь к проблемам, связанным с использованием русского как лингва франка в многонациональной языковой среде, исследователи приходят к выводу, что для большинства жителей Удмуртии национальность не является значимой характеристикой в их жизни. Этническая значимость растет обратно пропорционально росту численности этнической группы [18, 128]. Переход этнической молодежи (удмуртов, татар) в Удмуртии на русский язык и отказ от использования родного языка во внутриэтническом общении подтверждаются данными этносоциологического исследования языковой ориентации [18, 129]. Рост уровня образования прямо влияет на осознание необходимости владеть русским языком для достижения карьерного успеха и повышения уверенности в себе [18, 132]. Многие ученые – финно-угроведы, в том числе А. А. Баранов, Н. В. Борисова [1], Л. В. Вахрушева, Н. В. Кондратьева, О. А. Степанова [4], Е. А. Кондрашкина [5], М. В. Мосин [10], Л. Р. Низамова [11], Е. А. Торохова [17], С. Н. Чернова [19], выражают опасения, связанные с потерей удмуртского как родного языка внутриэтнического общения и как языка лингва франка в отдельных районах республики.

Г. С. Зеленева отмечает сокращение численности носителей таких языков, как марийский, татарский, удмуртский. По данным исследователя, результаты опроса населения Республики Марий Эл показа-

¹ См.: Бармина Н. В июле этого года организация «Дом карельского языка» отметила свое трехлетие. URL: <https://vedlozero.ru/poselenie/news/dkya> (дата обращения: 03.02.2023); Агранович А. Только настоящее. URL: <https://tk.karelia.ru/social/tolko-nastoyashhee/> (дата обращения: 06.02.2023); Juurettah ni kargei heiny ei kazva. Без корня и полынь не растет. URL: <https://vk.com/karjalankielenkodi> (дата обращения: 06.02.2023); Представители карелов, вепсов и финнов Республики Карелия собрались в Пряже. URL: <https://gov.karelia.ru/news/26-06-2019-predstaviteli-karelov-vepsov-i-finnov-respubliki-kareliya-sobralis-v-pryazhe/> (дата обращения: 06.02.2023); Языковое гнездо. URL: <https://karjalankielenkodi.com/pages/%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D1%8B-%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8> (дата обращения: 06.02.2023).

² См.: Ибрагимова А. Уязвимое культурное наследие: как сохранить языки коренных народов России? URL: <https://scientificrussia.ru/articles/uazvimoe-kulturnoe-nasledie-kak-sohranit-azyki-korenyih-narodov-rossii> (дата обращения: 02.11.2022).

ли, что для большинства представителей коренного народа (86 %) национальность и родной язык продолжают играть ведущую роль при сближении с другими людьми и сохранении национальной идентичности. Молодежь Республики Марий Эл идентифицирует себя с марийским этносом [3].

Перспективы развития языковой ситуации в Республике Карелия описаны в публикации С. В. Нагурной. Оценив материалы исследования карельского населения, проведенного сотрудниками Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН в 2019–2020 гг., автор статьи констатировала слабое знание молодым поколением родного языка и оценила перспективы его сохранения как неблагоприятные³.

В 2019 г. низовые практики сохранения карельского языка обсуждались на социолингвистическом семинаре в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Докладчик О. Воробьева рассказала о языковой ситуации и местных инициативах по сохранению титульного языка в Пряжинском национальном муниципальном районе Республики Карелия⁴.

Вопросами сохранения языков коренных народов Севера занимаются ученые в Финляндии. Самой яркой, внушающей оптимизм публикацией следует признать научно-популярное издание Л. Котилайнена “Suomensuojelijä. Ohjekirja kielen pelastamiseen” («Защитник финского. Инструкция по спасению языка») [20]. Автор с присущим ему юмором приводит систему мер по сохранению финского языка. Он отмечает, что угроза существованию языка исходит не из Швеции, России или Евросоюза, а из самой Финляндии, от самих носителей языка, которые могут забыть родной язык, бросив его на произвол судьбы [20, 9].

Инструкция содержит семь конкретных советов-рекомендаций. Например, первым пунктом обозначена «игра в язык», под которой подразумевается «максимально яркое, выразительное словотворчество». В качестве смешных, запоминающихся выражений ученый приводит такие слова, как *mäyräkoira* ‘упаковка-такса’, т. е. длинная упаковка из 12 банок пива; *ikeapuu* ‘ИКЕА-фанера’, т. е. древесностружечная плита производства шведской компании ИКЕА; *työmiehen hymy* ‘улыбка работника’, т. е. брюки с очень низкой посадкой, неприлично демонстрирующие части тела сзади [20, 28].

Л. Котилайнен предлагает отказаться от жестких требований безукоризненного употребления финского литературного языка, руководствоваться принципом «Говори сам и дай говорить другим!», а также поощрять использование диалектных и разговорных вариантов языка. По его мнению, финский язык защитит установка «Поддержи всё отечественное!», что можно трактовать так: «Покупай, а не скачивай, например музыку и книги, в Интернете общайся на финском» и т. п. Автор работы поддерживает инициативу исследовательского центра “Kotimaisten kielten tutkimuskeskus” (KOTUS – «Институт исконных языков Финляндии») по организации викторин и конкурсов “Sanaseppo” («Мастер слова») на лучший финский эквивалент новейших иностранных слов⁵. В качестве альтернативы активному введению слов иностранного, прежде всего английского, происхождения он предлагает параллельное, совместное использование слов, в том числе в тех областях, где английский является рабочим языком (например, сфера компьютерных технологий, торговли)⁶ [20, 81–82].

³ См.: Нагурная С. В. Перспективы развития языковой ситуации в Республике Карелия (по материалам конкретного исследования карельского населения). URL: http://tipl.philol.msu.ru/application/files/7216/1797/5525/MJaBL_2021_Nagurnaya.pdf (дата обращения: 05.11.2022).

⁴ См.: Воробьева О. Низовые практики сохранения титульного языка в Карелии. URL: <https://eusp.org/news/nizovye-praktiki-sokhraneniya-titulnogo-yazyka-v-karelii> (дата обращения: 05.11.2022).

⁵ Например, лучшими эквивалентами английского слова cheerleader ‘чирлидер, член группы поддержки’ были признаны два финских варианта: *huiskuri* (от *huisku* ‘метелка, помпон’) и *innokki* (от *into* ‘рвение, усердие’). Беспроводной автомобильный адаптер для громкой связи hands free получил эквивалент *vapuri*; дивиди-проигрыватель DVD-soitin – *devari*, дивиди-диск DVD-levy – *devalevy*. URL: <https://www.kielikello.fi/-/innokki-ihareissa> (дата обращения: 05.11.2022).

⁶ Programmer – *ohjelmoija* ‘программист’, manager – *johtaja* ‘администратор’.

Данную публикацию, на наш взгляд, можно расценивать как программу по спасению языков, в том числе коренных народов Севера.

Результаты исследования и их обсуждение

Стремительные социокультурные перемены, связанные с интенсивным техническим развитием и экономическим освоением территорий, стали причиной так называемого окультуривания земель и соответственно приспособления коренного населения к новым условиям жизни, что чаще всего происходит путем вытеснения местной культуры и языков. Негативным результатом подобных процессов является создание угрозы исчезновения языков. Например, согласно шкале межпоколенческого разрыва (GIDS)⁷, тундровый ненецкий и севернохантыйский языки находятся под угрозой исчезновения, селькупский – под критической угрозой исчезновения, лесной ненецкий определяется как исчезающий язык [8]. Даже официальный статус родных языков мало повлиял на сохранение их среди молодого поколения ненцев, хантов и селькупов.

Речь идет о ситуации, в которой менее используемый или уважаемый и находящийся под угрозой исчезновения язык меньшинства заменяется более распространенным и уважаемым языком большинства. Как отмечает А. Пасанен, «в большей степени, чем количество носителей языка, на языковую ситуацию влияют распределение власти между языковыми группами и престиж языка, т. е. престиж языка среди носителей языка, с одной стороны, и среди других групп, окружающих их, – с другой. Определение престижа в высшей степени открыто для интерпретации и строго связано с социальными сетями»⁸ [21, 34–35]. Второй язык может рассматриваться как престижный, и, по видимому, такое восприятие способствует добровольному отказу от родного языка в пользу этого второго языка. Подобная

ситуация сложилась с карельским языком в с. Ведлозеро в Карелии, где естественный выбор населения был сделан в пользу русского. В аналогичных условиях оказался инари-саамский язык в п. Инари в Финляндии, где статус престижного языка имеет финский.

Можно ли сохранить языки, находящиеся под угрозой исчезновения?

Обратный языковой сдвиг, т. е. возврат к ранее использовавшемуся языку, его возрождение, ревитализация, всегда очень медленный и, к сожалению, по данным научных исследований, маловероятный. Как пишет Э. Уоллес, движение возрождения подразумевает «преднамеренное, организованное, сознательное усилие членов общества по созданию более удовлетворяющей культуры» [23, 265].

Вопрос «Что ты сделал сегодня для инари-саамского, карельского или иного другого языка, который находится в критическом состоянии или которому угрожает серьезная опасность исчезновения?» должен задаваться каждому владеющему редким языком, подобно тому как это происходило в семье Дж. Фишмана. По свидетельству ученого, отец ежедневно за обеденным столом задавал вопрос о еврейском языке своим детям. Это делалось в целях повышения персональной ответственности за судьбу родного языка. Как показывает история, кропотливый труд позволил восстановить иврит.

Ревитализация языка представляет собой более широкий и глубокий процесс, чем просто принимаемые меры языковой поддержки (описание грамматического и лексического строя языка, фиксирование фонетических особенностей, документирование языкового материала в виде фольклорных текстов, бытовых описаний и т. п.). Возрождение культуры требует огромных усилий со стороны каждого члена культурно-языкового сообщества (индивидуальный уровень), общественных

⁷ Шкалу межпоколенческого разрыва (GIDS) для определения степени угрозы исчезновения языков разработал американский социолог и лингвист Дж. Фишман, автор множества работ по многоязычию, двуязычию, языковому планированию и ревитализации языка.

⁸ Здесь и далее перевод фрагментов монографии А. Пасанен наш. – Н. Б.

организаций, образовательных учреждений и государственных органов власти (уровень сообщества). Языковая ревитализация не означает возвращения к ситуации, существовавшей в древние времена, когда в обществе бытовал монолингвизм, т. е. господствовал только родной язык. В современном языковом сообществе это вряд ли возможно.

Возрождение языков меньшинств является частью более широкого правового пространства, включающего право человека пользоваться родным языком, поэтому, говоря о ревитализации национальных языков, используют термин «языковые права человека».

Права меньшинств в области культуры и образования и политика правительства в отношении культур меньшинств стали объектом деятельности правоведов по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Одной из причин межэтнических конфликтов признается негарантированность соблюдения языковых прав меньшинств. Специалисты в этой области неоднократно подчеркивали, что предоставление языковых прав меньшинствам сокращает количество потенциальных причин конфликтов [22, 28]. Для разъяснения прав, имеющихся у малых народов, на их языки переводятся международные документы, например Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, Всеобщая декларация прав человека и др. [2]. Однако языковые права меньшинств до сих пор являются слабо регулируемой международной правовой сферой.

Методы и способы возрождения национальных языков

Одной из форм сохранения малочисленных языков является их документирование с привлечением «последних» носителей языка. Работа с носителем требует наибольшего внимания, такта и профессионализма. При интервьюировании необходимо понимать психотип информанта, знать культурные традиции и особенности национального характера.

Например, по сообщению А. Пасанен, инари-саамы⁹ описываются в энциклопедиях как спокойные, покорные люди, которые довольны максимально всем и не обладают высокой степенью предприимчивости [21, 76]. Из интервью исследователя с носителями этого языка менталитет народа вырисовывается следующим образом: тихие люди, не выпячивающие себя, слишком легко всему и всем уступающие, скромные, никогда не поднимающие шум вокруг собственных дел. «Они такие, что... не выйдут из своего пространства, чтобы как-то улучшить или защитить его, если кто другой начнет хоть немного наступать на него. Они в любой момент легко смиряются с ситуацией. Многие люди говорят, что инари-саамы были слишком добрыми людьми и, вероятно, остаются ими до сих пор» [21, 76]. Общаться с носителями коренных языков Севера надо, уважая их внутренний мир и жизненный уклад.

Актуальной представляется запись устных текстов, которые позволяют собрать разноплановый материал о жизни людей, тем самым сохраняя их этническую историю и культуру. Особую сложность вызывает перевод текстов из-за значительных отличий исходного языка от языка перевода, различий в быте и культуре. Но каким бы нескладным ни казался перевод, он должен быть не профессиональным, а дословным, максимально приближенным по смыслу и значению к оригиналу [9]. Рекомендуются подробно описывать предметы быта, создавать терминологические словари, что позволит укрепить и развить лексическую базу языка.

Для сохранения языков и культур коренных народов Севера большая работа проводится, в частности, этнографами и лингвистами Югорского государственного университета. Документирование языкового материала и создание банка данных по хантыйскому языку начались с изысканий венгерского лингвиста, этнографа Е. А. Шмидт. Она собрала огромное количество фольклорных текстов, которые ждут своего лингвистического комментария и публикации. Сегодняшний

⁹ В 2018 г. инари-саамов насчитывалось 400 чел. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Inari_S%C3%A1mi (дата обращения: 03.02.2023).

научный коллектив в составе докторов филологических наук Е. В. Косинцевой [6; 7], С. В. Ониной¹⁰ [12; 13], В. Н. Соловар [14–16] изучает языковые данные хантыйского языка, что способствует его дальнейшему сохранению и возрождению, укреплению национальной литературы. К тому же некоторые ученые пишут стихи на родном языке, тем самым обеспечивая передачу языка между поколениями.

Ситуация с инари-саамским и карельским языками демонстрирует успехи и новые вызовы в решении проблемы ревитализации языков коренных народов.

Вопросам восстановления статуса инари-саамского языка помимо исследования А. Пасанен посвящены коллективная монография “Saamelaisten kansanopetuksen ja koulunkäynnin historia Suomessa” («История народного образования и школьного обучения саамов в Финляндии», 2014), статьи в лингвистическом журнале “Kielikello”. В публикациях сообщается о результатах работы созданной в 1997 г. в п. Инари саамской ассоциации “Anarâškielâ servi”¹¹, в которой дети в игровой форме изучают этот язык. Необходимость создания центра для детей была вызвана желанием родителей обучить детей родному языку, которым сами они не владеют.

О восстановлении карельского языка имеются небольшие статьи в Интернете¹². В них представлена информация о работе созданного в 2015 г. в с. Ведлозеро культурно-языкового центра – «языкового гнезда» (*kielipezä*) на базе общественной организации «Дом карельского языка». Это событие стало примером локально-гражданской инициативы. Культурно-языковой центр представляет собой группу дневного ухода за детьми дошкольного возраста, работающую на ливвиковском наречии карельского языка.

Ревитализация языка представляет собой более широкий и глубокий процесс, чем просто принимаемые меры языковой поддержки (описание грамматического и лексического строя языка, фиксирование фонетических особенностей, документирование языкового материала в виде фольклорных текстов, бытовых описаний и т. п.). Возрождение культуры требует огромных усилий со стороны каждого члена культурно-языкового сообщества (индивидуальный уровень), общественных организаций, образовательных учреждений и государственных органов власти (уровень сообщества).

В целом организация обучения инари-саамскому и карельскому языкам имеет много общего: административно формируются «языковые гнезда»¹³, где с детьми в возрасте от двух до шести лет работают взрослые. Помимо занятий с детьми проводятся культурно-развлекательные мероприятия, например музыкальные концерты, детские спектакли, мастер-классы по приготовлению национальных блюд, изготовлению украшений из местных природных материалов. Это привлекает не только родителей и родственников детей, посещающих «языковое гнездо», но и других людей, хорошо знающих национальный язык, однако ранее не мотивированных на его использование.

Общий итоговый результат работы данных центров одинаков и представлен возросшей активностью использования национального языка среди местных жителей. Дети хорошо ориентируются в повседневной речи на национальном языке, могут

¹⁰ О жизни и творческой деятельности С. В. Ониной см.: Лельхова Ф. М. Жизнь и творческая деятельность Софьи Владимировны Онойной // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 2. С. 232–235. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2019/2/232-235.pdf> (дата обращения: 03.02.2023).

¹¹ См.: Anarâškielâ servi. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Anar%C3%A2%C5%A1kiel%C3%A2_servi (дата обращения: 03.02.2023).

¹² См.: Бармина Н. Указ. соч.; Павлова Л. Незабываемые встречи. URL: <https://vedlozero.ru/poselenie/newspaper/045/nezabyvaemye-vstrechi> (дата обращения: 03.02.2023).

¹³ Для сохранения инари-саамского и колтта-саамского языков в Саамском регионе Финляндии практика «языкового гнезда» применяется с 1997 г.

отвечать на нем, общаться со взрослыми и между собой. Руководитель ведлозерского центра Н. П. Бармина отмечает в одном из выступлений, что «языковое гнездо» работает также с семьями, которые только ожидают появления ребенка¹⁴.

Помощниками высококвалифицированных специалистов центров выступают люди, свободно владеющие национальным языком. В Финляндии это, например, Матти Хейкки Илмари Мороттая, инари-саамский писатель, учитель и член Саамского парламента Финляндии, лауреат премии имени Микаэля Агриколы, автор учебника по родному языку. М. Мороттая искренне считает, что «лучше говорить хуже, чем молчать». Сыновья подвижника Петтер и Миккал также способствуют использованию языка, популяризируют его с учетом новых условий жизни: Петтер – главный редактор цифрового еженедельника «Kieräs»¹⁵ на этноязыке, а Миккал – первый рэпер в мире, читающий рэп на инари-саамском.

Промежуточные результаты центров отличаются, но и опыт их работы различный.

Проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники языковых центров, в целом одинаковые: недостаточно высокий уровень подготовки специалистов, владеющих инари-саамским/карельским языком. В России, кроме того, существуют проблемы на общеобразовательном уровне, связанные с тем, что уроки карельского языка являются факультативными, а не обязательными для учащихся.

Меры по спасению языков

Система мер по спасению национальных языков была разработана финским лингвистом Л. Котилайненом. Применительно к российским условиям на основании этой системы и с учетом данных Н. П. Барминой мы можем предложить ряд следующих мер. Министерство образования Российской Федерации должно утвердить школьные учебные програм-

мы, в которых изучение карельского языка было бы признано обязательным, а не факультативным. На уровне высшего образования в университетах языковое обучение должно составлять 8–10 аудиторных часов в неделю. Специалисты карельского языка должны иметь возможность повышать профессиональную квалификацию, посещая мастер-классы по развитию лексики, совершенствованию коммуникативных навыков. На наш взгляд, помогла бы финансовая поддержка лиц, заинтересованных в изучении языка и делающих реальные успехи в овладении им. Выявить их помогут конкурсы, например на лучшего чтеца, блогера или мастера слова, который придумает лучший эквивалент русского слова на карельском языке. Можно заимствовать идею М. Мороттая по исполнению рэпа на национальном языке. На местном телевизионном канале или в Интернете можно организовать бесплатные вебинары по изучению карельского языка. Благотворительные акции типа «Свой родной язык не брошу» помогут финансировать культурно-языковые центры.

Однако при этом надо помнить, что работа по обратному сдвигу языка всегда проводится в первую очередь самими носителями языка.

Чего не надо делать и чего надо бояться?

На первых порах не надо бояться грамматических ошибок, надо бояться забыть родной язык.

Не надо бояться влияния русского языка, надо бояться собственной лени.

Не надо бояться незнания синтаксических правил, надо вставлять в свою речь карельские слова и выражения. Надо стараться ежедневно говорить на родном языке.

Не надо быть слишком серьезным, изучая язык, надо уметь шутить, придумывать остроумные анекдоты, выражения и слова. С шуткой язык учится веселее и легче.

Не надо ждать помощи извне, надо помогать самим себе.

¹⁴ См.: Язык преткновения // Новая газета. 2023. 27 янв. URL: <https://ryb.ru/2023/01/27/1939841> (дата обращения: 06.02.2023).

¹⁵ Инари-саамский еженедельник «Kieräs» выходил онлайн один раз в неделю с 2007 по 2011 г., предлагая своим читателям новости и объявления. URL: <https://wiki5.ru> (дата обращения: 03.02.2023).

Заключение

Ситуации, в которых носители одного языка прибегают к использованию другого, досконально описаны в научных трудах и классифицируются как принудительная и добровольная. В нашем случае речь идет о добровольном переходе на другой язык, что было вызвано сложными социально-экономическими и политическими факторами. Однако добровольность выбора другого языка носит несколько условный характер.

Существует несколько форм сохранения языков малочисленных народов: документирование с привлечением «последних» носителей языка, составление описаний

фонетических и грамматических особенностей языка, запись фольклорных текстов, бытовых описаний и т. п.

Отлично зарекомендовала себя мера по организации «языковых гнезд». Одной из серьезных проблем, связанных с их организацией, стала недостаточно высокая квалификация молодых специалистов в области знания национального языка. На основе внимательного изучения системы мер по спасению финского языка, которую разработал Л. Котилайнен, автором публикации предложены меры по спасению этноязыка, которые не всегда требуют обязательной государственной поддержки и финансирования, хотя ни в коем случае не исключают ее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова Н. В. Языковая политика в регионах современной России: ресурсные возможности, общественный запрос и политические ограничения // Социо- и психолингвистические исследования. 2020. Вып. 8. С. 7–16. URL: http://splr.psu.ru/wp-content/uploads/2020/12/Борисова_2020.pdf (дата обращения: 03.02.2023).
2. Булатова Н. Я. Роль переводов в сохранении и развитии языков коренных малочисленных народов Севера (на материале эвенкийского языка) // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2020. № 1. С. 60–63. DOI: 10.26110/ARCTIC.2020.106.1.006.
3. Зеленева Г. С. Марийский язык как фактор сохранения этнической идентичности марийского народа в условиях глобализации (по материалам социологических исследований) // Проблемы марийской и сравнительной филологии; сб. ст. VI Всерос. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2019. С. 46–49. URL: <https://kidsher.ru/culture/20373> (дата обращения: 01.11.2022).
4. Кондратьева Н. В., Степанова О. А. Формирование общественно-политической лексики удмуртского языка как отражение процессов языкового строительства // Финно-угорский мир. 2018. № 2. С. 26–36. DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.02.026-036.
5. Кондрашкина Е. А. Будущее языков финно-угорских народов Российской Федерации // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. № 2. С. 262–271. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-2-262-271.
6. Косинцева Е. В. Жанр баллады в хантыйской литературе // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 1. С. 44–51. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-1-44-51.
7. Косинцева Е. В. Презентация сельских поселений Югры в хантыйской поэзии // Наука и инновации – современные концепции: сб. науч. ст. по итогам работы Междунар. науч. форума. М., 2021. С. 48–55.
8. Лаптандер Р. И. Документирование языка: что это и как работать? (методические рекомендации) // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2020. № 1. С. 54–59. DOI: 10.26110/ARCTIC.2020.106.1.005.
9. Лаптандер Р. И. Перевод фольклорных текстов с ненецкого языка на русский (на примере текста «Няхар” Пути») // Материалы 2-й Международной конференции по самодистике (посвященной 100-летию со дня рождения Натальи Митрофановны Терещенко). СПб., 2008. С. 153–157.

10. Мосин М. В. Современные языки финно-угорских народов России (состояние и перспективы развития мордовских языков) // Финно-угорский мир. 2012. № 3–4. С. 26–31. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2012/3-4/26-31.pdf> (дата обращения: 03.02.2023).
11. Низамова Л. Р. Языковая ситуация в национальных республиках Поволжья: сравнительный анализ Татарстана и Удмуртии // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. № 3. С. 22–27. DOI: 10.26907/2079-5912.2021.3.23-27.
12. Онина С. В. Лексико-семантические группы названий, связанных с оленеводством в хантыйском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2011. № 3. С. 111–114.
13. Онина С. В. Побудительные конструкции с инфинитивом в хантыйском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12, ч. 2. С. 133–138. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/37.html> (дата обращения: 03.02.2023).
14. Соловар В. Н. Особенности семантики хантыйских глаголов с превербом *apa* // Вестник угроведения. 2018. Т. 8, № 3. С. 470–478. DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-3-470-478.
15. Соловар В. Н. Проблемы и возможности хантыйско-русского и русско-хантыйского перевода // Вестник угроведения. 2017. Т. 7, № 4. С. 60–69.
16. Соловар В. Н. Способы выражения сравнения в обско-угорских языках // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 2. С. 286–296. DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-2-286-296.
17. Горохова Е. А. О языковой политике в Удмуртской Республике // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2012, вып. 2. С. 152–158. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-yazykovoy-politike-v-udmurtskoy-respublike> (дата обращения: 03.02.2023).
18. Хакимов Э. Р., Трусова Е. Г. Русский язык как лингва франка в Республике Удмуртия // Slavica Helsingiensia 40. Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Helsinki, 2010. С. 127–138. URL: <https://blogs.helsinki.fi/slavica-helsingiensia/files/2019/11/08-sh40.pdf> (дата обращения: 04.11.2022).
19. Чернова С. Н. Возможности обучения родному (удмуртскому) языку в Удмуртской Республике // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 4, вып. 2. С. 29–33. DOI: 10.30853/pedagogy.2019.2.6.
20. Kotilainen L. Suomensuojelija: Ohjekirja kielen pelastamiseen. Helsinki: WSOY, 2009. 118 s.
21. Pasanen A. Kuávsui já peeivičuová. ‘Sarastus ja päivänvalo’: Inarinsaamen kielen revitalisaatio. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2015. 441 s. (Uralica Helsingiensia; 9).
22. Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. Linguistic Human Rights for the Kurds // Bucak, Sertaç (Ed.). The Kurdish People – No Future without Human Rights. Bremen, 1993. URL: <http://www.tove-skutnabb-kangas.org/dl/116-Skutnabb-Kangas-T-Phillipson-R-1993-Linguistic-Human-Rights-for-the-Kurds-Bucak-Sertac-Bremen.pdf> (дата обращения: 07.11.2022).
23. Wallace A. F. C. Revitalization movement // American Anthropologist. 1956. Vol. 58, issue 2. P. III–VI, 221–406. URL: <https://anthrosource.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1525/aa.1956.58.2.02a00040> (дата обращения: 07.11.2022).

Поступила 08.11.2022; одобрена 13.12.2022; принята 26.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Н. С. Братчикова – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой финно-угорской филологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук Московского государственного лингвистического университета, n.bratchikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7402-8327>

“Language nests”: the rebirth of the language (on the example of the Inari-Sami and Karelian languages)

Nadezhda S. Bratchikova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia

Introduction. The article considers the problems of the revival of languages of small peoples. The subject of the study is the experience of linguists in the revitalization of national languages at a specific location in the Republic of Karelia (village Vedlozero) and Finland (village Inari).

Materials and Methods. The material of the study is based on the data published in the monograph of the Finnish linguist A. Pasanen and taken from the speeches of N. P. Barmina, an activist of the Union of the Karelian People, obtained in the media and from her personal conversations with of the author of the article. When processing the information, the author employs such methods as comparative, analytical and synthetic.

Results and Discussion. Language revitalization primarily includes such measures of language support as description of the grammatical and lexical structure of the language, fixation of phonetic features, documentation of linguistic material of folklore texts and everyday descriptions, etc. At the same time, it requires enormous efforts on individual level from the cultural and linguistic community, and on the community level from the public organizations, educational institutions and government authorities. One of the most effective ways to revive national languages is language training centers. The way they are organized and work are considered on the example of “language nests” in Finland and Karelia.

Conclusion. Based on the measures to save the Finnish language by L. Kotilainen, the author of the publication proposed her own system for the preservation of national languages, which does not always require mandatory state support and funding, although in no case excludes it. In particular, it is proposed to create a network of free language webinars, to organize competitions for the best blogs made in ethno-language, the best master of words who came up with the most successful equivalent of a Russian word.

Keywords: a national language, the Karelian language, Inari-Sami, revitalization, a language nest, measures to save the language

For citation: Bratchikova NS. “Language nests”: the rebirth of the language (on the example of the Inari-Sami and Karelian languages). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;1:8–18. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.8-18.

REFERENCES

1. Borisova NV. Language policy in regions of modern Russia: resource opportunities, public demands and political limits. *Sotsio- i psikholingvistiicheskie issledovaniia* = Socio- and psycholinguistic studies. 2020;8:7–16. URL: http://splr.psu.ru/wp-content/uploads/2020/12/Борисова_2020.pdf (accessed 03.02.2023). (In Russ.)
2. Bulatova NY. The role of translations in the preservation and development of languages of indigenous peoples of the North (based on the material of the Evenki language). *Nauchnyi vestnik Iamalo-Nenetskogo avtonomnogo okrug* = Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2020;1:60–63. (In Russ.). DOI: 10.26110/ARCTIC.2020.106.1.006.
3. Zeleneeva GS. The Mari language as a factor in the preservation of the ethnic identity of the Mari people in the context of globalization (based on sociological research). *Problemy mariiskoi i sravnitel'noi filologii: sb. st. VI Vse-ros. nauch.-prakt. konf.* = Problems of Mari and comparative philology. Collection of articles of the VI All-Russian scientific and practical conference. Yoshkar-Ola; 2019:46–49. URL: <https://kidsher.ru/ru/culture/20373> (accessed 01.11.2022). (In Russ.)
4. Kondratieva NV, Stepanova OA. Formation of the social and political vocabulary in the Udmurt language as a reflection of language construction. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018;2:26–36. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.02.026-036.
5. Kondrashkina EA. The future of the languages of the Finno-Ugric Peoples of

- the Russian Federation. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2021;2:262–271. (In Russ.). DOI:10.35634/2224-9443-2021-15-2-262-271.
6. Kosintseva EV. The genre of a ballad in Khanty literature. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2021;11;1:44–51. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-1-44-51.
  7. Kosintseva EV. Presentation of the rural settlements of Ugra in Khanty poetry. *Nauka i innovatsii – sovremennye kontseptsii: sb. nauch. st. po itogam raboty Mezhdunar. nauch. foruma* = Science and Innovation – modern concepts. Collection of scientific articles on the results of the work of the International Scientific Forum. Moscow; 2021:48–55. (In Russ.)
  8. Laptander RJ. Language documentation: what is it and how to work on it? (methodological recommendations). *Nauchnyi vestnik Iamal-Nenetskogo avtonomnogo okruga* = Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2020;1:54–59. (In Russ.). DOI: 10.26110/ARCTIC.2020.106.1.005.
  9. Laptander RJ. Translation of folklore texts from the Nenets language into Russian (on the example of the text “Nyakhar” Ways”). Materials of the 2nd International conference on samoyedology (dedicated to the 100th anniversary of the birth of Natalia Mitrofanovna Tereshchenko). Saint-Petersburg; 2008:153–157. (In Russ.)
  10. Mosin MV. Modern languages of the Finno-Ugric peoples of Russia (state and prospects for the development of the Mordovian languages). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2012;3–4:26–31. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2012/3-4/26-31.pdf> (accessed 03.02.2023). (In Russ.)
  11. Nizamova LR. The language situation in the national republics of the Volga region: a comparative analysis of Tatarstan and Udmurtia. *Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik* = The Kazan socially-humanitarian bulletin. 2021;3:23–27. (In Russ.). DOI: 10.26907/2079-5912.2021.3.23-27.
  12. Onina SV. Lexico-semantic groups of names associated with reindeer breeding in the Khanty language. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Lingvistika* = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2011;3:111–114. (In Russ.)
  13. Onina SV. Imperative constructions with infinitive in the Khanty language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Theory & Practice. 2017;12;2:133–138. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/37.html> (accessed 03.02.2023). (In Russ.)
  14. Solovarov VN. Features of the semantics of Khanty verbs with the preverb *ara*. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2018;8;3:470–478. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-3-470-478.
  15. Solovarov VN. Problems and opportunities of the Khanty-Russian and Russian-Khanty translation. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2017;7;4:60–69. (In Russ.)
  16. Solovarov VN. Ways of comparison in Ob-Ugric languages. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2019;9;2:286–296. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-2-286-296.
  17. Torokhova EA. The language policy in the Udmurt Republic. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istorii i filologiya* = Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology. 2012;2:152–158. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-yazykovoy-politike-v-udmurtskoy-respublike> (accessed 03.02.2023). (In Russ.)
  18. Khakimov ER, Trusova EG. Russian as a lingua franca in the Republic of Udmurtia. *Slavica Helsingiensia 40. Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Helsinki; 2010:127–138. URL: <https://blogs.helsinki.fi/slavica-helsingiensia/files/2019/11/08-sh40.pdf> (accessed 04.11.2022). (In Russ.)
  19. Chernova SN. Possibilities of teaching the native (Udmurt) language in the Udmurt Republic. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* = Pedagogy. Theory & Practice. 2019;4;2:29–33. (In Russ.). DOI: 10.30853/pedagogy.2019.2.6.
  20. Kotilainen L. Suomensojelija: Ohjekirja kielen pelastamiseen. Helsinki; 2009.
  21. Pasanen A. Kuávsui já peeivičuová. ‘Sarastus ja päivänvalo’: Inarinsaamen kielen revitalisaatio. Helsinki; 2015;9.
  22. Skutnabb-Kangas T, Phillipson R. Linguistic human rights for the Kurds. *The Kurdish People – No Future without Human Rights*. Bremen; 1993. URL: <http://www.tove-skutnabb-kangas.org/dl/116-Skutnabb-Kangas-T-Phillipson-R-1993-Linguistic-Human-Rights-for-the-Kurds-Bucak-Sertac-Bremen.pdf> (accessed 07.11.2022).
  23. Wallace AFC. Revitalization movement. *American Anthropologist*. 1956;58;2:III–VI;221–406. URL: <https://anthrosource.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1525/aa.1956.58.2.02a00040> (accessed 07.11.2022).

Submitted 08.11.2022; reviewing 13.12.2022; accepted 26.12.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

N. S. Bratchikova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University; Professor of the Department of Linguistics and Professional Communications in Political Science, Moscow State Linguistic University, n.bratchikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7402-8327>

Соотношение коми-пермяцкого и коми-зырянского элементов в лексике верхнекамского идиома

Елена Николаевна Федосеева

Институт языка, литературы и истории

Коми научного центра Уральского отделения РАН,

Сыктывкар, Россия

Введение. Верхнекамское наречие – одна из разновидностей коми языка, распространенная в Афанасьевском районе Кировской области. Наречие представляет собой промежуточный идиом между коми-пермяцким и коми-зырянским языками. Целью статьи является анализ коми-пермяцких и коми-зырянских составляющих в лексической системе исследуемого наречия.

Материалы и методы. Материал для исследования собран во время диалектологических экспедиций в район проживания кировских пермяков в 2002–2012 гг. от носителей с высоким уровнем языковой компетенции. Работа выполнена с использованием описательного, сравнительного и статистического методов.

Результаты исследования и их обсуждение. Словарный состав верхнекамского наречия неоднороден. В нем выделяется наиболее многочисленная группа слов, общих для коми-пермяцких и коми-зырянских диалектов. Довольно многочисленную группу также образуют лексемы, функционирующие в верхнекамских говорах и повсеместно или на большей территории в коми-зырянском языке, но отсутствующие в коми-пермяцком. Также выделяется группа слов, соответствия которым зафиксированы в южных коми-зырянских диалектах: среднесысольском, лузско-летском и верхнесысольском. На территории функционирования верхнекамского идиома употребляются лексемы, изоглоссы которых охватывают верхнекамские и коми-пермяцкие говоры. Однако подобных коми-пермяцко-верхнекамских изоглосс немного, большинство из них имеют продолжение в зырянских диалектах. В результате анализа текстов на верхнекамском наречии выяснилось, что преобладающее большинство лексем встречается во всех разновидностях коми языков.

Заключение. Анализ лексического состава верхнекамского наречия показал, что указанный идиом невозможно безоговорочно относить к коми-пермяцкому языку, так как соотношение коми-зырянских и коми-пермяцких лексических черт в нем примерно одинаковое.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, коми-зырянский язык, верхнекамское наречие, диалект, словарный состав

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта: FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

Для цитирования: Федосеева Е. Н. Соотношение коми-пермяцкого и коми-зырянского элементов в лексике верхнекамского идиома // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 1. С. 19–27. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.19-27.

Введение

Верхнекамское наречие – одна из разновидностей коми языка, распространенная в верховьях Камы – в Афанасьевском районе Кировской области. Ареал указанного идиома является островным, оторванным от остальных коми разновидностей (коми-зырянского и коми-пермяцкого языков).

В настоящее время носители верхнекамского наречия большей частью проживают в компактно расположенных деревнях Илюши, Порубово, Рагоза, Пашино,

Меркучи, Карасюрово, Першино, Порошино, Ромаши, Мироново, Московская, Аверины, п. Афанасьево. В научной литературе для их обозначения употребляется несколько этнонимов: зюздинские коми-пермяки, зюздинские пермяки, кировские коми-пермяки, кировские пермяки, коми-зюздинцы, верхнекамские коми, верхнекамские коми-пермяки.

Представители указанной этнографической группы называют себя пермяка-

ми: *пэрмйакйас эмѳс' ми* 'пермяки мы'; *русской гижс'а, сидсѳ пэрмйакйас* 'русской записана, а так пермяки'; *ачыным думайтам, што ми пэрмйакйас* 'сами думаем, что мы пермяки'; *ай вѳлин пэрмйак* 'отец был пермяк'. Однако некоторые информанты иногда отмечали, что официально в паспорте были записаны коми-пермяками: *Ал'а, с'эстра, сийа коми-пэрмйачка опйат' записана* 'Аля, сестра, она коми-пермячкой опять записана'; *гижѳма паспорт ылын коми-пэрмйачка* 'в паспорте записана коми-пермячкой'; *минам быкѳб вонйас, соййас быкѳб вѳлины коми-пэрмйакйас гижѳмѳс'* 'у меня все братья и сестры коми-пермяками были записаны'. На наш взгляд, сочетание *коми-пермяк* ассоциируется у зюздинских пермяков с официальным названием национальности и употребляется с глаголом *гижны* и русским вариантом *записать* 'записать (в паспорте)'.¹

Свой язык кировские пермяки определяют как пермяцкий: *по-пэрмйацки вис'тала* 'по-пермяцки скажу'; *сийа по-пэрмйацки баитѳ* 'он по-пермяцки разговаривает'; *гортын мийан быкѳбѳнѳс' по-пэрмйацки баитисѳ* 'дома у нас все по-пермяцки говорили'; *ми баитам по-пэрмйацки* 'мы разговариваем по-пермяцки'; или пермский: *по-пэрмски то эшажык, ог баитѳ* 'по-пермяцки-то меньше, не разговариваем'; *ран'иэ по-пэрмски разговаривал'и вс'э*, 'раньше по-пермяцки разговаривали все'.²

Исследователь из Вятского государственного университета Ю. В. Березина пишет о том, что кировские пермяки используют особый диалект, который известен также как «пермянка» [2; 3; 6], однако во время наших экспедиций в период с 2002 по 2012 г. такое название родного языка не было зафиксировано. Слово *пэрмйанка* зюздинские пермяки использовали для обозначения женщины-пермячки. На вопрос о существовании данного слова как обозначения родного языка носители верхнекамского наречия отвечали, что не слышали об этом.

В настоящее время исследователи традиционно относят верхнекамское наречие к коми-пермяцкому языку. В состав коми-пермяцких языковых разновидностей идиом кировских пермяков включала Р. М. Баталова [1, 20]. В работе «Коми-пермяцкая диалектология» она отметила, что верхнекамское наречие является одним из переходных «диалектов» между коми-пермяцким и коми-зырянским языками, а также что его языковые черты, общие с коми-зырянскими, «не являются преобладающими, т. е. в наречии преобладают коми-пермяцкие черты» [1, 21].

Иная точка зрения была у В. И. Лыткина, который, опираясь на данные Г. А. Нечаева, в «Диалектологической хрестоматии по пермским языкам» представил его как промежуточный говор между коми-пермяцкими и коми-зырянскими говорами и указал, что «зюздинский говор ближе всего стоит к верхнесысольскому говору коми-зырянского наречия, имеющему наряду с коми-зырянскими чертами также ряд коми-пермяцких особенностей»¹. Сомнения относительно принадлежности верхнекамского наречия к коми-пермяцким диалектам высказывал Е. А. Цыпанов. По его мнению, данная территориальная разновидность коми языка, являясь своеобразным переходным диалектом, не может быть отнесена ни к коми-пермяцким, ни к коми-зырянским диалектам².

В ряде современных работ верхнекамский идиом традиционно называется верхнекамским наречием коми-пермяцкого языка или языком кировских пермяков. Однако С. А. Сажина отмечает, что, «функционируя и развиваясь в течение нескольких веков в условиях изолированности и сильного иноязычного воздействия, язык кировских пермяков приобрел целый ряд специфических особенностей, вместе с тем он сохранил основу, обнаруживающую наибольшее сходство с южными коми-зырянскими диалектами (большей частью с верхнесысольским)» [13].

¹ См.: Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам (с обзором диалектов и диалектологическим словарем). М., 1955. С. 18–19.

² См.: Цыпанов Е. А. Кама йѳвса комияс ордын // Войвыв кодзув. 1990. № 3. С. 56–62.

Особенности верхнекамского наречия впервые подробно были описаны в статье Г. А. Нечаева «Характеристика зюэдинского диалекта коми языка». Автор выделил основные черты и привел несколько небольших по объему текстов [5]. В обобщающем труде по коми-пермяцкой диалектологии Р. М. Баталова выделила специфические признаки языка, а также указала на явления, общие с коми-зырянским и коми-пермяцким языками [1, 221–223]. С 2002 г. системным изучением указанного идиома занимается С. А. Сажина. В ее статьях описываются фонетические и морфологические особенности языка Кировских пермяков [7–14]. В работах, посвященных верхнекамскому наречию, отражены наиболее существенные характеристики языковой разновидности и предпринята попытка определить его место в общекоми диалектном пространстве.

Представленная нами статья продолжает цикл статей о лексических особенностях верхнекамского идиома [16]. Ее целью стало выявление в словарном составе верхнекамского наречия пермяцких и зырянских элементов, а также их соотношения.

Материалы и методы

Фактический материал был собран во время диалектологических экспедиций в Афанасьевский район Кировской области в период с 2002 по 2012 г. от носителей старшего и пожилого возраста. Фактический материал приводится в принятой в пермской диалектологии фонематической транскрипции на кириллической основе. Работа выполнена с использованием описательного, сравнительного и статистического методов.

Результаты исследования и их обсуждение

Словарный состав верхнекамского наречия неоднороден. Прежде всего в нем можно выделить наиболее многочисленную группу слов, являющихся общими для коми-пермяцких и коми-зырянских диалектов. Такие лексемы распространены на всей территории функционирования

коми разновидностей, восходят к общекоми и более ранним периодам развития языка и относятся к устойчивому словарному фонду. Примерами могут служить следующие слова: *вӧр* ‘лес’ (кп., кз. *вӧр* ‘лес’), *лым* ‘снег’ (кп., кз. *лым* ‘снег’), *тишак* ‘гриб’ (кп., кз. *тишак* ‘гриб’), *лӧз* ‘синий’ (кп., кз. *лӧз* ‘синий’), *кан* ‘кошка’ (кп., кз. *кан* ‘кошка’), *гӧрны* ‘пахать’ (кп., кз. *гӧрны* ‘пахать’), *кар* ‘город’ (кп., кз. *кар* ‘город’), *кага* ‘ребенок’ (кп., кз., *кага* ‘ребенок’), *вит* ‘пять’ (кп., кз. *вит* ‘пять’), *пуктыны* ‘положить’ (кп., кз. *пуктыны* ‘положить’) и др.

В ряде слов верхнекамские лексемы имеют иное фонетическое оформление, обусловленное особенностями идиома: *ужалны* ‘работать’ (кп., кз. *уджавны* ‘работать’), *виз’ӧдны* ‘смотреть’ (кп. *видзӧтны*, кз. *видзӧдны* ‘смотреть’), *кӧз’ыд* ‘холодно, холодный’ (кп. *кӧдзыт*, кз. *кӧдзыд* ‘холодно, холодный’), *шӧктыны* ‘заставлять, просить что-либо сделать’ (кп., кз. *тишӧктыны* ‘заставлять, просить что-либо сделать’) и т. д. Подчеркнем, что фонетическое оформление верхнекамских слов в большинстве случаев ближе к коми-зырянскому языку, ср.: *ӧшӧдны* ‘повесить’ (кп. *ӧшӧтны*, кз. *ӧшӧдны* ‘повесить’), *т’эрка* ‘дом’ (кп. *кэрку*, кз. *кэрка* ‘дом’), *пыз* ‘мука’ (кп. *пиз*’, кз. *пыз*’ ‘мука’), *с’умӧд* ‘береста’ (кп. *с’умӧт*, кз. *с’умӧд* ‘береста’) и др.

Довольно многочисленную группу образуют лексемы, функционирующие в верхнекамских говорах и повсеместно или на большей территории в коми-зырянском языке, но отсутствующие в коми-пермяцком. Приведем ряд примеров: *вэрӧс* ‘муж’ (кз. *вэрӧс* ‘муж’, кп. сев. *мужик* ‘муж, мужчина’, кп. юж. *жӧн’ик* ‘муж’), *роз*’ ‘дыра’ (кз. *роз*’ ‘дыра’, кп. *ос’та* ‘дыра’), *куйӧд* ‘навоз’ (кз. *куйӧд* ‘навоз’, кп. *наз’ом* ‘навоз’), *дӧрӧм* ‘рубашка’ (кз. *дӧрӧм* ‘рубашка’, кп. *йӧрнӧс* ‘рубашка’), *пэриыны* ‘доставать’ (кз. *пэриыны* ‘доставать’, кп. *судзӧтны* ‘доставать’), *пӧс*’ ‘горячий’ (кз. *пӧс*’ ‘горячий’, кп. *пым* ‘горячий’), *гач* ‘штаны’ (кз. *гач* ‘штаны’, кп. *вэшиан* ‘штаны’), *йэжыд* ‘белый’ (кз. *йэджыд* ‘белый’, кп. *чочком* ‘белый’) и др.

Словарный состав верхнекамского наречия неоднороден. Прежде всего в нем можно выделить наиболее многочисленную группу слов, являющихся общими для коми-пермяцких и коми-зырянских диалектов. Такие лексемы распространены на всей территории функционирования коми разновидностей, восходят к общекоми и более ранним периодам развития языка и относятся к устойчивому словарному фонду.

Изоглоссы, отделяющие верхнекамские и коми-зырянские говоры от коми-пермяцких, проходят по границе распространения коми-пермяцких диалектов и образуют четкий пучок. Однако ряд слов этой группы (*гач, куйд, вэрӧс* и др.) отмечены в мысовском и лупьинском говорах северного коми-пермяцкого наречия, где получили распространение ввиду заимствования отдельных лексем в результате контактов с носителями верхневычегодского диалекта коми-зырянского языка [15, 86–103].

В верхнекамском наречии выделяется группа слов, соответствия которым зафиксированы в южных коми-зырянских диалектах: среднесысольском, лузско-летском и преимущественно в верхнесысольском. Например, слово *чӧт* ‘черника’ в этом фонетическом оформлении употребляется в верхнекамском наречии и верхнесысольском диалекте: *чӧт* ‘черника’, *чӧтйа*, *чӧта* ‘черничный, с черникой’ [4, 245], в остальных коми-пермяцких и коми-зырянских диалектах используется слово *чӧд*. Тот же ареал распространения имеет слово *вэрӧк*: *вэрӧк сайӧ* ‘замуж’, употребляющееся наряду с

вэрӧс. В этом фонетическом оформлении данные слова зафиксированы только в верхнекамском наречии и верхнесысольском диалекте коми языка: *вэрӧк сайӧ*, *вэрӧк сайӧ* ‘замуж’ [4, 165]. Ареал, охватывающий верхнекамское наречие и южные зырянские диалекты, имеют следующие лексические единицы: *гӧрдыд* ‘красный’ – *гӧрдыд* вс., лл., уд. ‘красный’³, *дубыд* ‘пресный, несолёный’ – *дубыд* вс., лл., сс. ‘пресный, несолёный’⁴, *н’атша* ‘мокрица’ – *нятша* вв., скр. ‘мокрица’⁵, *пӧрыс’мам* ‘бабушка по матери’ – *пӧрысьмам* вс. ‘бабушка по матери’ [4, 219], сс. ‘бабушка по отцу’⁶, *годок* ‘одногодка’ – *годок* вс. ‘одногодка’ [4, 167], *годок* сс. ‘одногодка’ (сообщение С. А. Сажинной) и др. Таким образом, приведенные выше изоглоссы образуют ареал, охватывающий верхнекамское наречие и южные коми-зырянские диалекты.

На территории функционирования верхнекамского идиома употребляются лексемы, изоглоссы которых охватывают верхнекамские и коми-пермяцкие говоры. С коми-пермяцкими диалектами исследуемое наречие объединено, например, следующими изоглоссами: *туримол’* ‘клюква’ (кп. *туримол’* ‘клюква’, кз. *турипув* ‘клюква’⁷); *чожа* ‘быстро, скоро’ (кп. *чожа* ‘быстро, скоро’, кз. *ӧдйӧ* ‘быстро, скоро’⁸); *н’оштӧм* ‘некрасивый’ (кп. *нӧштӧм* ‘некрасивый’, кз. *мисьтӧм* ‘некрасивый’⁹); *йагӧдалны* ‘собирать ягоды’ (кп. юж. *йагӧдавы* ‘собирать ягоды’, кп. сев. *йагӧдалны* ‘собирать ягоды’, кз. *вотчыны* ‘собирать ягоды’¹⁰); *кодколну* ‘намедни, на днях’ (кп. сев. *кодколну* ‘намедни, на днях’, кз. повсем. *коркӧ* ‘когда-то, когда-нибудь’ (полное соответствие отсутствует)¹¹); *ыбӧс* ‘дверь’ (кп. *ыбӧс* ‘дверь’, кз. *ӧдзӧс* ‘дверь’); *жагӧн’ик* ‘медленно, потихоньку’ (кп. *жагӧн’ик* ‘медленно, потихоньку’, кз. *нӧжйӧник*

³ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. С. 88.

⁴ Там же. С. 114.

⁵ Там же. С. 255.

⁶ Там же. С. 301.

⁷ Там же. С. 382.

⁸ Там же. С. 264.

⁹ Там же. С. 221.

¹⁰ Там же. С. 61.

¹¹ Там же. С. 159.

‘медленно’¹²); *öd'd'ön* ‘очень’ (кп. *öd'd'ön* ‘очень’, кз. *ёна* ‘очень’¹³); *вон* ‘брат’ (кп. *вон* ‘брат’, кз. *вок* ‘брат’); *гөрз'ыны* ‘вязать’ (кп. *гөрздз'ыны* ‘вязать’, кз. *кыны* ‘вязать’¹⁴) и т. д.

В частности, изоглосса *н'ошт'ом* ‘некрасивый’ охватывает территорию распространения коми-пермяцких диалектов полностью и верхнекамское наречие. Ради справедливости следует отметить, что в говорах верхнекамского наречия данная лексическая единица функционирует наряду со словом *мис'т'ом*, имеющим то же значение и повсеместно распространенным в коми-зырянском языке. Соответствия слову *н'ошт'ом* в близкородственных языках не выявлены, этимология неясна. Вероятно, *-т'ом* является исконным суффиксом со значением отсутствия чего-либо, деэтимологизированная часть *н'ош-* в таком случае должна иметь значение ‘красота’. В настоящее время, исходя из сказанного выше, а также ареала употребления языковой единицы, исследуемое слово можно считать коми-пермяцкой инновацией, получившей распространение и на территории верхнекамского идиома.

Однако подобных «чистых» коми-пермяцко-верхнекамских изоглосс немного, большинство из них имеют продолжение в зырянских диалектах, преимущественно в верхнесысольском и лузско-летском. Например, вариант лексемы *кодколну* ‘намедни, на днях’ встречается в присыктывкарском диалекте в форме *кодк'олун*, в лузско-летском – *кодъялун*, в верхнесысольском – *к'одк'олун'ö*¹⁵ [4, 185]; вариант слова *жаг'он'ик* ‘медленно’ в форме *джаг'оник'он* зафиксирован в верхнесысольском диалекте коми языка¹⁶.

Таким образом, в верхнекамском наречии можно выделить группу лексических

единиц, ареал распространения которых охватывает коми-пермяцкие диалекты, верхнекамское наречие и южные, преимущественно верхнесысольский, диалекты, а граница, отделяющая верхнекамские и коми-пермяцкие говоры от коми-зырянских, не столь устойчива, изоглоссы образуют расплывчатый пучок.

В заключение приведем результаты небольшого статистического анализа. Для него нами были выбраны два текста из «Букваря на верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка»¹⁷, изданного в 2019 г., и два отрывка спонтанной речи носителей верхнекамского наречия старшего возраста, хорошо владеющих родным языком.

Текст «Флаг»¹⁸ содержит 48 слов, из них 12 повторяющихся (*ылын*, *г'ордыд*, *зел'ён'ой*, *флаг* и т. д.). В составе оставшихся 36 слов (100 %) 29 (около 80,5 %) являются общими для всех коми разновидностей (коми-пермяцкой, коми-зырянской и верхнекамской), одно из них (3,4 %) стоит в форме, близкой к коми-пермяцкой (кп. *одзджык*, ср.: кз. *водзджык* ‘раньше’). Три слова (примерно 8,3 %) функционируют только в верхнекамском наречии (*чойд'ор*, *бык'об*, *ылын*), две лексемы (5,5 %) являются общими для верхнекамского наречия и коми-зырянского языка (*еджыд*, *код'и*) и еще одно слово (почти 2,8 %) объединяет верхнекамский идиом с южными коми-зырянскими диалектами (*г'ордыд*). Одно слово (почти 2,8 %) является общим с коми-пермяцким языком (*с'ия*), где оно функционирует повсеместно. Однако эта лексема зафиксирована также и в зырянских диалектах (*с'ия* вв., вс., вым., лл., нв., печ., сс., уд.¹⁹).

Текст “Джыдж”²⁰ («Ласточка») состоит из 41 слова, причем три повторяются. Из 38 слов (100 %) 30 (почти

¹² Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. С. 249.

¹³ Там же. С. 120.

¹⁴ Там же. С. 187.

¹⁵ Там же. С. 159.

¹⁶ Там же. С. 249.

¹⁷ См.: Букварь: учеб. пособие для 1 класса (на верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка) / авт.-сост.: Н. Е. Ичетовкина, Н. Е. Меркучева, В. Е. Тебенькова, В. В. Федосеева. Кудымкар, 2019.

¹⁸ Там же. С. 53.

¹⁹ См.: Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. С. 338.

²⁰ См.: Букварь. С. 51.

79,0 %) широко распространены также в коми-пермяцком и коми-зырянском языках. Из этих 30 общих лексических единиц три (10,0 %) фонетически совпадают с коми-зырянским языком или его территориальными разновидностями (*шоньдінö* – ср.: кп. *шоньтінö*; *лебалö* – ср.: кп., кз. *лебалö*, кз. юж. *лебалö*; *дженыдöсь* – ср.: кп. *дженытöсь*). Два слова (почти 5,3 %) имеют параллели в коми-зырянском языке (*ичöт*, *вöчö*) и еще два функционируют только в верхнекамском наречии (*быкöбся*, *ылын*). Четыре слова (10,5 %) имеют параллели в коми-пермяцком языке, где функционируют повсеместно (*каёк*, *öддöн*, *сия*, *чожаджык*). Однако три из них (75,0 %) имеют параллели также в зырянских диалектах: *сия* широко распространено на территории коми-зырянского языка²¹, *чожа* – в южных коми-зырянских языковых разновидностях (вс., лл., скр., сс.)²², а слово *öддöн* в том же значении и той же форме зафиксировано в верхнесыольском диалекте²³, в форме *öдйöн* с тем же значением – в лузско-летском²⁴.

При анализе приблизительно одинаковых по объему двух отрывков спонтанной речи выяснилось, что около 70 % всех анализируемых слов являются общими для всех коми языковых разновидностей. Почти 15 % слов употребляются только в верхнекамских говорах, из них около 10 % являются русскими заимствованиями, вместо которых в коми-пермяцком и коми-зырянском языках функционируют исконные лексемы. Примерно 7 % слов употребляются в верхнекамских говорах и коми-пермяцком языке (часть из них распространена также в диалектах коми-зырянского языка) и около 8 % – в исследуемых говорах и коми-зырянском языке.

Заключение

Таким образом, около 80 % лексики верхнекамского наречия – общие для всех трех коми разновидностей (коми-

пермяцкой, коми-зырянской, верхнекамской). Собственно верхнекамские лексические единицы занимают от 5 до 15 % в зависимости от темы сообщения и формы речи (письменной или устной). Соотношение коми-пермяцких и коми-зырянских лексических единиц в верхнекамском наречии примерно одинаковое, несмотря на некоторые колебания (в устных текстах оно составляет 7 % кп. против 8 % кз., в первом письменном – соответственно 2,8 против 5,5, во втором письменном – 10,5 против 5,3 %). Однако следует уточнить, что слова, употребляющиеся в верхнекамском наречии и коми-пермяцком языке, чаще всего фиксируются и в ряде коми-зырянских диалектов, особенно в южных. Напротив, лексемы верхнекамского наречия, имеющие соответствия в коми-зырянском языке, почти не употребляются в коми-пермяцком языке. Граница между верхнекамским наречием и коми-пермяцким языком является более четкой и устойчивой по сравнению с размытой коми-зырянской. Этот факт, вероятно, говорит о большей связи верхнекамского наречия с коми-зырянским языком (особенно с южными диалектами), что подтверждается и считающимися устойчивыми явлениями на фонетическом и морфологическом уровнях.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>вв.</i> –	верхневьчегодский диалект коми языка
<i>вс.</i> –	верхнесыольский диалект коми языка
<i>вым.</i> –	вымский диалект коми языка
<i>кз.</i> –	коми-зырянский язык
<i>кп.</i> –	коми-пермяцкий язык
<i>лл.</i> –	лузско-летский диалект коми языка
<i>нв.</i> –	нижневьчегодский диалект коми языка
<i>сев.</i> –	северное наречие
<i>скр.</i> –	присыктывкарский диалект коми языка
<i>сс.</i> –	среднесыольский диалект коми языка
<i>печ.</i> –	печорский диалект коми языка
<i>повсем.</i> –	повсеместное
<i>уд.</i> –	удорский диалект коми языка
<i>юж.</i> –	южное наречие

²¹ См.: Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. С. 338.

²² Там же. С. 414.

²³ См.: Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Словарь диалектов коми языка: в 2 т. / под ред. Л. М. Безносиковой. Сыктывкар, 2014. Т. 2. С. 12.

²⁴ Там же. С. 14.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
2. Березина Ю. В. Социолингвистическое анкетирование как показатель социолого-демографических и этноязыковых особенностей региона // Инновационные технологии в науке и образовании: сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Пенза, 2017. Ч. 2. С. 240–242. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30489495_27337472.pdf (дата обращения: 05.04.2022).
3. Березина Ю. В. Языковое пространство верхнекамских пермяков // Теоретические и практические проблемы развития современной науки: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. Махачкала, 2017. С. 58–62. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32234005_45252053.pdf (дата обращения: 05.04.2022).
4. Жилина Т. И. Верхнесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975. 268 с.
5. Нечаев Г. А. Характеристика Зюздинского диалекта Коми языка // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Сыктывкар, 1930. Вып. 1. С. 7–27.
6. Обухова О. Н., Березина Ю. В., Байкова О. В., Бузмакова Е. В. Описание этнического образа (на примере коми-пермяцкой этнической общности Афанасьевского района Кировской области) // Казанская наука. 2017. № 11. С. 109–113. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30762165_64541299.pdf (дата обращения: 05.04.2022).
7. Сажина С. А. Послелого в языке кировских пермяков // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 3. С. 474–484. DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-3-474-484.
8. Сажина С. А. Прилагательное в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 3. С. 284–292. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.284-292.
9. Сажина С. А. Реализация грамматических категорий глагола в языке кировских пермяков // *Linguistica Uralica*. 2018. Т. 54, № 1. С. 40–52. DOI: 10.3176/lu.2018.1.04.
10. Сажина С. А. Словоизменение личных местоимений в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2018. Вып. 4. С. 50–59. DOI: 10.23951/2307-6119-2018-4-50-59.
11. Сажина С. А. Словоизменение существительных в языке кировских пермяков // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15, вып. 1. С. 34–44. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-34-44.
12. Сажина С. А. Указательные местоимения в языке кировских пермяков // Финно-угорский мир. 2018. № 2. С. 68–76. DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.02.068-076.
13. Сажина С. А. Фонетические и морфологические маркеры языка кировских пермяков // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2016. № 2. С. 40–48. URL: http://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/sazhina_s_a_40_48_2_12_2016.pdf (дата обращения: 06.04.2022). (In Russ.)
14. Сажина С. А. Функционирование аффрикат в языке кировских пермяков // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 3. С. 486–492. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-3-486-492.
15. Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка / науч. ред. Г. В. Федонева. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. 196 с.
16. Федосеева Е. Н. О происхождении некоторых слов верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Пермистика-16. Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. науч. тр. Сыктывкар, 2017. С. 318–325.

Поступила 11.04.2022; одобрена 12.05.2022; принята 26.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. Н. Федосеева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, lenafed@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0057-3584>

The correlation of the Komi-Permian and Komi-Zyryan elements in the vocabulary of the Upper-Kama idiom

Elena N. Fedoseeva

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia*

Introduction. The Upper-Kama dialect is one of the varieties of the Komi language, which is rather common in the Afanasyevsky area of the Kirov region. The dialect is an intermediate idiom between the Komi-Permian and Komi-Zyryan languages. The purpose of the paper is to analyze the Komi-Permian and Komi-Zyryan components in the lexical system of the dialect.

Materials and Methods. The material for the study was collected during dialectological expeditions to the area of residence of the Kirov Permians in 2002–2012. It was collected from native speakers with a high level of language competence. The research was carried out using descriptive, comparative and statistical methods.

Results and Discussion. The vocabulary of the Upper-Kama dialect is heterogeneous. The most numerous group of words common for the Komi-Permian and Komi-Zyryan dialects is distinguished. Lexemes in the Upper Kama dialects and at a larger territory in the Komi-Zyryan language, but are absent in the Komi-Permian one. There is also a group of words which correspondences are recorded in the southern Komi-Zyryan dialects: Mid-Sysola, Luza-Letka and mainly in the Upper-Sysola one. On the territory of the Upper-Kama idiom there are the lexemes, which isoglosses cover the Upper-Kama and Komi-Permian dialects. However, there are not so many similar Komi-Permian-Upper-Kama isoglosses; most of them can be found in the Zyryan dialects. As a result of the analysis of the texts in the Upper-Kama dialect, it turned out that the overwhelming majority of lexemes are found in all varieties of Komi languages.

Conclusion. The analysis of the lexical composition of the Upper-Kama dialect has shown that the specified idiom cannot be unconditionally attributed to the Komi-Permian language, since the correlation of the Komi-Zyryan and Komi-Permian lexical features in it is approximately the same.

Keywords: the Komi-Permian language, the Komi-Zyryan language, Upper-Kama dialect, dialect, vocabulary

Acknowledgments: The publication is prepared as part of the implementation of the state assignment of the Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”, the state registration number of the project is IYALI FUUU-2021-0008 “The Permian languages in the linguocultural space of the European North and the Urals”.

For citation: Fedoseeva EN. The correlation of the Komi-Permian and Komi-Zyryan elements in the vocabulary of the Upper-Kama idiom. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;1:19–27. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.19-27.

REFERENCES

1. Batalova RM. Komi-Permyak dialectology. Moscow; 1975. (In Russ.)
2. Berezina JV. Sociolinguistic questioning as an indicator of the socio-demographic and ethno-linguistic characteristics of the region. *Innovatsionnye tekhnologii v nauke i obrazovanii: sb. st. VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch.* = Innovative technologies in science and education. Collection of articles of the VI International scientific and practical conference. Penza; 2017;2:240–242. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30489495_27337472.pdf (accessed 05.04.2022). (In Russ.)
3. Berezina JV. Linguistic space of the Upper Kama Permians. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiia sovremennoi nauki: materialy XV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Theoretical and practical problems of the development of modern science. Materials of the XV International scientific and practical conference. Makhachkala; 2017:58–62. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32234005_45252053.pdf (accessed 05.04.2022). (In Russ.)
4. Zhilina TI. Upper Sysola dialect of the Komi language. Moscow; 1975. (In Russ.)
5. Nechaev GA. Characteristics of the Zyuzda dialect of the Komi language. *Sbornik komisii po sobiraniuu slovaria i izucheniiu dialektov komi iazyka* = Collection of the commission for collecting a dictionary and studying

- dialects of the Komi language. Syktyvkar; 1930;1:7–27. (In Russ.)
6. Obukhova ON, Berezina JV, Baikova OV, Buzmakova EV. Description of the ethnic image (by the example Komy-Permyak ethnic group of the Afanasyevsky district in the Kirov region). *Kazanskaia nauka* = Kazan Science. 2017;11:109–113. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30762165_64541299.pdf (accessed 05.04.2022). (In Russ.)
  7. Sazhina SA. Postpositions in the language of the Kirov Permyaks. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2019;9;3:474–484. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-3-474-484.
  8. Sazhina SA. Adjectives in the Upper-Kama dialect of the Komi-Permian language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;3:284–292. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.284-292.
  9. Sazhina SA. Implementation of the grammar categories of the verb in the language of the Kirov Permians. *Linguistica Uralica* = Linguistica Uralica. 2018;54;1:40–52. (In Russ.). DOI: 10.3176/lu.2018.1.04.
  10. Sazhina SA. Personal and intensifying personal pronouns in the Upper-Kama dialect of the Komi-Permian language. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii* = Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2018;4:50–59. (In Russ.). DOI: 10.23951/2307-6119-2018-4-50-59.
  11. Sazhina SA. Noun derivation in the language of the Kirov Permyaks. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2021;15;1:34–44. (In Russ.). DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-34-44.
  12. Sazhina SA. Demonstrative pronouns in the language of the Kirov Permians. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018;2: 68–76. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.02.068-076.
  13. Sazhina SA. Phonetic and morphological markers of the language of the Kirov Permians. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii* = Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2016;2:40–48. URL: http://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/sazhina_s_a_40_48_2_12_2016.pdf (accessed 06.04.2022). (In Russ.)
  14. Sazhina SA. Functioning of affricates in the Upper-Kama dialect of the Komi-Permian language. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2021;11;3: 486–492. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-3-486-492.
  15. Fedoseeva EN. Vocabulary of the northern dialect of the Komi-Permyak language. Syktyvkar; 2015. (In Russ.)
  16. Fedoseeva EN. On the origin of some words of the Verkhnekamsk dialect of the Komi-Permyak language. *Permistika-16. Dialekty i istoriia permskikh iazykov vo vzaimodeistvii s drugimi iazykami: sb. nauch. tr.* = Permistics-16. Dialects and history of Permian languages in interaction with other languages. Collection of scientific papers. Syktyvkar; 2017:318–325. (In Russ.)

Submitted 11.04.2022; reviewing 12.05.2022; accepted 26.12.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. N. Fedoseeva – Candidate Sc. {Philology}, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, lenafed@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0057-3584>

Трансформации идентичностей жителей арктических районов Карелии (на материалах Лоухского района)

**Эльвира Александровна Джошвили
Александр Федорович Кривоноженко
Юлия Валерьевна Литвин
Светлана Эркиевна Яловицына**

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Россия*

Введение. В статье представлены первые результаты историко-социологического исследования, посвященного влиянию на идентичности жителей факта включения в Арктическую зону Российской Федерации нескольких районов Карелии, на примере самого северного в республике Лоухского района.

Материалы и методы. Авторы исходят из взаимосвязи территории, традиций и идентичностей, которые сохраняют значимость, но отличаются подвижностью во времени. Методологическая база исследования включает в себя применение сравнительно-исторического метода, контент-анализа, метода качественных и полевых исследований. Используется комплексный анализ источников, в основе которого лежат опубликованные и неопубликованные исторические, публицистические, социологические данные. Полевыми материалами являются глубинные интервью с жителями Лоухского района, собранные в июле 2022 г.

Результаты исследования и их обсуждение. Представлен краткий обзор исторического развития территории Лоухского района, описаны результаты анализа материалов СМИ и интернет-источников. Привлеченные методы формализованного анализа текстов, использование техник кодирования, категорирования транскриптов интервью, перекрестная интерпретация данных исследователями позволили вычлнить наиболее типичные варианты идентичностей и особенности, характерные для избранного региона. Были обнаружены отличия в доминировании разных типов идентичностей в западной и восточной частях района, особенно на уровне официальной репрезентации.

Заключение. В статье делается вывод, что в настоящее время в общественном дискурсе этническая идентичность сохраняется и проявляется в «фестивальном проекте этничности». На материалах интервью показано, что этническая идентичность уступает место гражданской или региональной. Арктическая идентичность не является укорененной в восприятии информантов. Более близкой и понятной для жителей Карельской Арктики представляется северная идентичность, «северяне».

Ключевые слова: Арктика, Карелия, идентичность, историко-социологическое исследование, глубинные интервью, традиция, новация

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20318 (<https://rscf.ru/project/22-28-20318/>), проводимого совместно с органами власти Республики Карелия с финансированием из Фонда венчурных инвестиций Республики Карелия (ФВИ РК).

Для цитирования: Джошвили Э. А., Кривоноженко А. Ф., Литвин Ю. В., Яловицына С. Э. Трансформации идентичностей жителей арктических районов Карелии (на материалах Лоухского района) // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 1. С. 28–43. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.28-43.

Введение

С 2017 по 2020 г. шесть северных районов (муниципальных образований) Республики Карелия были отнесены к Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ). Это стало основанием для реализации в республике ряда федеральных программ социально-экономического развития указанных территорий. Кроме потенциального эффекта в сфере экономики и демографии,

новые программы могут влиять на идентичности жителей Арктической зоны Республики Карелия (АЗРК), их установки на укорененность и мобильность.

Авторы исходят из взаимосвязи территории, традиций и идентичностей, которые сохраняют значимость, но отличаются подвижностью во времени. Согласно гипотезе исследования, изменению идентичности

под влиянием нового арктического статуса подвержены все жители края (автохтонное население, переселенцы). Этот вызов влияет на соотношение традиции и новации в идентичности жителей арктических районов Карелии и требует исследования. Хотя в рамках статьи и существует территориальная привязка – к Лоухскому району, авторы понимают всю условность данных границ для изучения идентичности.

Современные исследователи отмечают ошибочность подхода, когда идентичность изучается только в контексте конкретного места, на котором оказались те или иные группы населения. В дискуссиях они всё чаще используют понятия «гибридной», составной, иерархической идентичности, возникающей в результате смешения двух или большего количества культур. Это наблюдение выводит на проблемы соотношения локального и более широкого регионального (в рамках АЗРК) материала.

Интервью с жителями АЗРК как главный метод качественного исследования позволят сделать «моментальный снимок» идентичностей населения Лоухского района. Он может получиться весьма пестрым в силу разных исторических традиций, сложившихся на избранных территориях к настоящему времени, состава населения, социально-экономического развития, установок на будущее. Но при всем многообразии нарратива существующие методы формализованного анализа текстов, использование кодирования, категорирования транскриптов, перекрестная интерпретация данных исследователями дадут возможность вычленивать наиболее типичные варианты идентичностей, а возможно, и особенности, характерные для частей региона.

Изучение обозначенных процессов стало целью проекта «Традиции и новации в региональной идентичности жителей современных арктических районов Карелии: историко-социологическое исследование», осуществляемого авторами статьи. В данной работе представлены первые результаты исследования на материалах Лоухского

района, который одним из первых вошел в АЗРК. Кроме того, рассматриваемый район имеет природно-географическую и этнокультурную специфику – его протяженность с запада на восток от границы с Финляндией до Белого моря влияла на тип хозяйствования, уклад жизни и, вероятно, идентичности жителей. Во время поездки в Лоухский район в июле 2022 г. авторами были собраны полуструктурированные глубинные интервью, которые наряду с анализом комплекса исторических, статистических данных, материалов СМИ и социальных сетей составили разнообразный, дополняющий друг друга круг источников.

В статье используется комплексный подход. В рамках нескольких гуманитарных дисциплин (истории, этнологии, социологии) с помощью разных методов предлагается исследовать исторический контекст и современную идентичность жителей одного из арктических районов Карелии.

Обзор литературы

Статья включает в себя несколько блоков, каждый из которых имеет свою историографическую традицию.

1. Наиболее исследованным в общетеоретическом плане является феномен «идентичность» в его различных измерениях. В центре нашего внимания находится территория Арктики и Севера. Северная идентичность концептуализирована в работах А. В. Головнева, Ю. П. Шабаева и др. [4; 27]. Ученые приходят к выводу о связи «северности» с региональной и общегражданской идентичностью.

Обзор работ, посвященных арктической идентичности, представлен у ряда исследователей¹. При этом само понятие во многом определяется исследовательским фокусом [23; 30]. Если в поле зрения оказываются природные ресурсы, то первичной является ресурсная база [19], а концепты «Север», «Крайний Север» и «Арктика» могут сливаться при описании экономических моделей развития («северо-арктические территории»). На геополитическом уровне само понятие и границы

¹ См., например, подготовленный О. В. Коковкиной библиографический обзор «Изучение российской Арктики (библиография 1991–2016)». URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/archives/exhibit2/rusarc.ssi> (дата обращения: 19.11.2022).

Арктики могут «пересобираться»². Если в поле зрения находятся человеческий капитал, вопросы устойчивого развития, этнической специфичности и традиционного хозяйствования, то на первый план выходят темы жизненных стратегий миграции/укоренения, качества жизни и предпочтений. Подобный антропологический подход к изучению Севера и Арктики развивают ведущие исследовательские центры: Отдел этнографии Сибири Кунсткамеры, Центр социальных исследований Севера Европейского университета в Санкт-Петербурге, «Томская школа» и ряд других региональных центров в России, а также Институт полярных исследований имени Скотта (Scott Polar Research Institute) в Англии, Арктический центр Университета Лапландии (Arktinen keskus on Lapin yliopiston), Университет Арктики (The University of the Arctic, UArctic), включающий в себя более 200 вузов и научно-исследовательских организаций, расположенных в Арктике или ею занимающихся³.

Таким образом, где находится Арктика и что значит быть «Арктикой», остается открытым вопросом, полем для разных дискурсов. Мы согласны с исследователями, которые подчеркивают, что «первоосновой и основополагающим смыслом особенности данного региона выступает географический маркер», но не в пределах административных границ, а шире – на уровне макрорегиональной идентичности (как и Русский Север, Центральная Россия и др.) [23, 5, 203].

Еще одно значимое понятие в рамках нашей статьи – «региональная идентичность», которая трактуется как представления человека о себе в сопоставлении с общностью, локализованной в части социально освоенного пространства [7, 77]. Для региональной идентичности место проживания служит ключевым признаком. Исследования отечественных социологов доказывают, что государственные, адми-

нистративные и этнические границы играют существенную роль в формировании и последующей динамике региональной идентичности [8]. Элементами «сборки» региона в сознании людей являются институционально-политический контроль, экономическое развитие, культурная стандартизация и общность исторического прошлого региона [6, 121].

Северная, арктическая, региональная идентичность, как и иные ее виды, опираются на социальные мифы, в частности об особенностях территории проживания [24]. В числе проекций региональной идентичности – символическое освоение и репрезентация пространства. Результатом подобного процесса может стать появление новых этнических и/или культурных доминант, приписываемых определенной территории. Одним из пространств презентации идентичности выступают средства массовой информации и Интернет.

2. Такое направление, как киберэтнография (веб-этнография, онлайн-этнография), получившее развитие в 1980-е и, особенно, в 2000-е гг. (см., например: [31]), в настоящее время активно осваивается российскими учеными⁴. Веб-этнография не замыкается на работе с компьютером и гаджетом, а предполагает физическое наблюдение за тем, как виртуальная жизнь встраивается в повседневную реальность [5]. Социальные сети становятся площадкой для реализации форм солидарности, в том числе в определении и поиске идентичности – этнической, региональной, локальной. На территории Российской Арктики вопросами киберэтнографии занимаются, в частности, исследователи из Кольского научного центра РАН [22]. Изучение СМИ и социальных сетей является своеобразной проекцией традиционной тематики и методологии на новую виртуальную «территорию».

3. В поле зрения авторов статьи находится самый северный из арктических райо-

² Так, Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (2008 г.), в которых границы Арктической зоны обусловлены прежде всего «экстремальными природно-климатическими условиями», расширяют их до геополитических. В этих пределах включение территории в Арктическую зону является «политическим актом» и «инструментом защиты национальных экономических интересов» (подробнее об этом см.: [23, 140–156]).

³ Подробнее см.: Вахтин Н. Б. К истории изучения Сибири и Севера в социальном аспекте: Материалы к учебнику. СПб., 2020. С. 36–48.

⁴ Обзор историографии см.: [25].

нов Карелии – Лоухский. Одним из первых край, который в то время входил в состав Кемского уезда Архангельской губернии, в 1830-х гг. посетил Э. Лённрот⁵. 1872 г. путешествие сюда совершил А. А. Борениус, в 1879 г. – А. В. Эрvasti, в 1894 г. – И. К. Инха⁶. Социально-экономическое и этнокультурное развитие территории интересовало российских дореволюционных этнографов. При описании быта жителей края они обращали внимание на этнически специфические черты в укладе жизни поморов и карел, хозяйственные занятия, обычное право⁷.

Внимание советских историков фокусировалось на изучении рабочего класса, промышленного освоения края и культурного строительства⁸ [18; 20; 21]. Трансформации традиционного уклада в послевоенный период на материалах Карелии, в частности северной, посвящены работы этнолога Ю. Ю. Сурхаско [26] и этносоциологов Е. И. Клементьева и А. А. Кожанова и др. [15; 29].

Отдельно отметим сборник статей «Исторические судьбы Беломорской Карелии», изданный Карельским научным центром РАН [12]. Он содержит в себе ряд публикаций обобщающего характера по истории края (авторы А. Ю. Жуков, М. В. Пулькин, В. А. Гущина, Н. А. Кораблев⁹, О. П. Илюха), периоду Великой Отечественной войны (В. Г. Макуров, Д. А. Шкляев), а также социально-экономическому развитию в период коллективизации (О. А. Захарова) и послевоенного восстановления экономики (Л. И. Вавулинская).

Изучение того, как разные социальные институты повлияли на самовосприятие жителей приграничных «карельских» во-

лостей Кемского уезда в начале XX в., представлено в работах М. А. Витухновской, О. П. Илюхи, Ю. Г. Шикалова [2; 11; 28].

Включение Карелии в состав Арктической зоны привлекло внимание современных исследователей. До настоящего времени территория изучалась преимущественно экономистами [3; 14].

Таким образом, создана обширная историографическая база по истории края, включая необходимый материал по изучению идентичности, в том числе в Российской Арктике. В то же время Арктическая Карелия как относительно новый феномен до сих пор практически не попадала в поле зрения гуманитарной науки.

Материалы и методы

Методологическая база исследования включает в себя применение сравнительно-исторического метода, контент-анализа, метода качественных и полевых исследований.

С помощью контент-анализа были проанализированы материалы муниципальных СМИ, сайтов администраций районов и различных сообществ в социальной сети «ВКонтакте». Наряду с официальными аккаунтами общественных и культурных организаций есть примеры персональных инициатив. Среди первых – официальные группы домов культуры, музеев, общественных и некоммерческих организаций; среди вторых – поселенческие сообщества, например «Наша Чупа», «Лоухи», «Чупинград» и т. д. Методика анализа состояла из двух этапов: сбор информации о публикациях по теме проекта и их типах с июня 2020 по май 2022 г. с указанием даты

⁵ См.: Путешествие Элиаса Лённрота: Путевые заметки, дневники, письма, 1828–1842. Петрозаводск, 1985.

⁶ См.: Borenius A. A. Runonkeruumatkalta Venäjän Karjalassa v. 1872 // Suomi: kirjoituksia isänmaallisista aineista. Jakso 2, osa 11. Helsinki, 1876. S. 245–262; Ervasti A. V. Muistelmia matkalta Wenäjän Karjalassa kesällä 1879. Oulu, 1880; Инха И. К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии; очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск; Кухмо, 2019.

⁷ См.: Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии. Архангельск, 1914; Верещагин В. П. Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849; Чубинский П. П. Статистическо-этнографический очерк Корелы // Труды Архангельского статистического комитета за 1865 год. Архангельск, 1866. Кн. 2. С. 65–134; Энгельгардт А. П. Очерк путешествия архангельского губернатора А. П. Энгельгардта в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск, 1895; Его же. Русский Север: Путевые записки архангельского губернатора. СПб., 1896; Н. Кестеньгский приход (к вопросу о современном состоянии карельских приходов) // Архангельские епархиальные ведомости. 1908. № 17. С. 574–582; № 18. С. 624–632 и др.

⁸ См.: Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР, 1926 г. – июнь 1941 г.: сб. док. и материалов / отв. ред. Г. И. Мезенцев. Петрозаводск, 1984.

⁹ В исследовательском фокусе историка Н. А. Кораблева [16; 17] находился Карельский берег Белого моря.

публикации и типа материалов (Анонс / Репортаж / Очерк); анализ содержания публикаций по ключевым темам в соответствии с обозначенной целью исследования. Отбор групп «ВКонтакте» осуществлялся по следующим принципам: группа связана с районом, группа пополняется новыми постами по крайней мере раз в две недели; в ней есть возможность комментирования (чтобы отслеживать обратную связь). Всего было отобрано 13 источников, 78 записей.

Анализ спектра идентичностей жителей Лоухского района в современных условиях построен на материалах глубинных интервью, собранных в июле 2022 г. в населенных пунктах района: Чупа, Нижняя Пулонга, Лоухи, Кестеньга. Вопросы интервью были распределены по четырем основным блокам: «Традиции», «Арктика», «Мобильность», «Идентичность». Сформулированные в гайде варианты вопросов служили для интервьюера лишь ориентиром при проведении беседы. Основное внимание уделялось тому, как информанты выстраивают личную иерархию идентичностей, как интерпретируют понятие «традиция», какие значимые культурные доминанты определяют, как оценивают возможные изменения в связи с включением территории в АЗРФ, какие складываются установки относительно мобильности и проживания в районе.

Интервью были проанализированы в программе для анализа информации качественного порядка ATLAS.ti с применением техники кодирования и категоризации текста. Осмысление материала происходило путем анализа текста на нескольких уровнях. Высказывания информантов делились на смысловые единицы – коды, или понятия. Связанные по смыслу коды объединялись в категории. Указанные процедуры проводились с использованием инструментов программы, которые позволяют находить, кодировать и аннотировать понятия (коды) в расшифровках интервью, группировать по смыслу в категории, оценивать частоту упоминаний, значимость, выстраивать логические связи. Основная цель инструментария – выявить важные для информанта/информантов явления, скрытые в объеме неструктурированных первичных

данных. Генерация кодов и категорий шла индуктивным путем: фрагменты нарратива сжимались до уровня смыслового кода; из близких по смыслу кодов формировались категории.

В приведенных ниже в качестве примера высказываниях из разных интервью нашли отражение моменты утраченной традиции и построение нового с учетом (или без) традиции, которые были безусловно важны для оценок, связанных с целями исследования.

№ 1: *«Погоду по ветру определяем, по приметам. Лодка, которая потерялась, мы знаем, где ее найти, на какой берег ее вынесло, в какой губе она находится».*

№ 2. *«Мне, например, интересно всегда что-то новенькое, поэтому я на рыбалке навигатор всегда использую».*

Кодами первого этапа кодирования высказывания № 1 стали: *лодка, погода, ветер, морская губа, морской берег, приметы*. При вторичном кодировании состав кодов был уточнен и свернут до двух: *рыбалка, приметы*. Поскольку в контексте нашего исследования важен именно аспект, связанный с сохранением традиций, то в качестве категории первого порядка было избрано словосочетание «сохранение традиций».

Кодами первого этапа кодирования высказывания № 2 стали: *рыбалка, навигатор, новое*. При вторичном кодировании состав кодов был уточнен и свернут до двух: *рыбалка, новое*. В качестве категории первого порядка была избрана следующая конструкция: «традиция – новация: соотношение». Для ее выбора был важен и смысловой контекст, в котором это высказывание прозвучало.

В конечном счете оба высказывания вошли в категорию второго порядка «традиции». В мемосе, описывающем каждую сконструированную категорию, участники исследования подробно описывали смысловые основания, по которым те или иные коды уместно приписать к данной категории. Иногда между интерпретаторами возникали разногласия, которые необходимо было согласовать, либо, в случае размытости смысла, не включать данный фрагмент в логические построения.

В результате такой работы транскрипты по Лоухскому району были свернуты до нескольких категорий, что позволило строже, с опорой на коллективную интерпретацию, делать оценки, сверять их и избавляться от единичных, не имеющих типичных признаков, мнений.

Результаты исследования и их обсуждение

Сложившаяся в Лоухском районе этнокультурная и социально-экономическая ситуация обусловлена логикой многовекового исторического развития этих территорий. В XIII в. они попали в зависимость от Новгородского государства, а в 1478 г. вошли в состав централизованного Российского государства [13, 81, 98].

В XV в. продолжался процесс колонизации севера Лопских погостов и побережья Белого моря как карельским, так и русским населением [9, 7]. Во второй половине XVI в. карелы стали осваивать север Карелии и приграничные территории. Русские переселенцы тяготели к морскому побережью, основывая селения в устьях крупных рек. Географическая обособленность, сформировавшийся собственный говор и культура, огромная роль морских промыслов в локальной экономике – эти и другие факторы способствовали складыванию на западном берегу Белого моря особой этнолокальной группы – поморов. К середине XVI в. возникло ставшее затем традиционным этническое разделение населения территории современного Лоухского района: на побережье моря находились поселения поморов, а к западу, вплоть до границы со Швецией (с 1809 г. – с Великим княжеством Финляндским), проживали карелы [13, 143, 146, 147].

В конце XIX в. территория современного Лоухского района в административно-территориальном отношении входила в Кемский уезд Архангельской губернии, где составляла семь волостей. Две из них в конце XIX – начале XX в. были преимущественно с поморским населением,

а все остальные – с карельским¹⁰. Общая площадь «карельских» волостей на изучаемой территории была намного больше площади «поморских».

Экономический уклад населения «карельских» и «поморских» волостей был основан на разных принципах хозяйственной активности. Карельское население значительную часть бюджета своего рабочего времени тратило на земледелие и скотоводство. Ввиду ряда факторов сельское хозяйство, несмотря на огромные трудозатраты, было малопродуктивным. Недостаточное количество выращенного хлеба, а также существование других хозяйственных потребностей заставляло карельских крестьян искать возможности внеземледельческих заработков. Традиционно местное население занималось охотой, рыбной ловлей и разносной торговлей в Финляндии, а также лесными заработками.

Специфичным для части «карельских» Олангской, Кестеньгской и Тихозерской волостей было оленеводство. Олени составляли до 80 % всего поголовья домашнего скота в 1900 г.¹¹

Таким образом, можно констатировать многоукладность экономики крестьянского двора «карельских» волостей, существовавших на территории современного Лоухского района в начале XX в. На их фоне крестьянские хозяйства «поморских» волостей имели более четко выраженную экономическую детерминацию, основанную на морских промыслах. Сельское хозяйство, особенно полеводство, не получило здесь широкого распространения [17, 52]. Если на многие сферы жизни населения «карельских» волостей влияли близость Финляндии и фактическое отсутствие ограничений на пересечение границы, то в отношении поморов (а также карел Белого моря от Кеми до Кандалакши) сходное влияние оказывали постоянные морские торговые контакты.

К началу XX в. на территории современного Лоухского района проживали только две крупные этнические группы – поморы

¹⁰ По сведениям, которые приводил П. П. Чубинский в 1866 г., «Корела» имела выход к Белому морю в Вычтайбольской и Маслозерской волостях (см.: Чубинский П. П. Указ. соч. С. 68–69). Однако остается не вполне ясным, имел ли он в виду буквальный выход к морю. В начале XX в. границы обеих волостей располагались на расстоянии от 20 до 40 км до берега моря.

¹¹ См.: Отчет Архангельского губернского статистического комитета за 1900 год. Архангельск, 1901. С. 57.

(русские) и карелы. Их территориальное, экономическое и культурно-языковое обособление (с некоторыми элементами взаимопроникновения) сформировалось и существовало к тому времени уже в течение нескольких веков.

XX в. значительно изменил сложившиеся культурно-языковые и экономические модели на территории современного Лоухского района. Одним из главных факторов изменений в этнической картине района стала нехватка местных трудовых ресурсов для промышленного освоения изучаемой территории. Строительство Мурманской железной дороги привело к большому притоку трудовых ресурсов из других районов страны. В 1920-е гг., с утверждением советской власти и восстановлением экономики Карелии после Первой мировой, Гражданской войн и интервенции, началось активное освоение природных ресурсов территории края. Например, в Чупе была налажена промышленная эксплуатация месторождений слюды. Это требовало усиления трудовой миграции на территорию района.

На традиционный уклад жизни местного населения отрицательное влияние оказала форсированная коллективизация в 1930-х гг. Она оторвала крестьян от земли в пользу работы в лесу. Коллективизация и сопровождавшее ее раскулачивание породили значительное изменение социальной структуры карельской деревни [10, 104].

Еще одним негативным фактором стала Великая Отечественная война. Если до войны на территории современного Лоухского района проживало 23,7 тыс. чел., то в 1950 г. эта цифра сократилась до 13,4 тыс. чел. Особенно серьезное сокращение населения произошло в существовавшем тогда Кестеньгском районе, значительная часть которого была оккупирована [1, 130]. Многие деревни во время войны были или уничтожены, или значительно пострадали и утратили свой исторический облик, как, например, Кестеньга.

Послевоенное восстановление экономики севера Карелии происходило за счет массового привлечения сюда в 1950-х гг. трудовых ресурсов из Белоруссии, Украины и различных областей РСФСР. В последующие годы это привело к еще большему размытию местной культуры и традиционного уклада жизни, постепенному снижению роли карельского языка.

Для понимания того, какие аспекты прошлого востребованы сегодня, а также для оценки присутствия «арктической» тематики в информационных ресурсах муниципальных районов мы проанализировали ряд официальных СМИ и групп социальной сети «ВКонтакте».

Официальное представление района передает историческую преемственность с Поморьем и Архангельской губернией по административному подчинению, а также с промыслами, распространенными в прошлом, – солеварением, добычей жемчуга и слюды. Информация о хозяйственных занятиях населения XVIII в. отсылает к промышленному освоению края в советский период¹².

Культурное наполнение жизни района связывается исключительно с фольклорными традициями. Можно выделить две значимые составляющие: фольклорные коллективы, созданные в советский период, и фигура «русского сказочника, нашего земляка Матвея Михайловича Коргуева». Подчеркивается, хотя и не совсем справедливо, что эти традиции актуальны и сегодня. Действительно, в 1990 г. на берегу Чупинской губы Белого моря в д. Нижняя Пулонга был построен парусник под названием «Сказочный корабль Матвея Коргуева». Несколько лет подряд праздник ежегодно собирал жителей деревни и округи. Однако в последние годы праздник не отмечался, о чем с сожалением говорили наши собеседники из Чупы.

Районная газета «Наше Приполярье» (один из соучредителей – Администрация

¹² Кроме того, на сайте администрации района рассказывается о потенциале края в контексте развития «арктических» программ. Так, подчеркиваются протяженность и обширность территории («самая большая среди районов»; «Это единственный район в Карелии, который простирается от Белого моря до границы с Финляндией»), ее природные ресурсы – дефицитные металлические и неметаллические полезные ископаемые; туристическая привлекательность и «уникальные ландшафтно-природные ресурсы». Отдельно упоминается карело-финский эпос «Калевала» как часть нематериального культурного наследия. URL: <https://www.louhiadm.ru/ekonomika/arkticheskaja-zona/> (дата обращения: 25.11.2022)

Лоухского района) публикует материалы, расширяющие представление о культурной жизни района. За период с июня 2020 по май 2022 г. освещались мероприятия, связанные с фольклорным наследием края (отчасти они были обусловлены тем, что 2021 г. был объявлен в республике Годом карельских рун). Некоторые материалы были посвящены событийным мероприятиям, например фестивалям «Хозяйка Севера», «Сияние Севера»¹³. На страницах издания появлялись публикации о Варлааме Керетском¹⁴, участниках Великой Отечественной и Афганской войн, местных активистах и т. д. Обращение к конкретным личностям выполняет несколько функций: просветительскую (в случае с историческими персонажами), связующего звена общемировых событий с локальными сюжетами, ценностного и поведенческого ориентира для местного сообщества. Таким образом «конструируются» коллективная память и идентичность.

При анализе официальных средств информации мы обратили внимание на некоторую фрагментарность представления самого прошлого. Про УСЛОН (лагпункт Чупа – Пристань) вскользь рассказано на сайте Чупинского городского поселения¹⁵.

Виртуальная реальность представляет собой пространство, где формируются и воспроизводятся разнообразные типы идентичностей. Одним из измерений этого пространства с преимущественно горизонтальными связями и более широкими (в отличие от официальных сайтов и традиционных СМИ) возможностями для коммуникации являются социальные сети. «ВКонтакте» – одна из популярных социальных сетей в русскоязычном пространстве. Мы обратились к анализу контента некоторых отобранных групп, посвященных Лоухскому району. Частично инфор-

мация из групп дублирует официальную презентацию района. В то же время, например, саамское прошлое в группах проявляется более рельефно, о чем свидетельствуют записи, новости археологии, но чаще репосты из сообществ туристической направленности. Такое внимание к саамскому наследию на территории района можно считать традиционным. Путешественники, посещавшие во второй половине XIX в. деревни Кемского уезда, фиксировали присутствие саамского фактора в коллективной исторической памяти местных крестьян¹⁶.

Исследователи причисляют виртуальную идентичность к разряду конструктивистских явлений, а в активизации этнических групп в Сети видят подтверждение концепции «воображаемых сообществ», поскольку пользователи «конструируют онлайн-пространства, изображая их как сообщества» [5]. Примером смешения разных типов идентичности и событием, которое находит отклик у участников групп, служит праздник «Хозяйка Севера», который проводится с 2014 г. Это своего рода местный бренд, он актуален, о нем часто пишут и в официальных источниках, и в неформальных группах «ВКонтакте». Сам праздник и компетенции, требующиеся от хозяйки Севера, открывают гендерное измерение этничности. «Хозяйка Севера» должна знать состав «зеленой аптеки» (т. е. обладать навыками лечения народными средствами), быть мастерицей в отгадывании карельских загадок, рукодельницей, отличаться меткой стрельбой из лука, а также уметь готовить карельские национальные блюда. Победительница получает почетное звание и право открывать все значимые мероприятия в Лоухском районе до нового конкурса. Мы обратили на этот сюжет отдельное внимание, поскольку дискурс об этничности нередко вписывается

¹³ «Северность» подчеркивалась через визуальное наполнение пространства сцены с использованием декораций: северного сияния и фигуры лосенка Onni (Счастье), а также сценических костюмов, выполненных с элементами карельских и саамских традиций (см.: Яковлева А. Сияние Севера // Наше Приполярье. 2021. 2 апр.).

¹⁴ Преподобный Варлаам Керетский (XVI в.) – православный святой, согласно преданию, родом из с. Кереть. Почитается как покровитель северных мореходов.

¹⁵ См.: О поселении. Чупа нового времени. URL: <https://www.region-chupa.ru/3213473996/4431838999/> (дата обращения: 25.11.2022).

¹⁶ См.: Эрvasti А. В. Воспоминания о путешествии по Русской Карелии летом 1879 года. Петрозаводск, 2022. С. 180.

в гендерную картину мира, представляя ожидаемые ролевые модели.

Еще более ярким примером взаимопроникновения разных культурных традиций можно назвать День поселка в п. Софпорог в 2022 г. На афише были изображены русалка и Нептун. Тем не менее организаторы мероприятия предлагали этнически специфическую программу: уху по-Софпорогски, игру Mõlkky¹⁷, спектакль «Картинки из карельской глубинки» (на афише было указано: на русском языке) калевальского театра «Uhtuan Kapsakki» («Ухтинский чемодан»).

В целом тема «карельскости» чаще проявляется в направлении Кестеньга – Софпорог – Пяозерский, т. е. локализована в западной части района. Тематика таких групп прежде всего связана с карельским фольклором и танцевальными коллективами.

В Чупе, расположенной в восточной части района, активно отмечаются общегосударственные праздники: 8 Марта, 23 Февраля, День матери, поддерживаются локальные инициативы (проведение регаты или Чупинского полумарафона).

Значимой для идентичности жителей района является память о Великой Отечественной войне, особенно для уроженцев и жителей Кестеньги, территория которой была оккупирована. Записи об участниках военных действий, родственниках, о местах боев пользуются откликом среди читателей. Есть и критические комментарии, связанные с отсутствием надлежащего ухода за памятниками истории.

Итак, отдельные элементы прошлого, в том числе этнического, остаются востребованными как в официальном дискурсе, так и на уровне общественных организаций. Чаще это происходит в виде событийных мероприятий, является частью сценического образа (например, образ хозяйки Севера в Лоухах или фольклорное наполнение культурной жизни в Кестеньге). В этом обрамлении «фестивальный проект этничности» выглядит более востребованным. Унификация в экономической, политической, социальной и культурной сферах приводит к тому, что общим, объединяющим началом для всех жителей становится историческая

память о Великой Отечественной войне, а также общегосударственные праздники.

Для того чтобы понять, какие идентичности актуальны сегодня на микроуровне, на уровне самосознания конкретных людей, какое место занимает (и занимает ли) арктический статус в структуре идентичности населения Лоухского района, мы провели интервью с жителями района. С помощью полученных данных можно соотнести два измерения идентичностей: официальное, или «внешнее», и «внутреннее», звучащее в нарративах информантов.

Вопросы, касающиеся самоидентификации человека, обычно задавались в начале интервью после краткого рассказа о месте рождения, семье, образовании и месте работы. Чтобы проследить соотношение гражданской, региональной, этнической, северной и арктической идентичностей, информантам предлагалось выбрать наиболее значимые категории из облака идентичностей, куда мы включили возможные варианты: гражданин РФ; представитель своей национальности; житель Карелии; житель своего района; житель своего поселения; северянин; житель Арктики. Темы Севера и Арктики более подробно раскрылись в последующих вопросах о ценности арктических территорий, ассоциациях с Арктикой, связи Карелии с Арктикой, ожиданиях от арктических программ.

Наиболее значимыми для информантов оказались гражданская, локальная и северная идентичности. Собеседники, ставившие гражданскую идентичность на первое место в личной иерархии идентичностей, как правило, далее выбирали региональную (житель Карелии) и локальную идентичности, выстраивая территориальную «воронку» от большего к меньшему – от государства к территории района/поселения. В нескольких интервью выделяется модель локально-северной идентичности, где в иерархии идентичностей лидируют «житель Карелии», «житель своего района» и «северянин».

Локальная идентичность интерпретируется в интервью в прямой связи с историей и традициями района, составляя ее

¹⁷ Финская игра по типу городков.

культурную доминанту. При этом существует несколько интересных преломлений указанной локальности. Одно из них, климато-географическое, проходит по линии восток – запад района. Морское побережье на востоке района, морские промыслы, развитые когда-то горные разработки и вызванный ими приток высокообразованных кадров, близость федеральной трассы – все это формирует несколько иной набор трактовок традиционного, нежели в западной части района, которая примыкает к границе с Финляндией, имеет в значительной мере карельский состав населения и сферы занятости, заданные лесным и озерно-речным ландшафтом.

Второе преломление локальности определяется составом населения. Информанты отмечают как смешение и взаимопроникновение традиций, так и разницу в культурном наследии, «карельском» и «поморском»: «Чула [восток района] всегда традиционно была немножко другая. Я думаю, это еще с советских времен – там очень много было горняков. Ехали с высшим, со специальным средним образованием люди. <...> Сторона Кестеньгская, Софпорогская [запад района] – там больше лес заготавливали, более такие люди физического труда. И разница есть. <...> В Кестеньге, например, покупают рыбу морскую, а в Чупе нет. (Смеется). <...> А чупинцы покупают хорошо наши [лоухские] полуфабрикаты, что делает столовая. Наши пельмени, всякие бифитексы. Они, наверное, более городские. Купил – приготовил. Кестеньга нет. Они лучше купят сырое и сами сделают» (ж., 1960 г. р., Лоухи).

Третье преломление – отношение к традиции и степени ее адаптации к новым жизненным реалиям. В обеих частях района традиция сопряжена с природой, которая трактуется как главное богатство края. В рассказах респондентов заметны отличия в формах адаптации традиции к современной жизни. В восточных частях района, примыкающих к морю, традиция несколько быстрее адаптируется к новому. Реальное воплощение здесь находят любопытные проекты, такие как фестиваль «Белый шум», полумарафон, обустройство пляжа на Белом море, а также районный народ-

ный праздник, посвященный местному сказителю Матвею Коргуеву. Ностальгия по утраченному прошлому звучит как на востоке, так и на западе района. При этом информанты вспоминали с сожалением и в большей степени о советском прошлом, называя такие его «атрибуты», как ГОК, зверосовхоз, рыболовецкие колхозы, ОРС, райпо, государственные социальные программы. Потеря ностальгической связи с более дальними историческими временами выглядела в интервью достаточно очевидной.

Четвертое преломление – запрос на преемственность между прошлым и будущим. Данный сюжет комментируется прежде всего в контексте усвоения «традиционного» молодежью, которая «уже отучена от всего» по причине того, что «нам корни постоянно подрубаются (то война, то рудоуправление НКВД, то 90-е годы) и ты должен заново всё строить» (м., 1981 г. р., Чула). Подобные интерпретации сопровождаются сожалениями (со стороны старших жителей) об отъезде молодежи в большие города; рассказами о значительных трудностях (тяжелый физический труд, рост законодательных ограничений и правовых сложностей), возникающих при обращении к традиционным морским промыслам, нежели при выборе иных занятий; опасениями о невнимании к традиционным устоям со стороны пришлых предпринимателей, желающих «прикупить деревеньку»; сомнениями, что простая презентация традиции в туристической сфере может ее сохранить.

Таким образом, локальная идентичность на территории изучаемого района отнюдь не однородна и кроме этнических черт обладает иными измерениями, связанными с географическими, климатическими, поселенческими, историческими, поколенческими нюансами, которые имеют значение при самоидентификации. Их довольно трудно ограничить географическими или социальными пределами. Они, скорее, разлиты в изучаемом социуме, актуализируясь в зависимости от ситуации.

Арктическая идентичность ожидаемо не является четкой, устойчивой в сознании информантов. Она не вполне понятна

для них, поскольку Арктика мыслится как что-то далекое, ассоциируется с полярной ночью, холодом, льдами, бескрайними просторами.

В то же время при разговоре о причинах включения Карелии в АЗРФ выясняется, что информанты либо считают это обоснованным не чем иным, как экономическими причинами, ощущая «искусственность» такого решения, либо находят «мостики» для связи Карелии и Арктики, которые чаще всего выражаются через природно-климатические условия и условия проживания: холодное Белое море – «ворота в Арктику». Влияние Белого моря отмечается в интервью жителями Чупы, расположенной на берегу Чупинской губы: «...мы тут на Севере живем как бы, и для нас это слово “Арктика” не новое, у нас и так это всё, арктическая вода у нас всегда, это так, потому что она всегда холодная, заливаает, взаимодействует с Ледовитым океаном» (м., 1981 г. р., Чупа); «Белое море – одно из самых чистых морей, это тоже всё к Арктике» (ж., 1984 г. р., Чупа). Те же респонденты полагают, что могут назвать себя жителями Арктики.

Однако более близкой и понятной для жителей Карельской Арктики является северная идентичность, «северяне». Она так или иначе звучала в большинстве интервью. В ряде случаев выбор и построение иерархии персональных идентичностей сопровождался фразами: «сначала важное? Наверное, северянин для меня идёт» (ж., 1984 г. р., Чупа), «северянин точно» (ж., 1981 г. р., Лоухи), «кто я, как бы это назвал? Наверное, северянин, прежде всего» (м., 1981 г. р., Чупа), «Конечно, считаю [северянкой]» (ж., 1952 г. р., Кестеньга). Северность нередко обсуждалась в противопоставлении с Югом: «...летом у меня дочь едет на юг. А я говорю: как ты можешь вот эту красоту променять на юг?» (ж., 1957 г. р., Чупа). Происходило это не только в сравнении с природно-климатическими условиями, но и в контексте обсуждения черт характера, присущих северянам, – отзывчивости, готовности помочь, отсутствия зависти.

Необходимо отметить, что концепции северной и арктической идентичности в

настоящее время находятся на этапе становления и обсуждения в российском научном поле.

Менее актуализирована этническая идентичность, что, как правило, является нормой в спокойной социально-политической обстановке. Апелляции к этничности возникают в различных ситуациях, например, когда это включается в план самореализации личности или когда этничность становится инструментом для создания более благоприятных условий существования. В одном из интервью в Лоухском районе карельская идентичность играла важную роль для информанта, который связывал свое приоритетное, по его мнению, право на получение желаемого земельного участка с родовыми корнями, «на промысловых участках, где сидели деды» (м., 1959 г. р., Чупа), и рассматривал получение карелами статуса коренного малочисленного народа Севера как средство решения проблемы. Также в восприятии информантов сейчас практически нивелированы различия между западной и восточной частями района в повседневной жизни. Заметны смешение и взаимопроникновение традиций.

Заключение

Итак, в связи с отсутствием сопоставимых методик измерения делать точные выводы о значимости этнической идентичности в структуре самосознания карел и поморов в XIX – первой половине XX в. не представляется возможным. Однако, судя по имеющимся источникам, культурная и языковая специфика вместе с различиями уклада жизни рельефно разграничивала «карельскую» и «поморскую» части края. События XX в. внесли существенные коррективы в сложившийся уклад жизни и повлияли на приоритеты в структуре идентичности жителей района.

В настоящее время на уровне официальной презентации района, в общественном дискурсе сохраняется значимость отдельных элементов прошлого, которые чаще представлены в линейке событийных мероприятий, фестивалей. Праздники нередко характеризуются смешением разных культурных традиций. Тем не менее карельская этническая «повестка» ярче проявляется на

западе Лоухского района, в направлении Кестеньга – Софпорог – Пяозерский, тогда как в более промышленно освоенной Чупе активно отмечаются общегосударственные праздники и поддерживаются локальные инициативы. Анализ СМИ и сообществ «ВКонтакте» выявил значимость фольклорного наследия (особенно в западной части района), исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Привлеченные методы формализованного анализа текстов, использование кодирования, категорирования транскриптов, перекрестная интерпретация данных исследователями позволили вычленил на-

более типичные варианты идентичностей и особенности, характерные для избранного региона.

В интервью отчетливо видно, что этническая идентичность уступает место гражданской или региональной. Что касается арктической идентичности, то она ожидаемо не является укорененной в восприятии информантов. Более близка и понятна для жителей Карельской Арктики северная идентичность, «северяне».

Сформулированные выводы будут дополнены результатами, полученными по другим районам Арктической зоны Республики Карелия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вавулинская Л. И. Промышленное развитие Беломорской Карелии (1946–1970) // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 130–140.
2. Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб.: Норма, 2006. 382 с.
3. Волков А. Д., Тишков С. В. Стратегические приоритеты развития региона Карельской Арктики в условиях интеграции экономического пространства Арктической зоны России // Арктика и Север. 2022. № 46. С. 5–32. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.46.5.
4. Головнев А. В. Новая этнография Севера // Этнография. 2021. № 1. С. 6–24. DOI: 10.31250/2618-8600-2021-1(11)-6-24.
5. Головнев А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1. С. 100–108. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108.
6. Головнева Е. В. «Сборка региона»: параметры конструирования региональных общностей // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, № 4. С. 114–125. DOI: 10.25205/2541-7517-2017-15-4-114-125.
7. Докучаев Д. С. Региональная идентичность в Ивановской области и политика конструирования образа территории: фактор туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. Т. 9, № 3. С. 76–82. DOI: 10.12737/12885.
8. Еремина Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионоведение. 2011. № 3. С. 216–222. URL: <http://regionsar.ru/node/781> (дата обращения: 20.11.2022).
9. Жуков А. Ю. Северная Карелия в системе государственного управления России XV–XVI вв. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 6–25.
10. Захарова (Никитина) О. А. Проведение коллективизации на севере Карелии // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 98–105.
11. Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. СПб.: Дм. Буланин, 2007. 303 с.
12. Исторические судьбы Беломорской Карелии / отв. ред. Ю. А. Савватеев. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2000. 153 с.
13. История Карелии с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. Н. А. Кораблева [и др.]. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.
14. Каргинова-Губинова В. В. Человеческий капитал и окружающая среда как факторы устойчивого развития: приоритеты предприятий Карельской Арктики // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. Т. 45, № 2. С. 1–20. DOI: 10.18799/26584956/2022/2/1157.
15. Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии: Ист.-социол. очерки. 1945–1960. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. 212 с.
16. Кораблев Н. А. Социально-экономическая история Карельского Поморья во второй половине XIX века. Петрозаводск: Карелия, 1980. 129 с.

17. Кораблев Н. А. Экономическое развитие Беломорской Карелии в пореформенный период XIX в. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 51–63.
18. Культурное строительство в Советской Карелии, 1926–1941. Народное образование и просвещение: документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1986. 176 с.
19. Лажнецов В. Н. Арктика и Север в контексте пространственного развития России // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 3. С. 737–754. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-2.
20. Макуров В. Г. Из истории развития лесной промышленности Карелии в довоенный период // Вопросы экономического, социального и культурного развития Карелии (1920–1940). Петрозаводск, 1976. С. 79–94.
21. Пятовский В. П. Преображенный Север: Ленинская программа производит сил Европ. Севера СССР в действии. Мурманск: Кн. изд-во, 1974. 416 с.
22. Разумова И. А., Сулейманова О. А. Саамские сетевые сообщества в «этническом интернете» России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2. С. 114–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.299.
23. Российская Арктика в поисках интегральной идентичности: коллектив. моногр. / отв. ред. О. Б. Подвинцев. М.: Новый хронограф, 2016. 207 с.
24. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. Т. 2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий. М., 2007. С. 81–107.
25. Соколовский С. В. Киборги в киберпространстве: современные исследования в области кибер- и цифровой антропологии // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 5–22. DOI: 10.31857/S086954150008752-7.
26. Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность: (Конец XIX – нач. XX в.). Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. 237 с.
27. Шабаяев Ю. П. Народы Европейского Севера России: положение, специфика идентичности // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 54–63.
28. Шикалов Ю. Карельские хиххулиты – легионаризм в Беломорской Карелии в конце XIX – начале XX века // Православие в Карелии: материалы 2-й Междунар. науч. конф., посвящ. 775-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2003. С. 137–149.
29. Этнокультурные процессы в Карелии: сб. ст. / науч. ред.: Е. И. Клементьев, Р. Ф. Никольская. Петрозаводск: КФАН, 1986. 133 с.
30. Юркова М. В. Арктический аспект формирования региональной идентичности жителей Архангельской области // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 163–171. DOI: 10.17223/22220836/29/15.
31. Hine C. Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Everyday. London: Bloomsbury Academic, 2015. 240 p.

Поступила 08.12.2022; одобрена 24.12.2022; принята 26.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Э. А. Джошвили – младший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, elvira-260893@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8933-1740>

А. Ф. Кривоноженко – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, krivfed@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7152-8070>

Ю. В. Литвин – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, litvinjulia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2369-4987>

С. Э. Яловицына – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Карельского научного центра РАН, jalov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5024-6357>

Transformations of the identities of the inhabitants in Karelian Arctic Region (based on the research of the Loukhsky district)

Elvira A. Dzhioshvili
Alexander F. Krivonozenko
Yulia V. Litvin
Svetlana E. Yalovitsyna

*Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia*

Introduction. The article presents the first results of a historical and sociological study on the impact that the inclusion of several regions of Karelia in the Arctic zone of the Russian Federation has on the identity of its inhabitants, using the example of Loukhsky district, the northernmost region in the Republic.

Material and Methods. The authors proceed from the interrelatedness of the territory, traditions and identities, which never lose their significance but evolve over time. The methodology included the comparative historical method, content analysis, qualitative study and field survey methods. An integrated analysis of the sources is applied, which mostly includes published and unpublished historical, journalistic, and sociological data. The field material is in-depth interviews with the residents of Louhsky district collected in July 2022.

Results and Discussion. A brief overview of the history development of Louhsky district is provided; the results of analyzing materials from mass media and online sources are described. The methods of formalized text analysis, coding, categorization of interview transcripts, cross-interpretation of data by researchers helped distinguish the most typical variants of identities and features characteristic of the district. The differences were detected in the dominant types of identities between the western and the eastern parts of the district, especially in what concerns official representation.

Conclusion. The paper concludes that the ethnic identity is preserved and manifested in the current public discourse within a so-called “festival project of ethnicity”. The interviews show that ethnic identity is giving way to civic or regional identities. Arctic identity is not firmly rooted in the perception of the respondents. The northern identity, i.e., being “northerners”, is more congeneric and easier to comprehend for people in the Karelian Arctic.

Keywords: Arctic, Karelia, identity, historical and sociological research, in-depth interviews, tradition, innovation

Acknowledgments: The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-20318 (<https://rscf.ru/project/22-28-20318/>), conducted jointly with the Government of the Republic of Karelia with funding from the Venture Investment Fund of the Republic of Karelia (VIF RK).

For citation: Dzhioshvili EA, Krivonozenko AF, Litvin YuV, Yalovitsyna SE. Transformations of the identities of the inhabitants in Karelian Arctic Region (based on the research of the Loukhsky district). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;1:28–43. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.28-43.

REFERENCES

1. Vavulinskaya LI. Industrial development Viena Karelia (1946–1970). *Istoricheskie sud'by Belomorskoj Karelii* = Historical fate of the Viena Karelia. Petrozavodsk; 2000:130–140. (In Russ.)
2. Vitukhnovskaia MA. Russian Karelia and the Karelians in Russian imperial policy, 1905–1917. Saint-Petersburg; 2006. (In Russ.)
3. Volkov AD, Tishkov SV. Strategic development priorities for the Karelian Arctic region in the context of the Russian Arctic zone economic space integration. *Arktika i Sever* = Arctic and North. 2022;46:5–32. (In Russ.). DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.46.5.
4. Golovnev AV. New ethnography of the North. *Etnografiia* = Etnografia. 2021;1:6–24. (In Russ.). DOI: 10.31250/2618-8600-2021-1(11)-6-24.
5. Golovnev AV, Belorussova SYu, Kisser TS. Web-ethnography and cyber-ethnicity.

- Ural'skii istoricheskii vestnik* = Ural Historical Journal. 2018;1:100–108. (In Russ.). DOI: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108.
6. Golovneva EV. “Assembling the region”: the parametrs of constructing regional communities. *Sibirskii filosofskii zhurnal* = The Siberian Journal of Philosophy. 2017;4:114–125. (In Russ.). DOI: 10.25205/2541-7517-2017-15-4-114-125.
  7. Dokuchaev DS. Regional identity in the Ivanovo region and politics of construction area image: a factor of tourism. *Sovremennye problemy servisa i turizma* = Service and Tourism: Current Challenges. 2015;9;3: 76–82. (In Russ.). DOI: 10.12737/12885.
  8. Eremina EV. Regional identity in the context of sociological analysis. *Regionologiya* = Regionology. 2011;3:216–222. URL: <http://regionsar.ru/node/781> (accessed 20.11.2022) (In Russ.)
  9. Zhukov AYu. North Karelia in the system of state administration of Russia in the XV–XVI centuries. *Istoricheskie sud'by Belomorskoj Karelii* = Historical fate of the Viena Karelia. Petrozavodsk; 2000:6–25. (In Russ.)
  10. Zakharova (Nikitina) OA. The process of collectivization in the North of Karelia. *Istoricheskie sud'by Belomorskoj Karelii* = Historical fate of the Viena Karelia. Petrozavodsk; 2000:98–105. (In Russ.)
  11. Ilukha OP. Schools and childhood in the Karelian village in the late XIX – early XX century. Saint-Petersburg; 2007. (In Russ.)
  12. Savvateev IuA, ed. Historical fate of the Viena Karelia. Petrozavodsk; 2000. (In Russ.)
  13. Korablev NA et al., eds. History of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk; 2001. (In Russ.)
  14. Karginova-Gubinova VV. Human capital and environment as factors of sustainable development: priorities of enterprises in the Karelian Arctic. *Vektory blagopoluchii: ekonomika i sotsium* = Journal of Wellbeing Technologies. 2022;2(45):1–20. (In Russ.). DOI: 10.18799/26584956/2022/2/1157.
  15. Klement'ev EI, Kozhanov AA. Rural environment and population of Karelia. Historical and sociological essays. 1945–1960. Leningrad; 1988. (In Russ.)
  16. Korablev NA. Socio-economic history of Karelian Pomerania in the second half of the XIX century. Petrozavodsk; 1980. (In Russ.)
  17. Korablev NA. Economic development of the Viena Karelia in the post-reform period of the XIX century. *Istoricheskie sud'by Belomorskoj Karelii* = Historical fate of the Viena Karelia. Petrozavodsk; 2000:51–63. (In Russ.)
  18. Cultural construction in Soviet Karelia, 1926–1941. Public education and education: documents and materials. Petrozavodsk; 1986. (In Russ.)
  19. Lazhentsev VN. The Arctic and the North: a Russian spatial development context. *Ekonomika regiona* = Economy of Regions. 2021;17;3:737–754. (In Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-2.
  20. Makurov VG. From the history of the development of the timber industry in Karelia in the pre-war period. *Voprosy ekonomicheskogo, sotsial'nogo i kul'turnogo razvitiia Karelii (1920–1940)* = Issues of economic, social and cultural development of Karelia (1920–1940). Petrozavodsk; 1976:79–94. (In Russ.)
  21. Piatovskii VP. Transformed North: Lenin's program of the productive forces of the European North of the USSR in action. Murmansk; 1974. (In Russ.)
  22. Razumova IA, Suleymanova OA. The Sami network communities in the “Ethnic” Internet in Russia. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Proceedings of Petrozavodsk State University. 2019;2:114–122. (In Russ.). DOI: 10.15393/uchz.art.2019.299.
  23. Podvintsev OB, ed. The Russian Arctic in search of an integral identity. Collective monograph. Moscow; 2016. (In Russ.)
  24. Smirniagin LV. About regional identity. *Prostranstvo i vremia v mirovoi politike i mezhdunarodnykh otnosheniakh: materialy 4 Konventa RAMI* = Space and Time in World Politics and International Relations. Materials of the 4th RAMI Convention. Moscow; 2007;2:81–107. (In Russ.)
  25. Sokolovskiy SV. Cyborgs in cyberspace: contemporary research in cyber- and digital anthropology. *Etnograficheskoe obozrenie* = Etnograficheskoe obozrenie. 2020;1:5–22. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086954150008752-7.
  26. Surkhasko Iulu. Karelian wedding rituals: (Late XIX – early XX century). Leningrad; 1977. (In Russ.)
  27. Shabaev IuP. The peoples of the European North of Russia: position, specifics of identity. *Sotsiologicheskie issledovaniia* = Sociological Studies. 2011;2:54–63. (In Russ.)
  28. Shikalov Iu. Karelian Khikhkhulites – Laestadianism in Viena Karelia in the late XIX – early XX centuries. *Pravoslavie v Karelii: materialy 2-i Mezhdunar. nauch. konf., posviashch. 775-letiiu kreshcheniia karelov* = Orthodoxy in Karelia. Materials of the 2nd International scientific conference dedicated to the 775th anniversary of the baptism of the Karelians. Petrozavodsk; 2003:137–149 (In Russ.)
  29. Klement'ev EI, Nikol'skaia RF, eds. Ethno-cultural processes in Karelia. Collection of articles. Petrozavodsk; 1986. (In Russ.)
  30. Yurkova MV. Arctic aspect of the Arkhangelsk region inhabitants identity formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo uni-*

versiteta. Kul'turologiia i iskusstvovedenie =
Tomsk State University Journal of Cultural
Studies and Art History. 2018;29:163–171.
(In Russ.). DOI: 10.17223/22220836/29/15.

31. Hine C. *Ethnography for the Internet: Em-
bedded, Embodied and Everyday*. London;
2015.

Submitted 08.12.2022; reviewing 24.12.2022; accepted 26.12.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

E. A. Dzhioshvili – Junior Research Fellow, Ethnology Section, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, elvira-260893@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8933-1740>

A. F. Krivonozhenko – Candidate Sc. {History}, Research Fellow, History Section, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, krivfed@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7152-8070>

Yu. V. Litvin – Candidate Sc. {History}, Research Fellow, Ethnology Section, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, litvinjulia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2369-4987>

S. E. Yalovitsyna – Candidate Sc. {History}, Deputy Director for Research, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, jalov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5024-6357>

Некоторые аспекты национально-государственного строительства у финно-угорских народов в составе СССР

Елена Николаевна Мокшина
Денис Андреевич Смолин
Константин Андреевич Суслов

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. В статье рассматривается ряд аспектов национально-государственного строительства у финно-угорских народов в составе СССР. Освещаются пути реализации политики советской власти в этом вопросе. Приводятся как ее положительные достижения, так и противоречия и упущения в процессе реализации. Цель исследования – дать комплексный анализ и объективную оценку процессов национально-государственного строительства у финно-угорских народов в СССР.

Материалы и методы. Авторами используются и обобщаются законодательные документы и материалы, содержащиеся в научных трудах советских и современных авторов по рассматриваемой проблеме. Для достижения поставленной цели применяются различные методы научного исследования: сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-правовой, описательный, логический, а также метод актуализации, позволивший связать развитие современных процессов с историческим опытом прошлого.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования были прослежены динамика и конкретные тенденции реализации национальной политики в СССР по отношению к финно-угорским народам. Анализ процессов национально-государственного строительства у финно-угров позволил сделать вывод о значимости советского этапа в их развитии, несмотря на некоторые противоречия, ошибки и упущения в действиях руководства страны. Недооценка национальных проблем этносов в составе СССР, наряду со многими другими нерешенными проблемами в экономике, политике, духовной и социальной сферах, копившимися в государстве, в конечном счете привела к его распаду, что породило массу негативных последствий в геополитике.

Заключение. Проведенный анализ некоторых аспектов национально-государственного строительства в СССР позволил дать оценку значимости и ценности создания национальных административно-территориальных образований у финно-угорских народов, продолжениями которых являются современные национальные субъекты Российской Федерации. Был сделан вывод о необходимости сохранения сложившихся основ национально-государственного устройства России как важного фактора развития финно-угорских народов.

Ключевые слова: финно-угорские народы, СССР, национально-государственное строительство, автономия, национальная политика, этническая территория, нация

Для цитирования: Мокшина Е. Н., Смолин Д. А., Суслов К. А. Некоторые аспекты национально-государственного строительства у финно-угорских народов в составе СССР // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 1. С. 44–52. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.44-52.

Введение

На сегодняшний день существует необходимость переосмысления исторического опыта взаимодействия народов СССР в XX в. С выходом России на новый виток исторического развития, а также в связи со 100-летним юбилеем образования СССР многие вопросы, в том числе проблематика национально-государственного строительства, приобретают особое значение. Установки госу-

дарства на достижение единства страны и народа, сохранение стабильности в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений с учетом общности исторических судеб этносов, их культурного наследия и многообразия в условиях глобализации и быстроменяющегося мира способствуют консолидации общества перед внешними и внутренними угрозами. Неслучайно 2022 г. в соответ-

ствии с указом Президента Российской Федерации В. В. Путина был объявлен Годом культурного наследия народов России, что очень важно для дальнейшего позитивного развития национально-государственных образований этносов нашей страны, сохранения и популяризации их искусства, традиций и обычаев, национальных языков, памятников истории и культуры¹. Всё это касается изучения и сохранения этнокультурного наследия и самобытности финно-угорских народов.

Общеизвестно, что на территории Российского государства с древности проживало подавляющее большинство представителей уральской языковой семьи: финны, эстонцы (эсты), карелы, саамы (лопари), ливы, вепсы, воть, ижора, коми (зыряне и пермяки), удмурты (вотяки), марийцы (черемисы), мордва (эрзя и мокша), ханты (остяки), манси (вогулы), ненцы (самоеды), энцы, нганасаны, селькупы. За пределами страны находились лишь венгры (в составе Австро-Венгрии) и большая часть саамов (в составе Швеции и Норвегии)².

Перечисленные народы, за некоторым исключением, обладают сходством исторических судеб, поскольку на протяжении многих веков переживали однотипные политические, социально-экономические, этнокультурные процессы. Входя поэтапно и в разное время в состав России, в силу сложившихся обстоятельств они не смогли создать собственную устойчивую государственность. Отчасти ею обладала лишь Финляндия, которая, находясь с 1809 г. в составе Российской империи, имела статус автономии (Великого княжества), а 6 декабря 1917 г. получила признание независимости от лидера Советского государства В. И. Ленина. Позже в результате распада Российской империи после пережитых революций, Гражданской войны и по итогам Первой миро-

вой войны была потеряна Прибалтика с проживавшими на ее территории финно-угорскими этносами – эстами и ливами. 24 февраля 1918 г. было создано новое государство – Эстонская Республика.

Обзор литературы

Проблемы национально-государственного строительства у финно-угорских народов в составе СССР получили освещение в обширной литературе, написанной исследователями как в советский, так и в современный период. В числе наиболее значимых работ советских авторов следует отметить труды М. С. Букина, М. В. Дорожкина, Н. Ф. Мокшина, В. К. Абрамова, К. И. Куликова, К. Н. Санукова, Е. К. Минеевой и др. [1–6; 10]. Среди современных выделим исследования О. А. Суховой, О. А. Филенковой, Р. А. Мухамедова, В. А. Юрченкова, Е. Н. Мокшиной, Ю. Н. Сушковой, Т. В. Овсянниковой, Э. Ю. Сальниковой, А. Н. Чекушкина, Д. А. Смолина и др. [7–9; 14–20].

Материалы и методы

В статье были использованы и обобщены законодательные документы и материалы, содержащиеся в научных трудах советских и современных авторов по рассматриваемой проблеме. Для достижения поставленной цели применялись различные методы научного исследования: сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-правовой, описательный, логический, а также метод актуализации, позволивший связать развитие современных процессов с историческим опытом прошлого.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ различных аспектов проведения большевиками национальной политики в России начнем с уточнения: хотя оценки Октябрьской революции 1917 г. доста-

¹ Указ Президента РФ от 30.12.2021 г. № 745 «О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310115> (дата обращения: 22.07.2022).

² См.: Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н., Сушкова Ю. Н., Гришаков В. В. Этнография финно-угорских народов. Саранск, 2017. С. 150–176.

точно спорны и противоречивы, именно это событие дало возможность начать процесс национально-государственного строительства многим коренным народам бывшей Российской империи, в том числе финно-угорским: карелам, коми (зырянам и пермякам), удмуртам, мордве (эрзе и мокше), марийцам, хантам и манси, ненцам. С начала XX в. у них все острее стали проявляться изменения в социально-экономической, политической и духовной жизни, получили развитие национальные движения.

Практически все перечисленные народы до 1917 г. не имели какого-либо политического административного центра. Кроме того, они были довольно дисперсно расселены по различным губерниям и уездам страны, что наряду с другими факторами являлось серьезным препятствием на пути национальной консолидации. В связи с этим проблема этнической консолидации в социалистические нации как результат развития той или иной народности в условиях социализма часто ставилась в советской историко-этнографической науке в течение многих десятилетий. По сложившейся традиции проблематика национально-государственного строительства у финно-угорских народов в составе СССР рассматривалась как часть общего исторического процесса, происходившего в государстве нового типа.

Таким образом, Октябрьская революция явилась важным поворотом в истории создания и развития государственности многих народов нашей страны. Важнейшую роль в этом вопросе сыграли большевики, с приходом к власти заявившие о реализации политики самоопределения и создания государственных образований коренных народов страны, готовые к радикальному разрешению накопившихся при царизме национальных вопросов. С самого начала была определена важнейшая задача: довести политическое, социально-экономическое и культурное развитие коренных народов до одного уровня с русским народом.

Программным документом СНК РСФСР явилась Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г., которая провозгласила основные принципы национальной политики: равенство и суверенность народов; их право на самоопределение, вплоть до отделения и образования собственных государств; отмена всех национальных и религиозных привилегий и ограничений; возможность свободного развития этнических общностей, проживающих на территории страны. Данные принципы отражены и в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, утвержденной III Всероссийским съездом Советов 25 (12) января 1918 г., позднее вошедшей в первый раздел принятой 10 июля 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов Конституции РСФСР³.

Учитывая продолжающийся бурный рост национального самосознания народов бывшей Российской империи, руководство страны во главе с В. И. Лениным пришло к выводу о необходимости федеративного устройства государства. К концу 1922 г. была завершена работа по подготовке документов об образовании СССР. Это событие имело особую историческую важность. С образованием СССР многое делалось для укрепления нового государства. Так, на территориях страны, которые считались отсталыми, стали развиваться промышленность, сельское хозяйство, культура, образование, здравоохранение и др. Многие народы получили письменность, шла активная подготовка кадров специалистов из числа представителей коренного населения, возвращалась национальная интеллигенция и т. д. Наблюдался постепенный хозяйственный и культурный подъем, всё чаще представители коренных народов выражали желание иметь реальную национальную государственность. С учетом их чаяний итогом проводимой политики стало построение СССР по ленинскому плану федерализации, а РСФСР – по сталинскому плану автономизации.

³ См.: Конституции и конституционные акты Союза ССР (1922–1936) / под ред. И. П. Трайнина. М., 1940. С. 4.

Финно-угорские народы получили государственность в разное время. Еще в 1917 г. Советское правительство признало независимость Финляндии, в 1920 г. – Эстонии. В самом государстве нового типа в том же 1920 г. была образована Карельская трудовая коммуна [13, 180]. На территории Поволжья декретами ВЦИК и СНК 4 ноября 1920 г. были созданы Автономная область вотяцкого народа и Автономная область марийского народа, 22 августа 1921 г. – Автономная область коми (зырян) [12]. Затянулся вопрос самоопределения мордовского народа, что было связано с дискуссиями по поводу формы и места образования автономии, а также с широкой территориальной разбросанностью мордвы по всему Поволжью [6, 175]. При этом ни в одном из уездов ее представители не составляли большинства, но сохраняли язык и национальные особенности. Немало усилий было приложено для создания в 1928 г. Саранского (Мордовского) округа, позднее, в 1930 г., преобразованного в Мордовскую автономную область. 26 февраля 1925 г. был образован первый в РСФСР национальный округ – Коми-Пермяцкий [12, 41]. За ним последовали другие: Ненецкий округ – с 15 июля 1929 г. (с 1930 г. Ненецкий национальный округ), Ямальский (Ненецкий), Остяко-Вогульский и Таймырский (Долгано-Ненецкий) национальные округа – с 10 декабря 1930 г. [11, 17].

Такие открытые шаги руководства партии большевиков навстречу устремлениям национальных представителей к образованию государственности можно объяснить желанием получить поддержку многочисленных масс трудящихся всех национальностей в продолжающейся классовой борьбе, надеждой на дальнейшее продвижение и расширение революционного процесса, на мировую революцию.

Образование автономной государственности стало важной ступенью в политическом, социально-экономическом и культурном развитии финно-угорских на-

родов. Последующее повышение статуса ряда административно-территориальных единиц до автономных областей, а затем республик должно было ускорить этот процесс. Подобные решения влияли на дальнейшее позитивное развитие территорий, которые ранее считались экономически и культурно отсталыми.

К концу 1920-х гг. в составе РСФСР финно-угорскими являлись три автономные области: Марийская, Удмуртская, Коми (Зырян); одна автономная республика – Карельская, несколько округов – Коми-Пермяцкий и Мордовский (с 1930 г. автономная область), на территории Крайнего Севера – Ненецкий, Ямальский (Ненецкий), Остяко-Вогульский и Таймырский (Долгано-Ненецкий) национальные округа. На этом процесс преобразования и создания новых национальных образований не закончился. В начале 1930-х гг. несколько автономных областей РСФСР были преобразованы в автономные республики: в 1934 г. были созданы Удмуртская и Мордовская АССР, в 1936 г. – Марийская и Коми АССР [12]. Таким образом был осуществлен переход к более широкой форме национальной государственной организации. При этом такие малочисленные финно-угорские народы, как вепсы, водь, ижора, ливы, саамы, финны-ингерманландцы, не получили собственных административно-территориальных образований⁴.

В середине 1920-х гг. начался процесс коренизации советского государственного аппарата, ставший важным рычагом национального развития коренных народов. Происходила целенаправленная подготовка, а затем продвижение представителей коренных народов в разные сферы – систему управления, экономику, науку, культуру, образование. Усиливалась значимость родных языков, расширялась сфера их функционирования, увеличивались возможности для подготовки национальных кадров. Однако нередко это вызывало в обществе обострение межнациональных отношений и взаим-

⁴ См.: Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н., Сушкова Ю. Н., Гришаков В. В. Указ. соч. С. 155–160.

ной нетерпимости, вплоть до проявления шовинизма по отношению к национальным меньшинствам. Были и вполне объективные проблемы вроде отсутствия должной квалификации у выдвигаемых представителей нацменьшинств и т. д. [5, 239].

Последующие события довольно противоречивы. В скором времени партийные элиты развернули идеологическую борьбу против того, что интерпретировалось как «буржуазный национализм», цель которого – отвлечение пролетариев от классовой борьбы. Поэтому уже со второй половины 1930-х гг. политика коренизации стала сворачиваться. Недовольство продвижением нацменьшинств на местах сменилось последующими арестами ряда представителей национальной интеллигенции по сфабрикованным делам. Так, с 1931 г. шло разбирательство по «марийскому делу». В 1932–1933 гг. проходили аресты по делу «Союза освобождения финских народностей» (СОФИН), по которому были репрессированы удмуртский поэт Кузубай Герд, коми поэт В. А. Савин, марийский писатель В. А. Мухин, мордовские языковед А. П. Рябов и этнограф М. Т. Маркелов и др. [4, 226]. Всего в преамбуле обвинительного заключения названы 28 чел. Были также ликвидированы многие общества и кружки по изучению национальных языков и культур. Обвиняемым вменялась причастность к правотроцкистским террористическим блокам, готовившим покушение на партийное руководство страны. Предъявлялись надуманные обвинения в намерении отторжения финно-угорских автономий из состава СССР и создания федерации под протекторатом Финляндии, а также в шпионаже в пользу Эстонии и Финляндии. Многие обвиняемые по этому делу были расстреляны [4; 5].

Репрессии против наиболее активной части научной и творческой интеллигенции стали ударом по национальному движению финно-угорских народов.

В последующие годы идеологи в СССР пришли к умозаключению, что государственное единство будет невозможно,

если культурные группы населения станут развиваться обособленно друг от друга. Ставилась задача найти формулу, в рамках которой они начнут интегрироваться в единое сообщество. Взамен коренизации создавалась массовая культура с социалистическим содержанием и некоторой национальной окраской. Появилась концепция новой исторической общности – советского народа, которая оказала существенное влияние на развитие этнических групп и усилила процессы унификации и интеграции внутри общества. Со второй половины XX в. происходило ускоренное развитие промышленности в автономиях. Одновременно шел процесс сближения и слияния финно-угорских наций с русским населением. Его итогом стало изменение этнической ситуации в регионах с интенсивным притоком мигрантов и уменьшением численности коренных народов, особенно заметное за пределами национальных автономий [6, 250; 7].

Результаты данных процессов имели двойственное значение для развития демографии, языков и культур финно-угров. С одной стороны, их культуры интенсивно обогащались достижениями других культур, прежде всего русской, а через нее и через русский язык – достижениями мировой культуры. С другой стороны, происходило сужение функций национальных языков, которые все больше стали уходить в семейно-бытовую сферу, ускорялись ассимиляционные процессы. Со временем все это привело к оставлению традиционного уклада жизни, его унификации. Для малочисленных этнических групп такая политика оборачивалась разрушением их традиционной среды обитания, постепенным забвением национальных языков и культур.

История продемонстрировала нам картину провала коммунистического эксперимента, в котором одним из камней преткновения был национальный вопрос. В национальной политике было допущено немало ошибок, что во многом способствовало распаду государства. Одной из причин случившегося стала попытка сте-

реть национальные различия, заставить отречься от них ради социалистического строительства, что не могло не вызвать негативной реакции и в конечном счете привело к дискредитации идеи союзной государственности.

Заключение

Советский период является одним из важнейших в истории народов уральской языковой семьи. Именно на него приходится такие значимые преобразования, как национально-государственное строительство, культурная революция, формирование социалистических наций, обеспечение реализации их прав на самоопределение. Решающая роль в данных преобразованиях принадлежит советскому руководству. Однако за считанные годы оно изменило принципы своей национальной политики от коренизации и предоставления автономий до попыток интеграции разных народов в единое сообщество, отвергая и нивелируя национальные движения как проявления «буржуазного национализма». В этой непоследовательности и состояли неустойчивость проводимой национальной политики Советского государства, ее противоречивость.

Было бы неверным отрицать, что в составе СССР было сделано много позитивного для развития коренных народов, их социально-экономического и культурного подъема. Само создание административно-территориальных национально-государственных образований означало появление своего рода национальных центров как одного из факторов сохранения популяции, языков и куль-

тур этносов. Логическими продолжениями таких центров для финно-угров на сегодняшний день являются субъекты Российской Федерации: республики Карелия, Коми, Удмуртия, Марий Эл, Мордовия, Ханты-Мансийский, Ненецкий, Ямало-Ненецкий автономные округа. Несмотря на то что финно-угорские этносы, проживавшие на территории Советского Союза, смогли сохраниться, что говорит об устойчивости их национального самосознания на тот период, многие из них ныне находятся в трудном положении: численность неуклонно снижается, сохраняется опасность исчезновения для их языков и культур и т. д. Особенно актуально это для самых малочисленных финно-угорских этносов.

Осмысляя драматизм опыта межэтнического взаимодействия минувших эпох и сегодняшнюю этнокультурную ситуацию с учетом общности исторических судеб народов, следует прийти к осознанию возрастающей важности воспитания взаимного уважения и терпимости, исторической и этнической грамотности, недопущения попыток пересмотра сложившихся основ национально-государственного устройства Российской Федерации. Подобные попытки, безусловно, еще более пагубно скажутся на состоянии и перспективах сохранения и развития финно-угорских народов. Не менее важной в условиях глобализации является дальнейшая активизация процессов изучения, сохранения и развития национального и культурно-языкового многообразия финно-угорского мира как части достояния всего человечества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов В. К. Мордвины вчера и сегодня: Крат. очерки истории мордов. государственности и нац. движения. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002. 240 с.
2. Букин М. С. Становление мордовской советской национальной государственности (1917–1941 гг.). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. 286 с.
3. Дорожкин М. В. Формирование мордовской национальной государственности. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1979. 20 с.
4. Куликов К. И. Дело «СОФИН». Ижевск: УИИЯЛ, 1997. 350 с.
5. Куликов К. И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917–1937 гг. Ижевск: Удмуртский

- ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. 279 с.
6. Мокшин Н. Ф. Этническая история мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1977. 279 с.
  7. Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н. Этническая ситуация в Мордовии на современном этапе // Финно-угроведение. 1997. № 3. С. 18–25.
  8. Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н., Сушкова Ю. Н. Основные этапы формирования и развития мордовской этничности и государственности // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 1. С. 144–149.
  9. Мокшина Е. Н. Этническая ситуация в Мордовии на современном этапе. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1998. 179 с.
  10. Минеева Е. К. Наркомнац и становление Марийской, Мордовской, Чувашской автономных республик: исторический опыт и уроки. Чебоксары: Изд-во Чувашского гос. ун-та, 2007. 299 с.
  11. Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты / отв. ред. И. Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. П. Соколова. М.: Наука, 2005. 805 с.
  12. Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / отв. ред. Н. Ф. Мокшин, Т. П. Федянович, Л. С. Христолюбова. М.: Наука, 2000. 587 с.
  13. Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. 681 с.
  14. Сальникова Э. Ю. Эволюция мордовской государственности в XX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. Т. 15, № 3. С. 80–88.
  15. Смолин Д. А. Этапы становления мордовской национальной государственности в 1917–1930-е годы // Историко-архивное наследие как фактор социально-культурного развития региона: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня образования Центр. гос. архива Респ. Мордовия. Саранск, 2017. С. 259–262.
  16. Становление государственности мордовского народа: методико-библиографический материал к 85-летию Мордовской автономии / сост. Е. А. Стешина; ред. Т. В. Овсянникова. Саранск: Нац. б-ка им. А. С. Пушкина Республики Мордовия, 2015. 33 с.
  17. Сухова О. А., Филенкова О. А. Становление национальных автономий в РСФСР в начале 1920-х годов: проблемы и противоречия (на примере создания Мордовской автономной области) // Исторический поиск. 2020. Т. 1, № 4. С. 91–96. DOI: 10.47026/2712-9454-2020-1-4-91-96.
  18. Сушкова Ю. Н. Тимофей Васильевич Васильев: юрист, ученый, просветитель (к 115-летию со дня рождения) // Вестник Евразийской академии административных наук. 2013. № 1. С. 16–22.
  19. Чекушкин А. Н. Трансформация национального статуса Мордовии в 1920–30-е гг.: политика коренизации // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. Т. 17, № 1. С. 85–93.
  20. Юрченков В. А. Мордовская история: курс лекций. Саранск: Константин Шапкарин: Центр образовательных технологий, прикладной и профессиональной этики, 2014. 276 с.

Поступила 28.09.2022; одобрена 15.11.2022; принята 26.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Е. Н. Мокшина – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, enm2112@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7069-6563>

Д. А. Смолин – аспирант Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, mrdensmol@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0468-4895>

К. А. Суслов – студент IV курса направления «История» Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, suslov_konstantin_2002@vk.com, <https://orcid.org/0000-0003-2068-1758>

Some aspects of national-state building among the Finno-Ugric peoples in the USSR

Elena N. Mokshina
Denis A. Smolin
Konstantin A. Suslov

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Introduction. The article considers some aspects of the national-state building of the Finno-Ugric peoples in the USSR. It highlights the ways of realization of the policy of the Soviet power in this matter. Its positive achievements, as well as contradictions and omissions in the implementation process are represented. The research aims at giving the complex analysis and the objective assessment of the national-state building processes of the Finno-Ugric peoples in the USSR.

Materials and Methods. The article summarized legislative documents and materials contained in the works of Soviet and contemporary authors on this problem. Such methods of research as comparative, historical, genetic, legal, descriptive, logical were used to achieve the goal. It also employed the method of actualization which allowed to connect the development of modern processes with the historical experience of the past.

Results and Discussion. The research traced the dynamics and certain tendencies of the realization of the national policy towards the Finno-Ugric peoples in the USSR. The analysis of the national-state building processes among them allowed concluding about the significance of the Soviet stage in their development, despite some contradictions, mistakes and omissions in the actions of the Soviet leadership. Underestimation of the national problems of the ethnic groups within the USSR, along with many other unsolved problems in the economy, politics, spiritual and social spheres, accumulated in the State, eventually led to its collapse, which led to problems in geopolitics.

Conclusion. Considering all aspects of nation-state building in the USSR made it possible to conclude on the significance and value of creating national administrative-territorial formations among Finno-Ugric peoples, whose continuations are the present-day national subjects of the Russian Federation. The conclusion was made that the established foundations of the nation-state structure of the Russian Federation should be preserved as an important factor in the preservation and development of Finno-Ugric peoples.

Keywords: Finno-Ugric peoples, USSR, nation-state building, autonomy, national policy, ethnic territory, nation

For citation: Mokshina EN, Smolin DA, Suslov KA. Some aspects of national-state building among the Finno-Ugric peoples in the USSR. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;1:44–52. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.44-52.

REFERENCES

1. Abramov VK. Mordvins yesterday and today: Brief essays on the history of Mordovian statehood and the national movement. Saransk; 2002. (In Russ.)
2. Bukin MS. Formation of Mordovian Soviet national statehood (1917–1941). Saransk; 1990. (In Russ.)
3. Dorozhkin MV. Formation of the Mordovian national statehood. Saransk; 1979. (In Russ.)
4. Kulikov KI. The SOFIN case. Izhevsk; 1997. (In Russ.)
5. Kulikov KI. Nation-state construction of the Eastern Finnish peoples in 1917–1937. Izhevsk; 1993. (In Russ.)
6. Mokshin NF. Ethnic history of the Mordovians. Saransk; 1977. (In Russ.)
7. Mokshin NF, Mokshina EN. Ethnic situation in present stage Mordovia. *Finno-Ugrovedenie* = Finno-Ugric Studies. 1997;3:18–25. (In Russ.)
8. Mokshin NF, Mokshina EN, Sushkova YuN. The basic stages of formation and development of Mordovian ethnicity and state. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2016;1:144–149. (In Russ.)
9. Mokshina EN. Ethnic situation in Mordovia at the present stage. Saransk; 1998. (In Russ.)
10. Mineeva EK. People's Commissariat and the formation of the Mari, Mordovian, Chuvash Autonomous Republics: historical experience and lessons. Cheboksary; 2007. (In Russ.)
11. Gemuev N, Molodin VI, Sokolova ZP, eds. Peoples of Western Siberia: Khanty. Mansi. Selkups. Nenets. Enets. Nganasany. Kets. Moscow; 2005. (In Russ.)

12. Mokshin NF, Fedianovich TP, Khristoliubova LS, eds. The peoples of the Volga and Urals: Komi-Zyryans. Komi-Permyaks. Mari. Mordva. Udmurts. Moscow; 2000. (In Russ.)
13. Klement'ev EI, Shlygina NV, eds. Baltic-Finnish peoples of Russia. Moscow; 2003. (In Russ.)
14. Salnikova EYu. Evolution of Mordovian statehood in the XX century. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri pravitel'stve Respubliki Mordoviia* = Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia. 2010;15;3:80–88. (In Russ.)
15. Smolin DA. Stages of formation of the Mordovian national statehood in 1917–1930s. *Istoriko-arkhivnoe nasledie kak faktor sotsial'no-kul'turnogo razvitiia regiona: materialy mezhtregion. nauch.-prakt. konf., posviashch. 80-letiiu so dnia obrazovaniia Tsent. gos. arkhiva Resp. Mordoviia* = Historical and archival heritage as a factor in the socio-cultural development of the region. Materials of the interregional scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the formation of the Central State Archive of the Republic of Mordovia. Saransk; 2017:259–262. (In Russ.)
16. Steshina EA, comp., Ovsyannikova TV, ed. The formation of the statehood of the Mordovian people: methodological and bibliographic material for the 85th anniversary of the Mordovian autonomy. Saransk; 2015. (In Russ.)
17. Sukhova OA, Filenkova OA. Formation of national autonomies in the RSFSR in early 1920s: problems and contradictions (on the example of creating the Mordovian Autonomous Region). *Istoricheskii poisk* = Historical Search. 2020;1;4:91–96. (In Russ.). DOI: 10.47026/2712-9454-2020-1-4-91-96.
18. Sushkova YuN. Timofey Vasilievich Vasiliev: a lawyer, a scientist, an illuminator (in commemoration of the 115th anniversary of his birth). *Vestnik Evraziiskoi akademii administrativnykh nauk* = Herald of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. 2013;1:16–22. (In Russ.)
19. Chekushkin AN. Transformation of the National Status of Mordovia in the 1920s–30s: Indigenization Policy. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri pravitel'stve Respubliki Mordoviia* = Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia. 2011;17;1:85–93. (In Russ.)
20. Iurchenkov VA. Mordovian history: a course of lectures. Saransk; 2014. (In Russ.)

Submitted 28.09.2022; reviewing 15.11.2022; accepted 26.12.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

E. N. Mokshina – Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University, enm2112@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7069-6563>

D. A. Smolin – PhD Student, National Research Mordovia State University, mrdensmol@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0468-4895>

K. A. Suslov – Graduate Student, History, Institute of History and Sociology, National Research Mordovia State University, suslov_konstantin_2002@vk.com, <https://orcid.org/0000-0003-2068-1758>

Специалисты среднего звена в финно-угорских республиках РСФСР во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг.

Александр Михайлович Мацук

Институт языка, литературы и истории

Коми научного центра Уральского отделения РАН,

Сыктывкар, Россия

Введение. Основным объемом специалистов среднего звена для различных отраслей народного хозяйства финно-угорских республик РСФСР готовили местные средние специальные учебные заведения. Статья посвящена исследованию динамики численности специалистов среднего звена в отраслях народного хозяйства финно-угорских республик во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг., а также удельного веса этих специалистов в народном хозяйстве указанных территорий.

Материалы и методы. В работе использованы статистические материалы, содержащие данные о численности специалистов среднего звена в разных отраслях народного хозяйства на рассматриваемой территории. Исследование проведено на базе сравнительно-исторического, системного и статистического подходов, позволивших проследить динамику численности специалистов среднего звена и изменения удельного веса специалистов отдельных категорий в их общем объеме.

Результаты исследования и их обсуждение. На основе содержащихся в статистических материалах данных была прослежена динамика численности специалистов среднего звена, занятых в разных отраслях народного хозяйства финно-угорских республик РСФСР. Выявлены изменения в удельном весе отдельных категорий изучаемых специалистов относительно их общего объема. Проведено сравнение изменения удельного веса отдельных категорий этих специалистов по финно-угорским республикам с подобной динамикой по РСФСР в целом за исследуемый период.

Заключение. На протяжении обозначенного периода в динамике численности специалистов среднего звена, занятых в народном хозяйстве финно-угорских республик, и изменении удельного веса их отдельных категорий действовали несколько тенденций. Во второй половине 1950-х гг. отмечена общая динамика увеличения количества изучаемых кадров, в начале 1960-х гг. интенсивность этого процесса стала ослабевать. В целом за весь период общая численность данных специалистов увеличилась в среднем в два раза. Наибольший рост наблюдался в категории техников, что вызвало уменьшение удельного веса прочих категорий, особенно заметное во второй половине 1950-х гг.

Ключевые слова: среднее специальное образование, финно-угорские республики РСФСР, кадры, народное хозяйство, вторая половина 1950-х – начало 1960-х гг.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР Института языка, литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения РАН».

Для цитирования: Мацук А. М. Специалисты среднего звена в финно-угорских республиках РСФСР во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 1. С. 53–64. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.53-64.

Введение

К середине 1950-х гг. как в РСФСР в целом, так и в отдельных областях и автономных республиках действовали сложившиеся системы среднего специального образования, готовившие специалистов для различных отраслей народного хозяйства и культуры. Техникумы и училища выпускали кадры прежде всего для насыщения потребностей местных органи-

заций и предприятий, хотя наряду с этим существовал и определенный отток специалистов по причине направления в более нуждающиеся в тех или иных кадрах регионы. Целью данной статьи является исследование динамики численности специалистов среднего звена в различных отраслях народного хозяйства на территории пяти финно-угорских республик РСФСР:

Карельской, Коми, Марийской, Мордовской и Удмуртской АССР – в период второй половины 1950-х – начала 1960-х гг., а также изменения удельного веса этих специалистов в народном хозяйстве указанных территорий.

Обзор литературы

Вопрос подготовки кадров учреждениями системы среднего специального образования в финно-угорских республиках получил определенное освещение в научной историографии [1; 3; 5; 6; 11; 15; 16; 19 и др.]. Однако тема наличия и изменения объема занятых в народном хозяйстве специалистов среднего звена в тех или иных республиках раскрыта недостаточно полно. Отдельные факты о количестве специалистов среднего звена, занятых в народном хозяйстве, представлены в обобщающих научных работах по истории республик. Например, в «Истории Коми АССР с древнейших времен до наших дней» содержится информация о работающих на предприятиях и в организациях республики в 1959 г. 24 тыс. специалистов среднего звена [7, 436]. В «Истории Удмуртии: XX век» приведены данные о численности специалистов с высшим и средним образованием в сельском хозяйстве республики в конце 1950-х – начале 1960-х гг. [8, 356]. В книге «Культура Мордовии. XX век» отмечен значительный рост кадров со средним профессиональным образованием, занятых в народном хозяйстве республики в предвоенный период, а также указан уровень образования учителей школ в середине 1940-х – начале 1950-х гг. [10, 272, 276].

В подобных трудах встречаются факты, относящиеся к вопросам комплектования специалистами среднего звена отраслей народного хозяйства. Так, в «Истории Удмуртии...» говорится о недостаточном объеме специалистов со средним специальным образованием в республике в 1950-х гг. [8, 334], в работе «Мордовия в послевоенный период» – о том, что для преодоления послевоенного дефицита в подготовленных кадрах был сделан упор на подготовку молодых специалистов [17, 166], и др.

В ряде авторских монографий наряду с освещением ситуации с количеством подготовленных ссузами специалистов частично затронут вопрос наличия в народном хозяйстве специалистов со средним специальным образованием как в целом, так и по отдельным отраслям.

Я. Н. Безносиков привел данные об общем количестве специалистов среднего звена в народном хозяйстве Коми АССР в 1959, 1966 и 1970 гг., об их удельном весе в отдельных отраслях народного хозяйства в 1959 г., обратив внимание на недостаточное комплектование выпускниками ссузов предприятий республики [2, 210, 211, 285; 3, 149, 158]. В книге А. К. Гагиевой обозначено количество работников системы потребительской кооперации Коми АССР в 1960–1980-х гг. с выделением специалистов со средним специальным образованием в количественном и процентном соотношении [4, 38].

В нашей монографии представлены сводные данные о количестве специалистов среднего звена на Европейском Севере РСФСР в 1950–1980-х гг., в частности в двух финно-угорских республиках – Карельской и Коми АССР [14, 10].

И. Г. Кильдюшкина отметила увеличение числа специалистов среднего звена, занятых в народном хозяйстве Мордовской АССР во второй половине 1980-х гг. [9, 200].

В работе В. И. Рыбалки отражены сведения об образовании клубных, библиотечных кадров и работников кино Марийской АССР в конце 1960-х гг. с выделением работников со средним специальным образованием, указано количество специалистов среднего звена, работавших в сельских культурно-просветительских учреждениях в середине 1950-х гг., а также сформулированы недостатки в работе Министерства культуры республики по комплектованию учреждений кадрами среднего звена [23, 236, 237].

Проанализировав обобщенные данные о количестве специалистов с незаконченным высшим, средним специальным и общим средним образованием (без конкретизации по уровням), занятых в народном хозяйстве Удмуртской АССР в

начале 1970-х гг., А. П. Обухов констатировал их увеличение за период 1959–1970 гг. [18, 219].

В работе К. А. Пономарева имеются сведения о численности лиц с высшим и средним образованием (без отдельных данных по этому пункту) на 1 тыс. населения Марийской, Мордовской и Удмуртской АССР за 1939, 1959, 1970 и 1976 гг. [22, 27].

Таким образом, в подавляющем большинстве научных работ, где в той или иной степени освещен вопрос количества специалистов среднего звена в народном хозяйстве финно-угорских республик, содержатся достаточно фрагментарные сведения, не раскрывающие эту проблему в должной мере. Нами предпринято исследование динамики численности кадров со средним специальным образованием в народном хозяйстве Карельской, Коми, Марийской, Мордовской и Удмуртской АССР в период второй половины 1950-х – начала 1960-х гг.

Указанный период выбран не случайно. Во-первых, к этому времени, после преодоления трудностей послевоенного периода, в финно-угорских республиках устойчиво функционировали местные сети средних специальных учебных заведений, являвшихся основными поставщиками кадров для отраслей народного хозяйства. Во-вторых, период отмечен проведением правительством Н. С. Хрущева масштабной реформы народного образования, которая оказала существенное влияние на процесс подготовки специалистов среднего звена и соответственно комплектования этими специалистами организаций и предприятий республик.

Материалы и методы

В основу работы легли статистические материалы, опубликованные в ежегодных статистических сборниках «Народное хозяйство РСФСР» за вторую половину 1950-х – начало 1960-х гг. Исследование базируется на сравнительно-историческом, системном и статистическом

подходах, с помощью которых удалось проследить динамику численности кадров среднего звена, занятых в народном хозяйстве финно-угорских республик, а также выделить изменения удельного веса специалистов отдельных категорий в их общем объеме. Для большей наглядности полученная информация представлена в виде таблиц.

Результаты исследования и их обсуждение

Перед тем как обратиться непосредственно к теме исследования, дадим краткую характеристику состояния систем среднего специального образования, работавших на территории финно-угорских республик в изучаемый период, на фоне проведения реформы образования в стране. К середине 1950-х гг. суммарное количество действующих техникумов и училищ в пяти финно-угорских республиках равнялось 82. Наибольшее число ссузов (23 учреждения) находилось в Удмуртской АССР, в Марийской действовали 17, Карельской – 15, Мордовской – 14, в Коми АССР – 13. В совокупности в них обучались около 32 тыс. чел.¹

В тот же период начала претворяться в жизнь реформа образования, оказавшая, по оценкам исследователей, как положительное, так и отрицательное влияние на систему подготовки кадров среднего звена [1, 14; 3, 105–106; 12, 107; 20, 472; 21, 469]. В течение второй половины 1950-х гг. в ключе указанной реформы развивались вечерняя и заочная формы обучения. С другой стороны, было закрыто или объединено некоторое количество ссузов, сократился набор учащихся на ряд специальностей, что не могло не отразиться на состоянии системы среднего специального образования изучаемой территории. Так, в 1959 г. количество ссузов в финно-угорских республиках сократилось до 69, из которых 21 работал в Удмуртской АССР, 13 – в Мордовской, по 12 техникумов и училищ – в Карельской и Марийской, 11 – в Коми АССР. Суммарная

¹ См.: Культурное строительство РСФСР: Стат. сб. М., 1958. С. 354–357, 360–363, 370–371.

Таблица 1 (начало). Число специалистов среднего звена, занятых в народном хозяйстве финно-угорских республик РСФСР во второй половине 1950-х гг., тыс. чел.*

Table 1 (start). The number of mid-level specialists employed in the national economy of the Finno-Ugric Republics of the RSFSR in the second half of the 1950s, thousand people

Специалисты среднего звена / Mid-level specialists	Финно-угорские республики РСФСР / Finno-Ugric Republics of the RSFSR								
	Карельская АССР / Karelian ASSR			Коми АССР / Komi ASSR			Марийская АССР / Mari ASSR		
	1955 г.	1957 г.	1959 г.	1955 г.	1957 г.	1959 г.	1955 г.	1957 г.	1959 г.
Всего / Total	11,8	18,1	20,9	13,1	19,1	24,0	9,4	12,2	13,9
В том числе: / Incl.:									
техники / technicians	3,0	5,0	6,7	4,0	6,4	8,8	1,2	2,1	3,3
агрономы, зоотехники, ветфельдшеры, веттехни и лесоводы / agronomists, livestock specialists, veterinarians, veterinary technicians and foresters	0,9	1,2	1,3	0,9	1,1	1,3	1,2	1,4	1,4
медицинские работники (включая зубных врачей) / healthcare professionals (including dentists)	2,5	4,3	4,7	3,6	5,1	6,0	2,3	3,1	3,5
педагоги, библиотечные и культурно-просветительские работники и другие специалисты / teachers, library and cultural, educational staff and other specialists	5,4	7,6	8,2	4,6	6,5	7,9	4,7	5,6	5,7

* Таблица составлена по: Народное хозяйство РСФСР. М., 1957. С. 275–276; Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. М., 1959. С. 381–382; Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. С. 434, 436.

численность учащихся в них снизилась до 28 тыс. чел.²

В начале 1960-х гг. правительство Н. С. Хрущева предприняло определенный ряд действий в целях сглаживания негативных последствий проводимой реформы для системы среднего специального образования. Например, Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 31 августа 1961 г. № 817 «О мерах по обеспечению общеобразовательных школ учительскими кадрами» была восстановлена и увеличена подготовка учителей начальных классов и воспитателей детских дошкольных учреждений в педагогических училищах; приоритет приема был передан от групп ускоренной подготовки основным отделениям и т. д. (подробнее об этом см.: [12; 13; 15]). Это позволило сгладить негативную сторону реформы и к концу правления Н. С. Хрущева увеличить

количество ссузов и число обучающихся в них. Так, в 1964 г. в финно-угорских республиках работало уже 81 среднее специальное учебное заведение (с контингентом учащихся около 57 тыс. чел.), в частности в Удмуртской АССР – 24, Карельской – 16, Коми – 15, Мордовской – 14, в Марийской АССР – 12³.

Составив представление о системе среднего специального образования на изучаемой территории в середине 1950-х – начале 1960-х гг., обратимся к анализу динамики насыщения кадрами среднего звена народного хозяйства и культуры пяти финно-угорских республик как в целом, так и в разрезе каждой республики, не только учитывая общее количество специалистов, но и ранжируя их по ряду специализаций (табл. 1–2).

Представленные в табл. 1 данные о динамике численности специалистов сред-

² Здесь и далее приводятся данные статистического ежегодника «Народное хозяйство РСФСР». См.: Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. М., 1960. С. 523, 524.

³ См.: Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. М., 1965. С. 438, 439.

Таблица 1 (окончание). Число специалистов среднего звена, занятых в народном хозяйстве финно-угорских республик РСФСР во второй половине 1950-х гг., тыс. чел.

Table 1 (finish). The number of mid-level specialists employed in the national economy of the Finno-Ugric Republics of the RSFSR in the second half of the 1950s, thousand people

Специалисты среднего звена / Mid-level specialists	Финно-угорские республики РСФСР / Finno-Ugric Republics of the RSFSR						Итого / Total		
	Мордовская АССР / Mordovian ASSR			Удмуртская АССР / Udmurt ASSR			1955 г.	1957 г.	1959 г.
	1955 г.	1957 г.	1959 г.	1955 г.	1957 г.	1959 г.			
Всего / Total	13,3	16,3	18,4	19,5	26,1	31,2	67,1	91,8	108,4
В том числе: / Incl.:									
техники / technicians	1,3	2,2	3,4	4,6	6,9	9,9	14,1	22,6	32,1
агрономы, зоотехники, ветфельдшеры, веттехнические и лесоводы / agronomists, livestock specialists, veterinarians, veterinary technicians and foresters	1,8	1,9	2,1	2,6	2,7	3,0	7,4	8,3	9,1
медицинские работники (включая зубных врачей) / healthcare professionals (including dentists)	3,5	4,1	4,5	4,8	6,6	7,4	16,7	23,2	26,1
педагоги, библиотечные и культурно-просветительские работники и другие специалисты / teachers, library and cultural, educational staff and other specialists	6,7	8,1	8,4	7,5	9,9	10,9	28,9	37,7	41,1

него звена, занятых в народном хозяйстве изучаемой территории, свидетельствуют о том, что во второй половине 1950-х гг. этот показатель в целом увеличился в 1,6 раза (с 67,1 тыс. до 108,4 тыс. чел.). Наибольший его рост отмечен в Коми и Карельской АССР (в 1,8 раза), наименьший – в Мордовской АССР (в 1,4 раза).

По отдельным категориям специализаций в данный период также выявлено устойчивое увеличение численности специалистов. Максимальный прирост показала категория техников: по всем финно-угорским республикам – в 2,3 раза (с 14,1 тыс. до 32,1 тыс. чел.), в Марийской и Мордовской АССР – в 2,7 и 2,6 раза соответственно. Общий рост численности медицинских работников составил 1,5 раза (с 16,7 тыс. до 26,1 тыс. чел.), при этом наибольшим он был в Карельской АССР (в 1,9 раза), наименьшим – в Мордовской (в 1,3 раза). Не столь значительное увеличение численности кадров среднего звена в эти годы было зафиксировано в категории педагогов, работников культуры и других специалистов, а также в категории

агрономов, зоотехников, ветеринарных работников и лесоводов. В двух данных категориях суммарный рост численности специалистов был отмечен в 1,4 и 1,2 раза соответственно.

Несмотря на заметное численное увеличение специалистов среднего звена в различных отраслях народного хозяйства финно-угорских республик, изменение удельного веса представителей различных специализаций в общей численности не имело в это время общего положительного вектора. Так, за счет значительного увеличения удельного веса категории техников суммарно по всем республикам на 8,6 % (среди республик лидером можно назвать Марийскую АССР, где данный показатель вырос почти на 11 %), прочие категории столкнулись с сокращением доли своих представителей в общем числе специалистов среднего звена. Для категории агрономов, зоотехников, ветеринарных работников и лесоводов зафиксировано уменьшение удельного веса в целом на 2,6 %, причем наиболее существенное – в Удмуртской АССР (на 3,7 %). В категории

Таблица 2 (начало). Число специалистов среднего звена, занятых в народном хозяйстве финно-угорских республик РСФСР в начале 1960-х гг., тыс. чел.

Table 2 (start). The number of mid-level specialists employed in the national economy of the Finno-Ugric Republics of the RSFSR in the second half of the 1960s, thousand people

Специалисты среднего звена / Mid-level specialists	Финно-угорские республики РСФСР / Finno-Ugric Republics of the RSFSR								
	Карельская АССР / Karelian ASSR			Коми АССР / Komi ASSR			Марийская АССР / Mari ASSR		
	1960 г.	1962 г.	1964 г.	1960 г.	1962 г.	1964 г.	1960 г.	1962 г.	1964 г.
Всего / Total	22,3	23,6	25,5	25,6	28,7	33,0	15,1	16,3	17,6
В том числе: / Incl.:									
техники / technicians	7,3	8,5	9,1	9,8	11,0	12,6	3,8	4,7	5,1
агрономы, зоотехники, ветфельдшеры, веттехнические и лесоводы / agronomists, livestock specialists, veterinarians, veterinary technicians and foresters	1,3	1,1	1,2	1,3	1,6	1,6	1,5	1,6	1,7
медицинские работники (включая зубных врачей) / healthcare professionals (including dentists)	5,1	4,8	5,2	6,0	6,5	7,4	3,7	3,8	4,1
педагоги, библиотечные и культурно-просветительские работники и другие специалисты / teachers, library and cultural, educational staff and other specialists	8,6	9,2	10,0	8,5	9,6	11,4	6,1	6,2	6,7

* Таблица составлена по: Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. М., 1961. С. 407, 408; Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. М., 1963. С. 431, 432; Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. М., 1965. С. 375, 376.

педагогов, работников культуры и других специалистов общее снижение удельного веса зафиксировано на отметке в 5,1 %; наибольшим оно было в Марийской АССР (9,0 %), наименьшим – в Коми (2,2 %). Только в категории медицинских работников снижение удельного веса данных специалистов наблюдалось не во всех республиках. Наибольшее уменьшение показали Коми и Мордовская АССР (на 2,5 и 1,8 % соответственно), тогда как для Карельской и Марийской АССР был характерен рост этого показателя (на 1,3 и 0,7 % соответственно).

Сравнивая динамику удельного веса отдельных категорий специалистов среднего звена во второй половине 1950-х гг. по финно-угорским республикам с подобной динамикой по РСФСР в целом, можно отметить существенную разницу по

двум категориям специалистов. Так, если в РСФСР удельный вес медицинских работников снизился на 1,8 %⁴, то в финно-угорских республиках – только на 0,9 %. В категории агрономов, зоотехников, ветеринарных работников и лесоводов снижение показателя в РСФСР составило 1,5 %⁵, а в финно-угорских республиках – 2,6 %. Ситуация с изменением удельного веса других категорий на изучаемой территории и в РСФСР была сходной. Также отметим, что доля отдельных категорий специалистов, работавших на рассматриваемой территории, в общем объеме той или иной категории по РСФСР практически не изменилась.

По приведенным в табл. 2 данным можно судить о том, что в начале 1960-х гг. динамика общего числа специалистов среднего звена, занятых в народном хо-

⁴ Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР. С. 275; Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. С. 381; Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. С. 434.

⁵ Подсчитано по: Там же.

Таблица 2 (окончание). Число специалистов среднего звена, занятых в народном хозяйстве финно-угорских республик РСФСР в начале 1960-х гг., тыс. чел.

Table 2 (finish). The number of mid-level specialists employed in the national economy of the Finno-Ugric Republics of the RSFSR in the second half of the 1960s, thousand people

Специалисты среднего звена / Mid-level specialists	Финно-угорские республики РСФСР / Finno-Ugric Republics of the RSFSR						Итого / Total		
	Мордовская АССР / Mordovian ASSR			Удмуртская АССР / Udmurt ASSR			1960 г.	1962 г.	1964 г.
	1960 г.	1962 г.	1964 г.	1960 г.	1962 г.	1964 г.			
Всего / Total	19,2	21,1	24,3	33,1	35,7	39,2	115,3	125,4	139,6
В том числе: / Incl.:									
техники / technicians	3,9	4,8	5,8	11,1	12,8	14,0	35,9	41,8	46,6
агрономы, зоотехники, ветфельдшеры, веттехни и лесоводы / agronomists, livestock specialists, veterinarians, veterinary technicians and foresters	2,2	2,3	2,5	3,1	3,0	3,1	9,4	9,6	10,1
медицинские работники (включая зубных врачей) / healthcare professionals (including dentists)	4,7	4,8	5,1	7,5	7,7	8,5	27,0	27,6	30,3
педагоги, библиотечные и культурно-просветительные работники и другие специалисты / teachers, library and cultural, educational staff and other specialists	8,4	9,2	10,9	11,4	12,2	13,6	43,0	46,4	52,6

зяйстве финно-угорских республик, не изменила вектор роста, хотя и несколько замедлилась. Общая численность таких кадров увеличилась за это время в 1,2 раза (с 115,3 тыс. до 139,6 тыс. чел.), по отдельным республикам – в 1,1–1,2 раза.

Некоторые категории специалистов в целом по всей изучаемой территории в начале 1960-х гг. в численном выражении продемонстрировали незначительный прирост в 1,1–1,3 раза. По отдельным республикам можно подчеркнуть наибольшее увеличение показателя: в категории техников – в Мордовской АССР (в 1,5 раза), в категории педагогов, работников культуры и других специалистов – в Коми АССР (в 1,3 раза). В категории агрономов, зоотехников, ветеринарных работников и лесоводов изменения не отмечены в Удмуртской АССР или незначительны в сторону уменьшения в Карельской.

Вектор динамики удельного веса отдельных категорий специалистов в их общем объеме в сравнении со второй половиной 1950-х гг. практически не изменился, кроме категории педагогов,

работников культуры и других. Однако зафиксированное ранее значительное увеличение удельного веса кадров среднего звена в категории техников, а также уменьшение этого показателя в категории агрономов, зоотехников, ветеринарных работников и лесоводов стало не столь заметно. В категории техников, например, общий рост удельного веса численности специалистов замедлился с 8,6 до 2,2 %. В наибольшей степени показатель вырос в Марийской и Мордовской АССР (на 3,8 и 3,5 % соответственно); в Коми АССР, напротив, зафиксирован небольшой его спад (на 0,1 %). В категории агрономов, зоотехников, ветеринарных работников и лесоводов так же замедлилось снижение удельного веса специалистов с 2,6 до 0,9 % (наибольшим оно по-прежнему было в Удмуртской АССР – на 1,4 %).

Для категории медицинских работников в начале 1960-х гг. было характерно усиление негативной динамики, что проявилось в уменьшении их удельного веса с 0,9 до 1,7 %. Самое значительное снижение показателя отмечено в Мордовской

и Карельской АССР – на 3,5 и 2,5 % соответственно.

Обратим внимание на полное изменение вектора динамики удельного веса специалистов в категории педагогов, работников культуры и других с отрицательного на положительный в целом на всей изучаемой территории (с уменьшения на 5,1 % во второй половине 1950-х гг. до увеличения на 0,4 % в начале 1960-х гг.). По отдельным республикам снижение удельного веса данной категории зафиксировано только в Марийской АССР – на 2,3 %. В других республиках отмечен рост показателя, наибольший – в Коми АССР (на 1,3 %). В целом указанные изменения можно непосредственно связать с корректировками проводимой в стране реформы образования.

Сравнение динамики удельного веса специалистов отдельных категорий в финно-угорских республиках и в РСФСР в целом выявило их сходство.

Приведем анализ динамики численности состава специалистов среднего звена, занятых в народном хозяйстве рассматриваемой территории, а также изменения удельного веса отдельных категорий специалистов в их общем объеме за весь период второй половины 1950-х – начала 1960-х гг., опираясь на данные, представленные в табл. 1 и 2.

В течение изучаемого периода общая численность специалистов среднего звена в народном хозяйстве финно-угорских республик увеличилась в 2,1 раза (с 67,1 тыс. до 139,6 тыс. чел.). Наибольший прирост зафиксирован в Коми АССР – с 13,1 тыс. до 33 тыс. чел., или в 2,5 раза, наименьший – в Мордовской АССР – с 13,3 тыс. до 24,3 тыс. чел., или в 1,8 раза.

По отдельным категориям самый значительный рост общего числа специалистов отмечен в категории техников – в целом в 3,3 раза (с 14,1 тыс. до 46,6 тыс. чел.), в Мордовской и Марийской АССР – почти в 4,5 и 4,3 раза соответственно. Категория педагогов, работников культуры и других специалистов и категория медицинских работников показали одинаковое увеличение в 1,8 раза в целом на изучаемой территории. Наибольший прирост в первой из них зафиксирован в Коми АССР – в

2,5 раза (с 4,6 тыс. до 11,4 тыс. чел.), а во второй – в Карельской и Коми АССР – в 2 раза. Наименьший прирост отмечен в категории агрономов, зоотехников, ветеринарных работников и лесоводов, численность которых в целом увеличилась почти в 1,4 раза (с 7,4 тыс. до 10,1 тыс. чел.).

Рассматривая изменение удельного веса специалистов отдельных категорий в их общей численности, подчеркнем, что за весь изучаемый период на территории финно-угорских республик только в категории техников зафиксирован заметный рост – на 12,4 %. Наибольшее увеличение удельного веса данной категории было характерно для Марийской АССР (на 16,2 %), наименьшее – для Коми АССР (на 7,6 %).

Удельный вес специалистов остальных категорий со второй половины 1950-х до начала 1960-х гг. уменьшился. Наиболее интенсивно этот процесс затронул категорию педагогов, работников культуры и других специалистов, где спад показателя в целом составил 5,4 %. По отдельным республикам максимальное снижение отмечено в Марийской и Карельской АССР (на 11,9 и 6,5 % соответственно), минимальное – в Коми АССР (на 0,7 %). Удельный вес категории агрономов, зоотехников, ветеринарных работников и лесоводов уменьшился в целом на 3,8 %. В Удмуртской АССР зафиксировано наибольшее снижение данного показателя (на 5,4 %), в Коми АССР – наименьшее (на 2,0 %). Удельный вес категории медицинских работников в целом на рассматриваемой территории снизился на 3,2 %, причем максимально – в Мордовской и Коми АССР (на 5,3 и 5,1 % соответственно), а минимально – в Карельской АССР (на 0,8 %).

Сравнивая динамику численности специалистов среднего звена, занятых в народном хозяйстве на изучаемой территории, и общей численности населения финно-угорских республик, отметим, что на протяжении всего исследуемого периода удельный вес указанных кадров демонстрировал тенденцию к постепенному увеличению. Так, со второй половины 1950-х гг. до середины 1960-х гг. данный показатель повысился с 1,6 до 3,0 %. Однако за период с 1956 до 1959 г. его рост

был более интенсивным (на 0,8 %), чем за 1960–1964 гг. (на 0,4 %). По отдельным республикам изменение удельного веса специалистов среднего звена в общей численности населения было следующим: в Карельской АССР – с 1,9 до 3,7 %, Коми – с 1,9 до 3,5, Марийской – с 1,4 до 2,7, Мордовской – с 1,3 до 2,4, в Удмуртской АССР – с 1,5 до 2,8 %⁶.

Заключение

Таким образом, на протяжении изучаемого периода в динамике численности специалистов среднего звена, занятых в народном хозяйстве финно-угорских республик, и удельного веса их отдельных категорий действовали несколько тенденций. Во второй половине 1950-х гг. отмечена общая динамика увеличения количества кадров среднего звена на рассматриваемой территории. В начале 1960-х гг. положительный вектор динамики не изменился, хотя его интенсивность несколько снизилась. В целом за обозначенный период общая численность специалистов со средним специальным образованием увеличилась в среднем в два раза, причем наибольший рост наблюдался среди специалистов, отнесенных статистиками к категории техников, наименьший – к категории агрономов, зоотехников, ветеринарных работников и лесоводов.

Анализ удельного веса специалистов отдельных категорий в их общем объеме за весь изучаемый период выявил, что из-за роста доли специалистов, отнесенных к категории техников, показатель прочих

категорий заметно уменьшился. Однако в начале 1960-х гг. по сравнению со второй половиной 1950-х гг. отмечается снижение интенсивности роста удельного веса представителей категории техников, а также замедление отрицательной динамики в категории агрономов, зоотехников, ветеринарных работников и лесоводов и даже изменение отрицательного вектора на положительный в категории педагогов, работников культуры и других специалистов.

При сравнении динамики удельного веса специалистов отдельных категорий в финно-угорских республиках с подобной динамикой в целом по РСФСР обнаруживается их сходство. Тем не менее в рассматриваемых республиках снижение этого показателя за весь очерченный период по категории агрономов, зоотехников, ветеринарных работников и лесоводов было больше (на 3,8 против 2,5 % по РСФСР), а по категории медицинских работников – меньше (на 3,2 против 4,4 % по РСФСР)⁷.

В целом численность специалистов среднего звена, занятых в народном хозяйстве финно-угорских республик, несмотря на отрицательные стороны проводимой реформы народного образования и связанное с этим уменьшение количества средних специальных учебных заведений и числа обучающихся в них к концу 1950-х гг., увеличивалась на протяжении всего изучаемого времени. При этом большинство категорий специалистов имели тенденцию к уменьшению своего удельного веса в их общем объеме.

⁶ Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР. С. 50–52; Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. С. 37–39; Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. С. 34–36; Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. М., 1962. С. 72–73; Народное хозяйство РСФСР в 1963 году. М., 1965. С. 12–13.

⁷ Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР. С. 275; Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. С. 381; Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. С. 434; Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. С. 407; Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С. 431; Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. С. 375.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархатова С. В. Подготовка и состав специалистов высшей и средней квалификации в Карелии в послевоенные годы (1945–1960): препр. докл. на заседании Учен. совета Ин-та яз., лит. и истории, 29 дек. 1988 г. Петрозаводск: Карел. фил. АН СССР, 1988. 39 с.
2. Безносиков Я. Н. Культурная революция в Коми АССР. М.: Наука, 1968. 294 с.
3. Безносиков Я. Н. Развитие народного образования в Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. 175 с.
4. Гагиева А. К. Кооперативное образование в России во второй половине XX века: (по

- материалам Республики Коми). Саратов: Науч. кн., 2005. 110 с.
5. Золотарев О. В. Народное образование в Республике Коми (1941–2009 годы). Сыктывкар: Коми гос. пед. ин-т, 2009. 133 с.
  6. Зусин А. Э. Социокультурное развитие Мордовии. Вторая половина 1960-х – середина 1980-х гг. Саранск: [Б. и.], 2006. 367 с.
  7. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней / гл. ред. И. Б. Берхин. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1978. 560 с.
  8. История Удмуртии: XX век / гл. ред. К. И. Куликов. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит., 2005. 543 с.
  9. Кильдюшкина И. Г. Республика Мордовия: история, экономика, проблемы (вторая половина 1980-х – середина 1990-х гг.) = The Republic of Mordovia: history, economics, problems (the second half of 1980s – the middle of 1990s): моногр. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2011. 255 с.
  10. Культура Мордовии. XX век: моногр.: в 2 т. / под ред. Г. А. Куршевой. Саранск: НИИГН, 2018. Т. 1. 484 с.
  11. Мацук А. М. Динамика численности учащихся средних специальных учебных заведений в финно-угорских республиках РСФСР во второй половине 1950-х гг. // Историческая демография. 2019. № 2. С. 63–66. DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-63-66.
  12. Мацук А. М. Реформа образования второй половины 1950-х гг. и среднее специальное образование на Европейском Севере РСФСР // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2018. № 1. С. 101–109. URL: <http://www.hcprncr.com/journ4118/41-6.pdf> (дата обращения: 10.11.2022).
  13. Мацук А. М. Реформирование системы среднего специального образования в РСФСР в середине 1950-х годов: причины и последствия // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2019. № 3. С. 29–63. DOI: 10.19110/1998-619X-2019-3-29-63.
  14. Мацук А. М. Среднее специальное образование на Европейском Севере России в 1950–1980-е годы: историография и источники. Сыктывкар: ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2019. 172 с.
  15. Мацук А. М. Среднее специальное педагогическое образование в Коми АССР в середине 1950-х – начале 1960-х годов (к вопросу о результативности реформы образования Н. С. Хрущева в СССР) // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сер.: История и филология. 2021. № 4. С. 79–87. DOI: 10.19110/1994-5655-2021-4-79-87.
  16. Мацук А. М. Средние специальные учебные заведения сферы просвещения и культуры на Европейском Севере России в 1950–1980-е гг. // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 2. С. 196–206. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.196-206.
  17. Мордовия в послевоенный период = Mordovia in the postwar period: моногр.: в 2 т. / под общ. ред. В. А. Юрченкова. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2015. Т. 2. 403 с.
  18. Обухов А. П. Народное образование в Удмуртской АССР: (1917–1970 гг.). Ижевск: Удмуртия, 1972. 231 с.
  19. Обухова Н. И. Государственная политика в области высшего и среднего образования в 1946–1956 гг. (по материалам Удмуртской Республики) // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность: сб. материалов конф. Глазов, 2005. С. 172–173.
  20. Очерки истории Карелии: в 2 т. / под ред. В. Н. Бернадского и др. Петрозаводск: Госиздат Карел. АССР, 1964. Т. 2. 620 с.
  21. Очерки по истории Коми АССР / под ред. К. В. Сивкова и др. В 2 т. Т. 2: 1917–1961. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1962. 547 с.
  22. Пономарев К. А. Советская Конституция и народное образование в Удмуртии / науч. ред. Э. Э. Шкляр. Ижевск: Удмуртия, 1978. 55 с.
  23. Рыбалка В. И. Марийская деревня (1946–1965 гг.): Материал. положение колхоз. крестьянства и культур.-просвет. работа: моногр. Йошкар-Ола, 2002. 260 с.

Поступила 05.12.2022; одобрена 21.12.2022; принята 26.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. М. Мацук – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, almmatsuk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9072-3904>

Mid-level specialists in the Finno-Ugric Republics of the RSFSR in the second half of the 1950s – early 1960s

Alexander M. Matsuk

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia*

Introduction. The majority of mid-level specialists for various sectors of the national economy of the Finno-Ugric Republics of the RSFSR were trained by local specialized vocational institutions. The article studies of the dynamics of the number of mid-level specialists in the sectors of the national economy of the Finno-Ugric Republics in the second half of the 1950s – early 1960s, as well as the share of these specialists in the national economy of these territories.

Materials and Methods. The study is based on statistical materials containing the data on the number of middle-level specialists in various sectors of the national economy in the relevant area. The study was carried out on the basis of comparative, historical, systematic and statistical approaches, which made it possible to trace the dynamics of changes in the number of middle-level specialists and highlight the changes in the share of specialists of certain categories in their total numbers.

Results and Discussion. Based on the data contained in the statistical materials, it was possible to trace the dynamics of the number of mid-level specialists employed in various sectors of the national economy of the Finno-Ugric Republics of the RSFSR. There were changes in the share of certain categories of specialists in relation to their total numbers. In addition, a comparison was made of the dynamics of changes in the share of certain categories of these specialists in the Finno-Ugric Republics with similar dynamics in the RSFSR as a whole for the period under study.

Conclusion. During the period under study, several trends were noted in the dynamics of changes in the number of mid-level specialists employed in the national economy of the Finno-Ugric Republics, and the share of their individual categories. In the second half of the 1950s, the general increase in the number of the personnel was noted, in the early 1960s, the intensity of their growth stopped. In general, over the entire period, the total number of these specialists increased by an average of 2 times, the largest increase was observed in the category of technicians. An increase in the number of specialists classified as technicians caused a noticeable decrease in the share of other categories, which was especially noticeable in the second half of the 1950s.

Keywords: vocational education, Finno-Ugric Republics of the RSFSR, personnel, national economy, second half of the 1950s – early 1960s

Acknowledgments: The article was prepared as part of the implementation of the research of the Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”.

For citation: Matsuk AM. Mid-level specialists in the Finno-Ugric Republics of the RSFSR in the second half of the 1950s – early 1960s. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;1:53–64. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.53-64.

REFERENCES

1. Barkhatova SV. Training and staff of specialists of higher and secondary qualifications in Karelia in the post-war years (1945–1960). Preprint of the report at the meeting of the Academic Council of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Branch of the USSR Academy of Sciences. Petrozavodsk; 1988. (In Russ.)
2. Beznosikov IaN. Cultural revolution in the Komi ASSR. Moscow; 1968. (In Russ.)
3. Beznosikov IaN. Development of public education in the Komi ASSR. Syktyvkar; 1973. (In Russ.)
4. Gagieva AK. Cooperative education in Russia in the second half of the XX century: (based on the materials of the Komi Republic). Saratov; 2005. (In Russ.)
5. Zolotarev OV. Public education in the Komi Republic (1941–2009). Syktyvkar; 2009. (In Russ.)
6. Zusin AE. Sociocultural development of Mordovia. The second half of the 1960s – the middle of the 1980s. Saransk; 2006. (In Russ.)
7. Berkhin IB, ed. History of the Komi ASSR from ancient times to the present day. Syktyvkar; 1978. (In Russ.)

8. Kulikov KI, ed. History of Udmurtia: XX century. Izhevsk; 2005. (In Russ.)
9. Kildiushkina IG. The Republic of Mordovia: history, economics, problems (the second half of 1980s – the middle of 1990s). Monograph. Saransk; 2011. (In Russ.)
10. Kursheva GA, ed. Culture of Mordovia. XX century. Monograph. Saransk; 2018;1. (In Russ.)
11. Matsuk AM. The dynamics of the number of students in secondary specialized institutions in the Finno-Ugric republics of the RSFSR in the second half of the 1950s. *Istoricheskaiia demografiia* = Historical demographics. 2019;2:63–66. (In Russ.). DOI:10.19110/2304-5922-2019-2-63-66.
12. Matsuk AM. Education reform of the second half of the 1950s and secondary specialized education in the European North of the RSFSR. *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territorii* = Historical and cultural problems of northern countries and regions. 2018;1:101–109. URL: <http://www.hcpncr.com/journ4118/41-6.pdf> (accessed 10.11.2022). (In Russ.)
13. Matsuk AM. Reforming the secondary specialized education system in the RSFSR in the mid-1950s: causes and consequences. *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territorii* = Historical and cultural problems of northern countries and regions. 2019;3:29–63. (In Russ.). DOI: 10.19110/1998-619X-2019-3-29-63.
14. Matsuk AM. Secondary specialized education in the European North of Russia in the 1950s–1980s: historiography and sources. Syktyvkar; 2019. (In Russ.)
15. Matsuk AM. Secondary special pedagogical education in the Komi ASSR in the mid-1950s – early 1960s (on the problem of the effectiveness of N. S. Khrushchev's education reform in the USSR). *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. Ser.: Istorii i filologiiia* = Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series: History and Philology. 2021;4:79–87. (In Russ.). DOI: 10.19110/1994- 5655-2021-4-79-87.
16. Matsuk AM. Vocational education institutions of the sphere of education and culture in the European North of Russia in the 1950s – 1980s. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;2:196–206. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076- 2577.014.2022.02.196-206.
17. Yurchenkov VA, ed. Mordovia in the postwar period. Monograph. Saransk; 2015;2. (In Russ.; In Engl.)
18. Obukhov AP. Public education in the Udmurt ASSR: (1917–1970). Izhevsk; 1972. (In Russ.)
19. Obukhova NI. State policy in the field of higher and secondary education in 1946–1956 (based on materials from the Udmurt Republic). *Material'naia i dukhovnaia kul'tura narodov Urala i Povolzh'ia: istoriia i sovremennost': sb. materialov konf.* = Material and spiritual culture of the peoples of the Urals and the Volga region: history and modernity. Collection of conference materials. Glazov; 2005:172–173. (In Russ.)
20. Bernadskii VN at al., eds. Essays on the history of Karelia. Petrozavodsk; 1964;2. (In Russ.)
21. Sivkov KV at al., eds. Essays on the history of the Komi ASSR. Syktyvkar; 1962;2. (In Russ.)
22. Ponomarev KA. Soviet Constitution and public education in Udmurtia. Izhevsk; 1978. (In Russ.)
23. Rybalka VI. Mari village (1946–1965): The financial situation of the collective farm peasantry and cultural and educational work. Monograph. Yoshkar-Ola; 2002. (In Russ.)

Submitted 05.12.2022; reviewing 21.12.2022; accepted 26.12.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. M. Matsuk – Candidate Sc. {History}, Lead Research Fellow, Head of Laboratory of Archaeography and Publication of the Documents on the History of the Development of the European North of Russia, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, almmatsuk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9072-3904>

Трансформация состава “кӧч гӧсьнеч” / “кӧч гӧстинеч” коми (зырян) в XX–XXI вв.

Татьяна Ивановна Чудова

*Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия*

Введение. В статье рассматривается понятие “кӧч гӧсьнеч” / “кӧч гӧстинеч” «гостинец от зайца» коми (зырян). Цель работы – проследить трансформацию его состава и определить символику подарка из леса.

Материалы и методы. В основу источниковедческой базы легли полевые материалы автора. Для реконструкции символического содержания подарка из леса используются литературные источники и фольклорные тексты. Сравнительно-исторический метод позволяет выявить изменения в составе «гостинца от зайца».

Результаты исследования и их обсуждение. Практика возвращения домой остатков «дорожной» еды воспринималась детьми как передача гостинца от лесных зверей (зайца, белки, лисы), где пальму первенства удерживал заяц, что и закрепилось в названии “кӧч гӧсьнеч” / “кӧч гӧстинеч” «гостинец от зайца». Первоначально в состав угощения входил только хлеб, что нашло отражение в одном из названий гостинца – “кӧч нянь” «хлеб от зайца». В 1950–1960-х гг. он мог быть посыпан солью или сахарным песком. Хлеб и соль в народной культуре выступали как оберег, а дефицит сахара в те годы позволял рассматривать его как лакомство. В состав подарка из леса дополнительно входили ягоды, смола для жевания и кедровые орехи, что подчеркивало локацию посланца угощения. Улучшение продовольственного обеспечения сельского населения сказалось на содержимом гостинца, куда стали входить сладости. Такая практика сохраняется до наших дней.

Заключение. Состав «гостинца от зайца» менялся в соответствии с изменениями в продуктовом наборе. Побывавшей за пределами освоенного человеком пространства еде приписывались магические свойства, способные наделять детей здоровьем и счастьем.

Ключевые слова: коми (зыряне), «дорожная» еда, “кӧч гӧсьнеч”, «гостинец от зайца»

Для цитирования: Чудова Т. И. Трансформация состава “кӧч гӧсьнеч” / “кӧч гӧстинеч” коми (зырян) в XX–XXI вв. // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 1. С. 65–72. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.65-72.

Введение

У коми (зырян) сложилась специфическая форма хозяйства, где сельское хозяйство сочеталось с промысловой деятельностью. Работа за пределами дома предполагала наличие «дорожной» еды для перекуса, остатки которой приносили обратно домой и раздавали детям. Такая еда в разных диалектах коми языка называлась “кӧч гӧсьнеч” или “кӧч гӧстинеч” «гостинец от зайца», реже “кӧч нянь” «хлеб от зайца»¹. Хронологические рамки исследования определены XX–XXI вв. Отрывочные сведения о такой практике в более ранний период не позволяют расширить нижнюю границу. Исследовательская оптика

направлена на рассмотрение трансформации состава «гостинца от зайца» и определение его символики. Для реконструкции символического содержания использованы литературные источники и фольклорные тексты.

Обзор литературы

Тема «гостинца от зайца» у коми (зырян) не нашла отражения в научной литературе. В сравнительных словарях коми диалектов понятие “кӧч гӧсьнеч” / “кӧч гӧстинеч” / “кӧч нянь” определяется как «лесной гостинец, остаток хлеба, принесенный обратно домой детям»². Такая же трактовка представ-

¹ См.: Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Словарь диалектов коми языка / под ред. Л. М. Безносиковой. Сыктывкар, 2012. Т. 1. С. 743; Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. С. 173; Жилина Т. И. Верхнесельский диалект коми языка. М., 1975. С. 190; Ее же. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар, 1998. С. 271.

² См.: Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Указ. соч. Т. 1. С. 743; Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. Указ. соч. С. 173.

лена в диалектной лексике верхнесыольских³ и вымских⁴ коми. Краткое описание «гостинца от зайчика», характерное для Русского Севера, включено в контекст статьи Г. И. Кабаковой о «дорожной» еде [5]. Литературными источниками для определения символического значения «гостинца от зайца» послужили работы И. В. Ильиной [3], А. С. Сидорова [8; 9], П. А. Сорокина [10], О. И. Уляшева [11]. Дополнительно были привлечены фольклорные тексты⁵.

Материалы и методы

Основу источниковой базы исследования составили полевые материалы автора. Интервьюерами выступали люди разных возрастов, социального положения, родившиеся как в городе, так и в сельской местности. В данном контексте необходимо отметить, что для коми населения характерен билингвизм, поэтому в интервью на русском языке понятие “*кӧч гӧсьнеч*” / “*кӧч гӧсьтинеч*” звучит как «гостинец от зайца». Основной метод исследования – сравнительно-исторический – позволил увязать динамику состава подарка из леса с изменением продуктового набора коми (зырян). Анализ литературных источников и фольклорных текстов предоставил возможность реконструировать знаковое содержание гостинца.

Результаты исследования и их обсуждение

Трудовая деятельность за пределами дома (рыбный или охотничий промысел, заготовка леса, сенокос, сбор даров леса) предопределила особую форму организации питания с использованием «дорожной» еды, которая представляла собой домашнюю еду, специально собранную для перекуса вне пределов дома. Еда «на вынос» мало чем отличалась от домашней, она была готова к употреблению, но должна была выдержать

транспортировку [5, 158]. Остатки такой еды нередко приносили детям, объясняя им, что это подарок от зайчика, белочки или лисички. Чаще всего в качестве посланца гостинца выступал заяц, что нашло отражение в названии “*кӧч гӧсьнеч*” / “*кӧч гӧсьтинеч*” «гостинец от зайца».

Г. И. Кабакова отмечает, что еда «возвращалась» в дом сознательно и предназначалась детям [5, 164]. Они с нетерпением ждали возвращения родителей с работы за пределами населенного пункта в надежде получить подарок от лесного зверя. Первоначально в состав угощения входил только хлеб, о чем свидетельствует одно из названий гостинца “*кӧч нянь*” (‘хлеб от зайца’, ‘хлеб, принесенный обратно домой детям’⁶). Общее название хлеба у коми (зырян) – *нянь/нень*, *нянь тупӧсь*, *нянь кӧрыш*, *чӧлпан*, где слово *нянь/нень* обозначает ‘хлеб’, а слова *тупӧсь*, *кӧрыш* и *чӧлпан* – ‘каравай’, ‘коврига’, отличающиеся размером. Районные номинации хлеба из ячменной муки следующие: *ид нянь* (верхняя Вычегда, Сысола), *иг нянь* (Вымь, нижняя Вычегда), *житьбӧй* (Удора), *ярушник* (Удора, нижняя Вычегда), *тяпыш* (Ижма). Ржаной хлеб повсеместно именовался *рудзег нянь*, на средней Вычегде – *сю нянь*, на Летке – *сюа нянь* [12, 19–20]. Включение хлеба в состав угощения из леса не было случайным: у пермских народов он считался мощным средством от нечистой силы и болезней [11, 324–325].

Практику приноса гостинца из леса информанты описывают так: «...в войну дедушка, возвращаясь из леса, всегда приносил кусок хлеба или сухарь. Тогда хлеба не было, мы ждали этот подарок»⁷; «...из леса приносили хлеб, сухарь, а часто просто смолу (сир)»⁸. Подчеркнем, что в голодные военные годы не всегда была возможность принести домой хлеб или сухарь, и, чтобы порадовать ребенка, в «гостинец от

³ См.: Жилина Т. И. Верхнесыольский диалект коми языка. С. 190.

⁴ См.: Жилина Т. И. Вымский диалект коми языка. С. 271.

⁵ См.: Му пуксьбӧм. Сотворение мира / авт.-сост. П. Ф. Лимеров. Сыктывкар, 2005.

⁶ См.: Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Указ. соч. Т. 1. С. 743; Жилина Т. И. Верхнесыольский диалект коми языка. С. 173.

⁷ Полевые материалы автора (далее – ПМА): Габова Лидия Модестовна, 1937 г. р., Пажга, д. Разгорт, Сыктывдинский р-н, Коми АССР. Запись 2022 г., Зеленец, Сыктывдинский р-н, РК.

⁸ ПМА: Микущева Глафира Ивановна, 1935 г. р., д. Троицк, Корткеросский р-н, Коми АССР. Запись 2022 г., Сюзяиб, Корткеросский р-н, РК.

зайца» вместо хлеба включали еловую или лиственничную смолу для жевания.

Как сообщали респонденты 1940–1950-х гг. рождения, дождавшись прихода родителей с полевой работы, они спрашивали, прислал ли им зайчик что-то в подарок: “*Кӧч мӧдодыс госьтинеч-тӧ?*”⁹. «Возвращаясь с работы из леса, родители приносили кусок хлеба или сухарь, который доставали из нагрудного кармана, так как там хлеб не так сильно промерз»¹⁰. Одна из информантов рассказала, что «отец, возвращаясь с лесозаготовок зимой, доставал кусок хлеба, посыпанный сверху сахарным песком, и говорил, что это подарок от зайчика. Хлеб был полностью промерзшим, но казался очень вкусным. Реже такой кусок хлеба был намазан сливочным маслом, а сверху тоже посыпан сахарным песком»¹¹. Другие уточняли, что вместо сливочного масла хлеб был намазан маргарином, поскольку масло использовали только при приготовлении праздничной выпечки¹². Часто в составе «гостинца от зайца» упоминался только кусок хлеба или сухарь¹³. В отдельных интервью сообщалось, что приносили из леса то, что осталось недоеденным, без указания состава такого гостинца¹⁴.

Можно предположить, что скудный рацион домашнего питания в тот период не позволял вносить разнообразие в состав «дорожной» еды, основу перекуса составлял только хлеб. Поскольку сахар был редкостью на столе сельских жителей, хлеб с сахарным песком воспринимался детьми именно как угощение, сладкий подарок. По

рассказу одного из интервьюируемых, при разборке старого амбара в деревне нашли «тайник», где его дед прятал сахар, который был приобретен примерно в середине 1950-х гг. По какой-то причине о содержании тайника было забыто, и сахар пролежал там почти 60 лет¹⁵. Примечательно, что практика приноса подарка из леса в виде сахара сохранялась до 1970-х гг., при этом сахар был кусковой, пиленный тогда в сельских магазинах не продавался¹⁶.

Иногда хлеб был сверху посыпан солью. В этом контексте нужно обратить внимание на практику приготовления *сола пирӧг* («пирог с солью»): перед выпечкой сочень посыпали солью и заворачивали в виде пирога. Такие пироги готовили в дорогу, поскольку соль не давала пирогу промерзнуть в морозы¹⁷. Хлеб и соль – два важных атрибута ежедневного застолья – нашли отражение в устойчивой речевой формуле “*нянь да сов*” «хлеб да соль» как пожелание счастья и безбедного существования [11, 89]. Эта словесная формула одновременно выступала и пожеланием приятного аппетита, и приглашением к застолью, о чем свидетельствует присказка: “*Нянь да сов, пукси да сӕй*” «Хлеб да соль, садись и ешь».

Особого внимания требует магическое значение хлеба и соли как оберега в культуре коми (зырян). Так, высокий сакральный статус хлеба поддерживается его символической соотнесенностью с «телом Христа»¹⁸, а соль широко применяется в качестве оберега от нечистой силы¹⁹. Считалось, что для успеха в охоте нужно, чтобы

⁹ ПМА: Турьева Галина Петровна, 1957 г. р., Гам, д. Погост Усть-Вымский р-н, Коми АССР. Запись 2022 г., г. Сыктывкар.

¹⁰ ПМА: Коснырева Галина Николаевна, 1947 г. р., Слудка, Прилузский р-н, Коми АССР. Запись 2022 г., г. Сыктывкар.

¹¹ ПМА: Турьева Галина Петровна, 1957 г. р., Гам, д. Погост, Усть-Вымский р-н Коми АССР. Запись 2022 г., г. Сыктывкар.

¹² ПМА: Габов Александр Дмитриевич, 1953 г. р., д. Ерос, Княжпогостский р-н, Коми АССР. Запись 2022 г., г. Сыктывкар.

¹³ ПМА: Окулова Галина Александровна, 1959 г. р., д. Сюзяиб, Корткеросский р-н, Коми АССР. Запись 2022 г., г. Сыктывкар.

¹⁴ ПМА: Лодыгина Галина Васильевна, 1953 г. р., Усть-Кулом, Усть-Куломский р-н, Коми АССР. Запись 2020 г., г. Сыктывкар.

¹⁵ ПМА: Попов Владимир Васильевич, 1952 г. р., г. Сыктывкар. Запись 2018 г., г. Сыктывкар.

¹⁶ ПМА: Расов Дмитрий Дмитриевич, 1969 г. р., Палевицы, Сыктывдинский р-н, Коми АССР. Запись 2022 г., г. Сыктывкар.

¹⁷ См.: Чудова Т. И. Кухня коми (зырян): этногр. словарь. Сыктывкар, 2008. С. 89.

¹⁸ Му пуксьӧм. С. 260.

¹⁹ Уляшев О. И. Сов // Мифология коми (сер. «Энциклопедия уральских мифологий»; т. 1) / науч. ред. В. В. Напольских. М.; Сыктывкар, 1999. С. 345.

каждую ночь в доме на столе оставались хлеб и соль²⁰. Находясь в лесных избушках, охотники ежедневно жертвовали кусочек хлеба очагу для удачи [9, 46], при этом верили, что хлеб, брошенный в печь, спасет от нечистой силы в лесу²¹, а ружье, заряженное хлебным мякишем, не подвержено колдовству [8, 223]. Магия хлеба применялась и в практике снятия порчи с животных (собака, корова, лошадь) [10, 26]. Хлеб и соль, взятые в дорогу, символизировали связь с домом, сулили удачу. Такие параллели прослеживаются и в русской традиции, где хлеб символизировал связь со своими, а соль выступала оберегом против чужих [13, 110–111].

Поскольку работа вне дома осуществлялась в лесу, возле речки, а эти локусы выступали пограничем между миром живых и миром мертвых, что хорошо просматривается в топографии средневековых могильников непосредственных предков коми (зырян) [7, 81–89], можно сделать предположение: еда как бы побывала в ином мире, где, по мифологическим представлениям коми, находятся здоровье, богатство и благополучие. В данном контексте отметим, что в лечебной практике наиболее целебными, магическими свойствами обладала вода, набранная вдали от дома [3, 189]. Подчеркнем, что самый обычный продукт питания, побывавший за пределами освоенного человеком пространства, приобретал иную смысловую нагрузку, становясь магическим, способным наделить едока здоровьем и благополучием. Такая еда предназначалась именно детям, которые воспринимали ее как подарок от лесного жителя.

Практика приноса хлеба в качестве подарка из леса имеет широкие географические рамки. Так, на Русском Севере в состав гостинца включали хлеб как угощение, присланное зайцем, лисой, волком, белкой или другими зверушками [5, 165]. При этом, как и в зырянской традиции, заяц занимал первое место среди перечис-

ленных дарителей. Традиция приносить «подарок от зайчика» была характерна, например, для вепсов [1, 144].

Со второй половины 1950-х гг. финансовое положение сельского населения стало постепенно улучшаться. В 1958 г. по сравнению с 1952 г. средний размер выплат за трудодни увеличился в 7,6 раза [4, 485]. Кроме того, пенсионная реформа 1956 г. дала сельчанам право на пособие по старости в размере 10 трудодней и денежные выплаты по 50 руб. в месяц за счет средств колхозов (что было в 6 раз меньше минимальной пенсии рабочих и служащих). Денежные пособия стали получать многодетные матери, а также семьи по потере кормильца [6, 104]. Все это способствовало росту покупательной способности сельских жителей, которые теперь могли приобретать сладости: сахар, карамель «подушечки», пряники, сушки и др. Открытая в 1959 г. Сыктывкарская кондитерская фабрика поставляла в торговую сеть вафли с фруктово-ягодной начинкой²². При этом в 1960-е гг. структура товарооборота в торговле, обслуживающей сельское население, начала сближаться со структурой городского товарооборота [2, 192].

Улучшение экономического положения сельчан позволило включать в состав еды «на вынос» пироги и колобки. Такая практика связана с тем, что эти хлебобулочные изделия не имели скоропортящейся начинки, а потому хорошо выдерживали транспортировку. Пироги на ржаной корочке были с начинкой из муки (*нызя пирӧг*) или крупы (*шыдоса пирӧг* или *сюра пирог*) [12, 24–25, 28]. Конфеты, печенье, пряники или вафли в те годы встречались в «гостинце от зайца», но на столе сельских жителей они все же были редкостью²³. Сладости воспринимались сельскими детьми именно как подарок, а родители радовали детей таким угощением.

В 1970–1980-х гг. в состав еды «на вынос» в городской среде стали включать сало, вареную колбасу (копченая редко

²⁰ Му пуксьӧм. С. 340.

²¹ Там же. С. 390.

²² См.: Странная страна: Усть-Сысольск – Сыктывкар и его обитатели на страницах газеты «Красное знамя». 1955–1962 гг. / сост. Б. Р. Колегов. Сыктывкар, 2019. Ч. 3. С. 148.

²³ ПМА: Карманова Анна Борисовна, 1955 г. р., Усть-Кулом, Усть-Куломский р-н, Коми АССР. Запись 2022 г., г. Сыктывкар.

продавалась в магазинах), плавленый сыр, колбасный сыр (сыры твердых сортов нечасто поступали в розничную торговлю). Как следствие, в составе «гостинца от зайца» появились бутерброды с этими продуктами. Однако, судя по воспоминаниям детей того периода, угощения не вызывали у них особого восторга, в отличие от детей 1950-х гг. рождения. В сельской местности в состав еды «на вынос» входили хлеб, молоко, кусковой сахар, кусочки вяленого мяса²⁴, иногда яйца²⁵. О. И. Попова рассказала, как в начале 1980-х гг. «родители стали разрабатывать дачный участок, беря с собой бутерброды и чай в термосе. Оставшуюся еду приносили обратно домой. Выкладывая еду на стол, отец всегда говорил: “*Таэ көч госьнеч*” («Это гостинец от зайца»), хотя мы, его дети, были уже взрослые и серьезно не воспринимали эту фразу»²⁶. Приведенный пример позволяет говорить о длительной сохранности данной традиции.

В 1990-х гг., несмотря на экономический кризис в стране, в состав «гостинца от зайца» кроме хлеба включали конфеты, печенье, пряники, вафли и т. д.²⁷ А. В. Истомина вспоминала, как «папа приносил обычно хлеб либо вкусности в виде конфет, пряников, печенья или вафель. В это (в «подарок от зайца». – Т. Ч.) верила в детстве. При этом помню, что оно [угощение] было самым вкусным»²⁸.

Интересна трансформация «гостинца от зайца» в 2000-х гг.: родители стали называть так сладкие подарки от бабушек²⁹. Любопытной выглядит городская

практика приносить домой остатки взятого в общественную баню чая в термосе, определяя его как «гостинец от зайца»³⁰. Подчеркнем, что традиция передавать подарки от лесного зверька существует и в наши дни. В продолжение своего рассказа А. В. Истомина заметила: «...у меня папа этим летом Настю (двухлетнюю внучку. – Т. Ч.) тоже угощал печеньем, точно так же сказал, что зайчик ей передал. Съела с удовольствием, хотя до этого не любила печенье»³¹. Приведенные данные свидетельствуют о том, что традиция приносить оставшуюся еду в виде «гостинца от зайца» для детей не утратила своего значения, при этом хлеб был заменен сладостями. Современная практика радовать детей «подарком от зайца» в виде шоколадных батончиков и чипсов отмечена, например, на Русском Севере [5, 165].

Кроме хлеба, составлявшего основу «гостинца от зайца», в него включали также «природные» компоненты: ягоды («приносили красную смородину»³², «иногда приносили горсть ягод (черника, морошка или красная смородина)»³³, «приносили из леса в подарок ягоды»³⁴), еловую смолу³⁵, кедровые орехи и лиственничную смолу. Из смол последней отдавали предпочтение, так как еловая была с горчинкой³⁶. В данном контексте нужно указать, что разница в возрасте информантов составляет около 70 лет, поэтому можно смело говорить об устойчивости этой практики. Дары леса можно рассматривать как ответный подарок. Известно, что, заходя в лес, охотник обязательно приносил по-

²⁴ ПМА: Расов Дмитрий Дмитриевич, 1969 г. р., Палевицы, Сыктывдинский р-н, Коми АССР. Запись 2022 г., г. Сыктывкар.

²⁵ ПМА: Карманова Анна Борисовна, 1955 г. р., Усть-Кулом, Усть-Куломский р-н, Коми АССР. Запись 2022 г., г. Сыктывкар.

²⁶ ПМА: Попова Ольга Ивановна, 1952 г. р., г. Сыктывкар, Коми АССР. Запись 2022 г., г. Сыктывкар.

²⁷ ПМА: Белицкая А. Л., 1987 г. р., п. Тракт, Княжпогостский р-н, Коми АССР. Запись 2022 г., г. Сыктывкар.

²⁸ ПМА: Истомина А. В., 1990 г. р., Важгорт, Удорский р-н, Коми АССР. Запись 2022 г., г. Сыктывкар.

²⁹ ПМА: Щебенев Г. А., 2003 г. р., г. Сыктывкар. Запись 2022 г., г. Сыктывкар.

³⁰ ПМА: Булгаков Г. И., 2003 г. р., г. Сыктывкар. Запись 2022 г., г. Сыктывкар.

³¹ ПМА: Истомина А. В., 1990 г. р., Важгорт, Удорский р-н, Коми АССР. Запись 2022 г., г. Сыктывкар.

³² ПМА: Белицкая Т. Е., 1959 г. р., Петрунь, Ижемский р-н, Коми АССР. Запись 2022 г., г. Сыктывкар.

³³ ПМА: Истомина А. В., 1990 г. р., Важгорт, Удорский р-н, Коми АССР. Запись 2022 г., г. Сыктывкар.

³⁴ ПМА: Гуреева У. А., 2003 г. р., Визинга, Сысольский р-н, РК. Запись 2022 г., г. Сыктывкар.

³⁵ ПМА: Микушева Глафира Ивановна, 1935 г. р., д. Троицк, Корткеросский р-н, Коми АССР. Запись 2022 г., с. Сюзяиб, Корткеросский р-н, РК.

³⁶ ПМА: Шулепова Мария Петровна, 1966 г. р., Кожимвом, Инстинский р-н, Коми АССР. Запись 2022 г., г. Сыктывкар.

дарок лешему. В качестве дара выступала первая добыча, оставляемая на пне³⁷, или горсть ягод при их сборе. Правила поведения требовали бережного обращения с лесом, а такой взаимообмен подарками способствовал установлению благоприятных взаимоотношений между миром леса и миром деревни. Неслучайно приносимый из леса подарок номинировался как «гостинец от зайца/белочки/лисички», т. е. именно от лесных обитателей. Еловая или лиственничная смола в народной культуре использовалась в качестве сильного магического средства, а в народной медицине – профилактического средства от зубной боли³⁸. Включение кедровых орехов в состав «гостинца от зайца» представляет собой локальную традицию местности, где произрастала кедровая сосна.

Анализ полевых материалов свидетельствует, что состав “кӧч гӧсьнеч” / “кӧч гӧстинеч” / “кӧч нянь” менялся в соответствии с изменениями в продуктивном наборе коми (зырян). Если первоначально подарок из леса включал хлеб, то позднее в его состав стали входить сладости (конфеты, печенье, пряники, вафли). Побывавшая вне пределов освоенного человеком пространства еда приобретала магическую силу, была способна наделить ребенка здоровьем и счастьем, а родители с удовольствием радовали детей таким угощением. Кроме того, в состав «гостинца от зайца» включали ягоды, смолу для жевания, а в некоторых районах – кедровые орехи, тем самым подчеркивая локацию дарителя.

³⁷ Му пуксьӧм. С. 324.

³⁸ Уляшев О. И. Сир II // Мифология коми. С. 342.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов: (опыт реконструкции). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 447 с.
2. Голованов Н. В., Мацук М. А. Пути развития торговли в Коми в XX веке. Сыктывкар, 1999. 317 с.
3. Ильина И. В. Традиционная медицинская культура народа Европейского Северо-Востока (конец XIX – XX вв.) / отв. ред. З. П. Соколова. Сыктывкар: [Б. и.], 2008. 229 с.
4. История Коми с древнейших времен до современности: в 2 т. / под общ. ред. И. Л. Жеребцова, А. А. Попова, А. Ф. Сметанина. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 2. 703 с.
5. Кабакова Г. И. «Дорожная» еда в терминологии и представлениях конца XIX – начала XX века // Сборник Матице српске за славистику. 2021. Vol. 2021, no. 100. P. 157–168. DOI: 10.18485/ms_zmss.2021.100.11.
6. Милохин Д. В., Сметанин А. Ф. Коми колхозная деревня в послевоенные годы. 1946–1958: социал.-экон. аспекты развития. М.: Наука, 2005. 292 с.
7. Савельева Э. А., Истомина Т. В. Идеологические представления древних коми по данным погребального обряда // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов): межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1986. С. 80–92.
8. Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча: Материалы по психологии колдовства. СПб.: Алетейя, 1997. 277 с.
9. Сидоров А. С. Следы тотемистических представлений в мировоззрении зырян // Коми му. 1924. № 1–2. С. 43–50.
10. Сорокин П. А. Пережитки анимизма у зырян // Этнографические этюды: сб. этногр. ст. П. А. Сорокина. Сыктывкар, 1999. С. 24–51.
11. Уляшев О. И. Хроматизм в фольклоре и мифологических представлениях пермских и обскоугорских народов. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 421 с.
12. Чудова Т. И. Культура питания коми (зырян): моногр. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2009. 206 с.
13. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 527 с.

Поступила 27.11.2022; одобрена 20.12.2022; принята 26.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Т. И. Чудова – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Института истории и права Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, chudovx@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8142-9949>

Transformation of the composition “köch gösnech” / “köch göstinech” of Komi (Zyryan) in the XX–XXI centuries

Tatiana I. Chudova

*Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar, Russia*

Introduction. The article deals with the concept of “köch gösnech / “köch göstinech” (“a gift from a hare”) of Komi (Zyryan). The purpose of the research is to trace the dynamics of the composition of the concept and determine the symbolism of a gift from the forest.

Materials and Methods. The article is based on the ethnographic materials collected by the author. Literary sources and folklore texts are used to reconstruct the symbolic content of the gift from the forest. The comparative-historical method makes it possible to identify changes in the composition of the “gift from a hare”.

Results and Discussion. The practice of returning home the remains of “road food” was perceived by children as gifts from forest animals (a hare, a squirrel, a fox), where the hare held the palm, which was fixed in the concept “köch gösnech” / “köch göstinech” (“a gift from a hare”). Initially, the composition of the treat included some bread, which was reflected in one of its names – “köch nyan” (“bread from a hare”). In the 1950s–1960s it was sprinkled with salt or sugar. In folk culture bread and salt acted as a talisman, and the shortage of sugar in those years made it possible to consider it as a delicacy. The composition of the gift from the forest additionally included berries, gum for chewing and pine nuts, which emphasized the location of the messenger of the treat. The improvement in the food supply of the rural population affected the contents of the treat, which began to include sweets. This practice continues to this day.

Conclusion. The composition of the “gift from a hare” changed in accordance with the changes in the food. Magical properties were attributed to food that had been outside the living space mastered by a human, capable of endowing children with health and happiness.

Keywords: Komi (Zyryans), “road food”, “köch gösnech”, “a gift from a hare”

For citation: Chudova TI. Transformation of the composition “köch gösnech” / “köch göstinech” of Komi (Zyryan) in the XX–XXI centuries. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15:1:65–72. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.65-72.

REFERENCES

1. Vinokurova Iu. Animals in the traditional worldview of the Veps: (reconstruction experience). Petrozavodsk; 2006. (In Russ.)
2. Golovanov NV, Matsuk MA. Ways of development of trade in Komi in the XX century. Syktyvkar; 1999. (In Russ.)
3. Il'ina IV. Traditional medical culture of the people of the European North-East (the end of the XIX – XX centuries). Syktyvkar; 2008. (In Russ.)
4. Zherebtsov IL, Popov AA, Smetanin AF, eds. The history of Komi from ancient times to the present. 2nd ed., corrected and enlarged. Syktyvkar; 2011;2. (In Russ.)
5. Kabakova GI. “Road” food in the terminology and ideas of the late XIX – early XX century. *Зборник Матице српске за славистику*. 2021;2021;100:157–168. (In Russ.). DOI: 10.18485/ms_zmss.2021.100.11.
6. Milokhin DV, Smetanin AF. Komi collective farm village in the post-war years. 1946–1958: socio-economic aspects of development. Moscow; 2005. (In Russ.)
7. Savel'eva EA, Istomina TV. Ideological representations of the ancient Komi according to the funeral rite. *Finno-ugry i slaviane (Problemy istoriko-kul'turnykh kontaktov): mezhvuz. sb. nauch. tr.* = Finno-Ugrians and Slavs (Problems of historical and cultural contacts). Interuniversity collection of scientific papers. Syktyvkar; 1986:80–92. (In Russ.)
8. Sidorov AS. Sorcery, witchcraft and corruption: Materials on the psychology of witchcraft. Saint-Petersburg; 1997. (In Russ.)
9. Sidorov AS. Traces of totemistic ideas in the worldview of the Zyryans. *Komi mu* = Komi land. 1924;1–2:43–50. (In Russ.)

10. Sorokin PA. Survivals of animism among the Zyryans. *Etnograficheskie etudy: sb. etnogr. st. P. A. Sorokina* = Ethnographic studies. Collection of ethnographic articles by P. A. Sorokin. Syktyvkar; 1999:24–51. (In Russ.)
11. Uliashev OI. Chromatism in folklore and mythological representations of the Perm and Ob-Ugric peoples. Ekaterinburg; 2011. (In Russ.)
12. Chudova TI. Komi (Zyryan) food culture. Monograph. Syktyvkar; 2009. (In Russ.)
13. Shchepanskaia TB. The culture of the road in the Russian mythological and ritual tradition of the XIX–XX centuries. Moscow; 2003. (In Russ.)

Submitted 27.11.2022; reviewing 20.12.2022; accepted 26.12.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

T. I. Chudova – Doctor of History, Professor, Department of History of Russia and Foreign Countries, Institute of History and Law, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, chudovx@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8142-9949>

Этническая и конфессиональная культура мордовских студентов (по материалам интернет-опроса)

Азат Корбангалиевич Идиатуллов

*Ульяновский государственный педагогический университет
имени И. Н. Ульянова,
Ульяновск, Россия*

Введение. В статье обобщаются результаты исследования этнической и конфессиональной культуры мордовских студентов. Задачами исследования были выявление степени сохранности отдельных компонентов этнической культуры у данных студентов; анализ уровня их религиозности и «воцерковленности»; изучение влияния на их мировоззрение инокультурных систем.

Материалы и методы. Методологической базой исследования стал интернет-опрос. Всего в опросе приняли участие 100 студентов мордовской национальности: 63 чел. из Республики Мордовия (Мордовский государственный педагогический университет) и 37 чел. из Ульяновской области (Ульяновский государственный педагогический университет).

Результаты исследования и их обсуждение. В статье анализируются такие элементы этнической и конфессиональной культуры мордовских студентов, как представления о святых местах и национальных героях, степень владения национальным языком, восприятие национального языка в качестве родного, бытование празднично-обрядовой культуры, религиозность и конфессиональная принадлежность, религиозное поведение и религиозные убеждения и т. д. Выявляется и интерпретируется влияние фактора поликультурного региона на значительный удельный вес лиц, признающих в качестве родного языка не мордовский, на синкретизацию в массовом сознании респондентов праздников разного генезиса: международных, русских национальных, христианских, государственных, мордовских национальных.

Заключение. Анализ материалов интернет-опроса позволяет заключить, что в целом для мордовских студентов характерна положительная установка по отношению к мордовской культуре. Особенно отчетливо интерес респондентов к традиции проявляется при ответах на вопросы, затрагивающие ту часть этнического самосознания, которая имеет в большей степени символическое, нежели практическое или повседневное, значение. Не менее разнообразна религиозная культура мордовских студентов, значительная часть которых хотя и относит себя к православным христианам, в разной степени интегрирована в культуру православия. При этом некоторые опрошенные не лишены оккультного влияния.

Ключевые слова: студенты, мордва, этническая культура, конфессиональная культура, Республика Мордовия, Ульяновская область

Для цитирования: Идиатуллов А. К. Этническая и конфессиональная культура мордовских студентов (по материалам интернет-опроса) // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 1. С. 73–84. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.73-84.

Введение

Исследование этнической и конфессиональной культуры мордовских студентов актуально по многим причинам. Назовем лишь некоторые из них. Во-первых, для мордовского этноса характерны две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, Всероссийская перепись населения 2010 г. показала существенное увеличение удельного веса мордвы в населении Республики Мордовия по сравнению с результатами переписи 2002 г.: с 32 до 40 %, что свидетельствует, в частности, об уси-

лении самосознания мордвы, с которым понятия этнической и конфессиональной культуры связаны достаточно сильно. С другой стороны, у мордвы за пределами Республики Мордовия, наоборот, наметилась тенденция к сокращению численности [1, 298]. Например, в Самарской области удельный вес мордвы снизился с 2,7 до 2,1 %, Пензенской – с 4,9 до 4,1, Оренбургской – с 2,4 до 1,9, в Ульяновской – с 3,6 до 3,2 %. Подобные «парадоксы», разумеется, требуют объяснения и анали-

за, в том числе в контексте вопросов этнической и конфессиональной культуры.

Во-вторых, мордовский народ, в значительной степени интегрировавшийся в русское и – шире – европейское культурное поле, тем не менее сохранил мощный пласт самобытной традиционной культуры, пусть и заметно трансформировавшейся, вплоть до начала XXI в. [9; 13; 15; 17; 18; 20]. В связи с этим исследование степени сохранности этнической и конфессиональной культуры отдельных возрастных и социальных групп мордвы не может не привлечь пристальное внимание всякого небезразличного этнолога.

В-третьих, изучение заявленной проблемы важно в контексте межэтнического взаимодействия в поликультурных регионах, особенно перед лицом потенциальных угроз конфликтов на национальной и конфессиональной почве [29; 30].

В-четвертых, вопрос о степени вовлеченности в религиозную жизнь (для христиан – «воцерковленности») населения России уже на протяжении более тридцати лет остается дискуссионным [13], тем ценнее исследование его на примере отдельно взятого этнического сообщества.

Наконец, изучение этнической и религиозной культуры студентов имеет существенное теоретическое значение, так как в этой социально-демографической группе традиционно пересекаются наиболее острые противоречия эпохи и народа. Студенческое сообщество, находясь на острие борьбы разных факторов за мировоззрение молодежи, испытывает беспрецедентное воздействие национальной, массовой, общероссийской, традиционной и нетрадиционной культуры. Кроме того, в силу возраста и социального статуса данной категории лиц свойственны специфические формы реагирования на культурные образцы поведения [6; 23; 25; 26]. С одной стороны, для нее характерны внимание к вопросам собственной культурной идентичности, интерес «к образу жизни других людей, определение своей позиции в сфере человеческих отношений, стремление заявить о своем мнении по многим актуальным проблемам, развитие рефлексии и чувства социальной ответственности»,

с другой – «повышенная конфликтность, агрессивность, эгоизм, инфантилизм некоторых молодых людей, стереотипизация мышления, навязанная окружающей средой, группомыслие» [16, 5].

Целью настоящего исследования стало изучение этнической и конфессиональной культуры студентов мордовской национальности по материалам интернет-опроса. Его объектом является этническое и религиозное самосознание, предметом – элементы этнической и религиозной культуры мордовских студентов Республики Мордовия и Ульяновской области как составные части их самосознания.

Для реализации цели исследования были сформулированы следующие задачи: выявить степень сохранности отдельных компонентов этнической культуры у мордовских студентов; проанализировать уровень их религиозности [27; 28] и «воцерковленности»; исследовать степень влияния на мировоззрение студентов инокультурных систем.

Обзор литературы

Этническая и конфессиональная культура мордвы, в том числе в контексте современности, изучалась многими исследователями. Только за последние пять лет вышло немало публикаций, посвященных данной и смежной проблематике. К их числу можно отнести статью «Этнодемографическое и этноязыковое развитие финно-угорских народов в Урало-Поволжье», авторы которой, проанализировав большой массив статистических данных, пришли к выводу о значительном удельном весе мордвы, признающей в качестве родного языка язык своей национальности [19]. Интересные наблюдения касательно культуры этноса за пределами национальной республики были сделаны П. С. Шаховым. Исследователь заметил, что ряд календарных праздников, отмечаемых сибирской мордвой, обнаруживает очевидные архаические черты, присущие как автохтонной, так и переселенческой мордве, благодаря чему их можно рассматривать как константные элементы традиционной культуры данного этноса [24]. В целом позитивно смотрит на процесс национального возрождения мордовского

народа В. К. Абрамов. Согласно его точке зрения, увеличение удельного веса мордвы в населении Республики Мордовия в 2010 г. показало, что в мордовском народе еще присутствуют достаточные жизненные силы для национального возрождения и развития [1, 298].

Подобные позитивные наблюдения нередко соседствуют с противоположными данными. Например, в Республике Башкортостан в 2010 г. доля мордвы, считающей мордовский язык родным, составила 56 %, в то время как у удмуртов той же республики соответствующий показатель достиг 89,5, у марийцев – 88,3, у чувашей – 76,5 % и т. д. [10, 37]. К настоящему времени произошло значительное снижение количества мордовского населения в Челябинской области [11, 40]. Социологические исследования, проведенные в Саратовской области в 2020 г., выявили низкую по сравнению с другими народами потребность в приобретении и умножении знаний в области своей истории и национальной культуры у русских, азербайджанцев, курдов и мордвы (60,9 % ее представителей заявили, что не заинтересованы в этих знаниях) [3, 50]. Получается, что представители этих народов, и мордвы в частности, больше заинтересованы в адаптации и ассимиляции, чем в сохранении этнической самобытности.

По мнению В. К. Абрамова, основная причина подобного поведения мордвы за пределами Республики Мордовия заключается в чрезвычайно дисперсном ее расселении, сложившемся еще до XX в. По всей видимости, для процесса возрождения национальной культуры мордвы действительно характерны сложные, во многом нелинейные процессы. Вероятно, сохранность традиций в отдельных регионах, и в первую очередь в Республике Мордовия, не означает отсутствия проблем, связанных с возрождением или сохранением этих традиций в других частях страны, тем более что в XXI в. стремление возродить национальную самобытность не всегда соотносится с «живой стариной» [8, 88]. Национальная культура народов России, в том числе финно-угорских, в ряде случаев только «обыгры-

вается», «представляется», а интерес к «национальному» и «религиозному» может носить игровой, постановочный характер и приобретать новые, доселе невиданные «фольклорообразные» формы [14; 21, 105–107]. Примером подобного «обыгрывания» в контексте финно-угорской культуры является современная интерпретация традиционного удмуртского костюма, но с сохранением его смысловой, во многом традиционной нагрузки [5].

Несколько меньше публикаций посвящено этнической и конфессиональной культуре мордовских студентов. Так, в статье М. В. Антоновой представлены данные социологического опроса студентов Мордовского государственного педагогического университета, проведенного в октябре 2020 г. В частности, было выявлено, что в их среде наибольшим влиянием пользуется Русская православная церковь: 67 % респондентов считают себя православными христианами [2, 10]. Исследование продемонстрировало также достаточно высокую степень религиозности студентов: 77 % опрошенных назвали себя в той или иной степени верующими людьми. При этом к «воцерковленным» можно отнести лишь 12 % респондентов, которые указали, что соблюдают культовые обязанности своей конфессии и регулярно посещают церковь или мечеть – в зависимости от вероисповедания [2, 10]. Однако данный опрос проводился без учета этнической принадлежности, в нем приняли участие не только студенты мордовской национальности, но и русские (большинство), татары и туркмены. Подобная особенность характерна и для социологического опроса, проведенного среди студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета в марте – апреле 2017 г. О. А. Богатовой [4]. Полученные в ходе исследования результаты нельзя интерпретировать применительно к этническому фактору, поскольку они относятся к студентам разных национальностей, обучающимся в вузе.

Таким образом, несмотря на заметный вклад исследователей в изучение этнической и традиционной культуры мордвы в конце второго – начале третьего десяти-

летия XXI в., до сих пор не предпринята попытка рассмотрения сохранности и востребованности традиционной культуры мордовскими студентами, что и является целью данной статьи.

Материалы и методы

В качестве методов в рамках данного исследования выбраны интернет-опрос и анализ ряда этнографических и социологических исследований по традиционной культуре и религиозности как мордовского, так и других финно-угорских народов Урало-Поволжья. Достоверность материалов, полученных с помощью интернет-опроса, обеспечивается тем, что участие в анкетировании возможно с каждого компьютера только один раз. Кроме того, интернет-опрос характеризуется высокой степенью релевантности по сравнению с другими видами опросов, что особенно важно в контексте нашего исследования. Например, в ответах респондентов, как ожидается, будут реже встречаться социально одобряемые варианты, и наоборот, над выбором ответов, не совпадающих с установками традиции, семьи, общества, в этом случае не столь очевидно будут долевые социальные ожидания.

В основу анкеты легли вопросы, разработанные Т. А. Титовой [22] и А. К. Идиатулловым [7]. Логика вопросов в значительной степени выстроена в рамках системного подхода, который помог создать достаточно стройную структуру этнической и конфессиональной культуры мордвы. Элементами данной структуры являются этническая и конфессиональная принадлежность, представления о святых местах и национальных героях, религиозное поведение, религиозные убеждения, степень владения национальным языком, восприятие национального языка в качестве родного, бытование празднично-обрядовой культуры и т. д.

Всего в опросе, проведенном в марте 2021 г., приняли участие 100 мордовских студентов: 63 чел. из Республики Мордовия (Мордовский государственный педа-

гогический университет имени М. Е. Евсевьева) и 37 чел.¹ из Ульяновской области (Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова). Выбор данных регионов в качестве территориальных рамок обусловлен следующими причинами: 1) сходством с точки зрения национального состава: в обоих субъектах наблюдается высокий удельный вес мордвы, русских и татар; 2) непосредственным соседством регионов: не только географическим, но и историческим (восточная часть Мордовии входила в состав Симбирской губернии); 3) близостью в конфессиональном плане: более 60 % населения республики и области, согласно проекту «Арена», исповедуют православие и принадлежат к РПЦ, что в обоих случаях выше среднероссийского показателя, а также показателя некоторых других соседних регионов, например Чувашской Республики, Самарской и Саратовской областей²; 4) поведенческим своеобразием мордвы данных субъектов, которое проявляется в сокращении удельного веса этноса в Ульяновской области, и наоборот, в его увеличении в республике, о чем уже упоминалось выше.

В половом отношении выборка представлена 24 мужчинами и 76 женщинами. Численное преобладание женщин – характерная черта не только демографической структуры России и изучаемых регионов, но и полового состава студенческого сообщества, особенно педагогических вузов. По возрасту выборка распределилась следующим образом: 25 респондентов – от 15 до 18 лет; 73 респондента – от 19 до 25 лет; 2 респондента – от 26 до 30 лет.

Хотя выборку нельзя считать репрезентативной, на наш взгляд, данные, полученные в ходе пилотажного опроса, могут дать некоторое, довольно убедительное представление о современном состоянии этнической и конфессиональной культуры, особенно среди мордовской молодежи. Дело в том, что вопросы анкеты не только учитывали этническую, религиозную и конфессиональную самоидентификацию

¹ Так как количество респондентов составляет 100 чел., на наш взгляд, уместно представлять данные не в процентах, а в численности ответивших на вопросы анкеты.

² Арена. Атлас религий и национальностей. URL: <https://sreda.org/arena/maps> (дата обращения: 19.01.2023).

респондентов, но и были направлены на выявление степени вовлеченности опрашиваемых в мордовскую традиционную, православную и языческую культуру.

Результаты исследования и их обсуждение

В первую очередь отметим, что половина респондентов (50 чел.) имеют среди ближайших родственников представителей других народов и этнических групп. В этом смысле мордовские студенты не просто проживают и обучаются в поликультурных регионах, какими являются Ульяновская область и Республика Мордовия, – они непосредственными, родственными контактами связаны с иной этнической культурой. Среди народов, с представителями которых опрошенные состоят в близких родственных отношениях (супруг, супруга, родители), были названы русские (25 чел.), татары (5), евреи, чувашаи, украинцы, белорусы, азербайджанцы, корейцы, поляки, таджики (по 1 чел.).

Отвечая на вопрос «Какой язык Вы считаете своим родным?», 39 респондентов указали на мордовский язык, 41 – назвали два и более языка (мордовский и языки других народов), 20 – язык другой национальности. В целом подобные показатели вполне ожидаемы: в поликультурном регионе важную роль играет коммуникация представителей разноязычных этносов, нередко состоящих в родственных связях, живущих на общей территории. Поэтому не только знание другого языка, но и восприятие его как родного важно хотя бы с практической точки зрения. Кроме того, признание в качестве родного языка не мордовского, а, по всей видимости, русского, – это во многом характерная для мордвы черта самосознания, что подтверждают данные других исследований. Так, согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., более одной трети представителей российской мордвы признали, что для них родным стал русский язык [19, 155]. Еще более очевидно обозначенная тенденция проявилась в ответах на вопрос о степени владения национальным языком. 7 респондентов выбрали вариант «говорю, немного читаю, пишу», 27 – «пони-

маю, могу общаться на нем, но не читаю и не пишу», 29 – «практически не владею», 34 – «свободно говорю, читаю, пишу». Приведенные данные свидетельствуют о том, что почти треть респондентов практически не владеет мордовским языком.

Следующая пара вопросов была направлена на выяснение символической компоненты этнического самосознания мордовских студентов. На вопрос «Почитаются ли Вашим народом какие-либо места, объекты, памятники как священные?» 27 респондентов сообщили, что почитаются, 55 – не почитаются, остальные затруднились с ответом. В ответах на уточняющий вопрос в качестве таких мест были названы православные объекты (6 чел.), церкви (4), памятники, посвященные Великой Отечественной войне (2), родники (2), Вечный огонь (1), мемориалы, связанные с войной (1 чел.). Таким образом, отчетливо проявились две формы самосознания мордвы: общегражданская, тесно связанная с исторической памятью о Великой Отечественной войне, и религиозная, которая в силу понятных причин носит православный характер.

Значительный перевес объектов православного культа в ответах – это результат, с одной стороны, усиления позиций Русской православной церкви в изучаемых регионах, что неоднократно подтверждали предыдущие исследования [2; 4], а с другой – отсутствия какого-либо однозначного, консолидирующего архитектурного (и не только) символа, созданного в Новейшее время. Очевидны культурная значимость и подоплека советской архитектуры: она стала во многом формой, в которую облакались достижения и триумфы советского периода, в числе которых важнейшее место безусловно занимает победа в Великой Отечественной войне. Современность же ознаменовалась восстановлением православия и иных духовных традиционных основ российского общества, развернувшимся на фоне рухнувших (или заметно пошатнувшихся) идеалов советского общества. На данном этапе у церквей, монастырей и других объектов православия по большому счету не оказалось заметных конкурентов в постсоветское и последующее

время. Именно они во многом заполнили вакуум культурных символов.

Интересны ответы на вопрос «Кого Вы считаете национальным героем своего народа?». В частности, 12 студентов назвали Героя Советского Союза Михаила Петровича Девятаева, 8 – эрзянского князя Пургаса, 6 – русского флотоводца и святого Русской православной церкви Федора Федоровича Ушакова, 5 – скульптора Степана Дмитриевича Эрзю, 4 – участницу Крестьянской войны 1670–1671 гг. под предводительством Степана Разина Алену Арзамасскую, 3 – Василия Ивановича Чапаева, 3 – богиню земли Мастораву. Все «персонажи», заявленные в ответах, имеют мордовское (эрзянское или мокшанское) происхождение. В этом смысле респонденты продемонстрировали некоторую осведомленность о наиболее выдающихся представителях своего народа, что является признаком их положительной установки по отношению к мордовской истории и культуре.

Анализ ответов показывает, что в этническом самосознании студентов очевидно присутствует стремление если не к синтезу, то к сочетанию самых разных исторических периодов развития мордовского народа: древнемордовского, в том числе языческого (упоминание Масторавы), до-революционного, в ряде случаев православного (упоминание Федора Федоровича Ушакова), советского (по большей части героического). Подобное стремление, на наш взгляд, должно быть интерпретировано как пристальное внимание мордовской молодежи к вопросам собственной культурной идентичности.

Следующая группа вопросов была направлена на выявление актуальности празднично-обрядового компонента национального самосознания мордовских студентов. На вопрос «Соблюдаются ли в Вашей семье национальные обряды, обычаи, традиции?» было получено 34 положительных и 47 отрицательных ответов. К таким традициям были отнесены Пасха (9 чел.), Масленица (6), Рождество (4), церковные традиции и обычаи (3), православные (2), Троица (2), Крещение (2 чел.). Отвечая на вопрос «Какие праздники Вы считаете народными?», 30 респондентов

назвали Масленицу, 10 – Пасху, 8 – День Победы, 8 – Новый год, 7 – Рождество, 6 – “Акша келу” («Белая береза»), 6 – Троицу, 4 – “Масторавань морот” («Песни Матери-Земли»), 3 – Яблочный Спас. В единичных случаях упоминались “Чипайне” («Солнышко»), “Тундонь ильтямо” («Проводы весны»), “Шумбрат” («Здравствуйте»). Анализ данных ответов позволяет сделать вывод о смещении этнического самосознания мордовских студентов в первую очередь в религиозную сферу: наибольшее количество ответов респондентов связано с идентификацией религиозных праздников как народных обычаев.

Отметим еще одну характерную особенность полученных результатов – синкретизацию в массовом сознании респондентов праздников разного генезиса: международных (Новый год), русских национальных, пусть и получивших международное распространение (Масленица), христианских (Пасха, Троица), государственных (День Победы), мордовских национальных (“Акша келу”). Подобное смешение – не всегда признак одной лишь плюрализации сознания мордовской молодежи, в котором гармонично сочетаются и светское, и сакральное, и традиционное, и инновационное. Иногда за этим скрываются более сложные системные взаимосвязи. Например, мордовский обряд проводов весны (“Тундонь ильтямо”), упомянутый респондентами, следовал через неделю после Троицы, также зафиксированной в ответах [12, 81]. Иными словами, мордовская молодежь, объединяя якобы генетически разные праздники, на самом деле продолжает народную традицию, которой уже не одно столетие.

Большой блок вопросов был посвящен конфессиональной культуре респондентов. Среди ответов на вопрос «К какой категории населения Вы себя относите?» 10 студентов выбрали вариант «безразлично, не интересуюсь религией», 45 – «считаю себя верующим», 1 – «не считаю себя верующим, но хотел бы быть таковым», 1 – «отношусь к религии отрицательно», 25 – «отношусь к религии с уважением, хотя верующим себя не считаю». То, что меньше половины из них назвали себя верую-

щими, также было вполне предсказуемо, свойственно российской молодежи, за исключением, пожалуй, регионов Северного Кавказа, и неоднократно фиксировалось исследователями не только на мордовском материале [2; 4; 7]. По конфессиональному признаку студенты отнесли себя к христианам (85 ответов), атеистам (5), никакой религии (5), язычеству (2), к буддизму (1 ответ). Среди христиан 81 чел. отнес себя к православию, 1 – к пятидесятничеству, 3 – не конкретизировали свою христианскую конфессию, что подтверждает выявленную в других исследованиях ведущую роль РПЦ в изучаемых регионах хотя бы на идентификационном уровне [2; 4].

На уровне конкретных мотивов, практики, представлений, т. е. поведенческой и знаниевой сферы, картина уже не кажется столь однозначной. В частности, на вопрос «Если Вы считаете себя христианином, то почему?» 29 респондентов ответили «потому что мой народ традиционно исповедует христианство», 37 – «потому что я родился в верующей христианской семье», лишь 11 – «потому что я соблюдаю все требования христианина». Верят в Бога 60 студентов, затруднились ответить – 21, не верят – 19. По мнению 50 опрошенных, Иисус – это Бог, 18 – считают его обычной исторической личностью, 25 – пророком, 1 – выдуманным персонажем, 1 – богочеловеком, 1 – «третьей частью триединства». Верят в один из важнейших христианских догматов о существовании ада и рая меньше половины участников опроса (49), не верят – 29, затруднились ответить – 22, при этом гораздо большее их число верит в существование души человека – 76. Были в церкви пару раз в жизни 28 респондентов, иногда (2–3 раза за последние три года) – 38, примерно раз в месяц – 14, только на Рождество и Пасху – 2, совсем не посещают церковь – 26. Соблюдают Великий пост регулярно, уже много лет 7 студентов, иногда стараются соблюдать – 25, не соблюдают – 68.

Следовательно, реально «воцерковленных» людей в молодежной студенческой среде мордвы не так много. По большей части православие для них является фактором этнической или даже личностной

идентификации и никак не связано с непосредственным религиозным опытом и тем более образом жизни.

Наконец, нами были проанализированы инокультурные влияния на студентов, связанные в первую очередь с оккультными представлениями. Так, верят в магию 42 респондента, что сопоставимо с числом тех, кто верит в ад и рай. Полагают, что маги, экстрасенсы, колдуны – шарлатаны, 38 студентов (светская оценка); относятся к ним резко отрицательно, так как магия – большой грех, – 12 (религиозная оценка); считают, что благодаря им сохраняются народные традиции, обычаи, обряды, – 20 (неязыческая оценка, возможно связанная с народной мордовской религией); уважают колдунов, магов и экстрасенсов, считая, что многие из них обладают сверхъестественными способностями, – 16 (оценка людей, увлеченных оккультной культурой). Гадают на картах 12 опрошенных, практикуют святочные гадания – 8, гадают по снам – 3, по руке – 2, по книге – 1. Получается, что оккультное влияние на мировоззрение мордовских студентов многогранно, по большей части привнесено извне и никак не связано с мордовской национальной культурой, хотя нельзя исключать, что в ряде случаев традиция и оккультизм взаимно подпитывают друг друга.

Заключение

Итак, анализ материалов интернет-опроса позволяет заключить, что в целом для мордовских студентов Республики Мордовия и Ульяновской области характерна положительная установка по отношению к мордовской культуре. Особенно заметно интерес опрошенных к традиции проявляется при ответах на вопросы, затрагивающие ту часть этнического самосознания, которая имеет в большей степени символическое, нежели практическое или повседневное, значение. В частности, все «персонажи», которые были названы в качестве национальных героев, имеют мордовское происхождение, независимо от эпохи, с которой они связаны. В то же время обрядово-праздничная культура и культура священных мест во многом утратили исключительно этническое со-

держание. Здесь, как показывают ответы респондентов, наравне с традиционными элементами культуры (праздники “Акша келу”, “Масторавань-морот”, “Чипайне”, “Тундонь ильтямо”, “Шумбрат”) отчетливо проявились другие формы самосознания мордвы: светская, общегражданская, тесно связанная с исторической памятью о Великой Отечественной войне, религиозная, которая в силу очевидных причин носит православный характер, международная (упоминание Масленицы в качестве национального праздника).

Не менее разнообразна религиозная культура мордовских студентов, значительная часть которых хотя и относит себя к православным христианам, в разной степени интегрирована в культуру православия. Сравнительно немногих можно назвать «воцерковленными». При этом некоторые респонденты не лишены оккультного влияния, считая, что многие из экстрасенсов и колдунов обладают сверхъестественными способностями, гадая на картах и занимаясь хиромантией.

Подобная плюрализация этнической и религиозной культуры мордовских студен-

тов, как нам представляется, происходит в силу трех основных причин. Во-первых, поликультурным регионам, в которых они проживают и обучаются, традиционно свойственны инокультурные заимствования, тесные межэтнические контакты, в том числе родственные, большой удельный вес людей, использующих в повседневной жизни в качестве языка общения не национальный язык. Во-вторых, сама по себе культура мордвы сформировалась не за одно столетие и ей исторически были присущи переосмысления традиционного, народного уклада сначала в русле православной религии, а затем русской и советской культуры. В этом смысле мордовская молодежь, объединяя якобы генетически разнородные элементы этнической и конфессиональной культуры, на самом деле продолжает интерпретацию накопленного предками многовекового опыта. И в-третьих, интеграция молодежи в православную культуру не всегда происходит сознательно, связана не столько с религиозным опытом, сколько с иными факторами, которые к религии имеют опосредованное отношение, в особенности с этнической идентификацией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов В. К. Мордовский народ во второй половине XX – начале XXI века (1953–2010): моногр. Пенза: Социосфера, 2021. 308 с.
2. Антонова М. В. Нравственные установки и ориентиры студенчества Мордовского государственного педагогического университета // Гуманитарные науки и образование. 2021. Т. 12, № 1. С. 7–12. DOI: 10.51609/2079-3499_2021_12_01_07.
3. Бегина И. А., Ивченков С. Г., Шахматова Н. В. Межэтнические взаимодействия населения в Саратовском приграничье // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2021. № 3. С. 48–57. DOI: 10.52452/18115942_2021_3_48.
4. Богатова О. А. Религиозность студенческой молодежи: социологическое исследование в регионе (Республика Мордовия) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2017. № 3. С. 186–201. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30382621> (дата обращения: 22.01.2023).
5. Борзникова Н. В., Рубцова Е. В., Фадеева В. В. Этнокоستم в дискурсе художественной практики (из опыта работы Удмуртского государственного университета) // Культурология. 2021. № 4, Т. 6. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48043284> (дата обращения: 22.01.2023).
6. Емелькина И. В. Развитие этнического самосознания мордвы в условиях глобализации // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. Т. 20, № 3. С. 325–333. DOI: 10.15507/2078-9823.51.020.202003.325-333.
7. Идиатуллов А. К. Религиозность студентов Уфы (на примере башкир и татар) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 63–66. DOI: 10.17223/15617793/399/11.
8. Идиатуллов А. К. Этнокультурная и религиозная ситуация в Цильнинском районе Ульяновской области // Вестник Чувашияского университета. 2018. № 2. С. 85–92. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35122991> (дата обращения: 22.01.2023).
9. Квашкина Л. Е. Этнические традиции праздничной и семейной обрядности в контексте исторической памяти (на примере самарской мордвы) // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Самара, 2019. Ч. 1. С. 343–351.
10. Кондрашкина Е. А. Развитие билингвизма и полилингвизма в Республике Башкортостан // Научный диалог. 2019. № 4. С. 29–42. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-29-42.

11. Корнишина Г. А. Мордва в структуре населения Челябинской области по данным переписей XX – начала XXI веков // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2022. Т. 12, № 2. С. 37–43. DOI: 10.15350/26191490.2022.2.24.
12. Корнишина Г. А. Социально-обрядовая роль и формы организации половозрастных контактов мордовского населения Самарского края в первой половине XX в. // Финно-угорский мир. 2017. № 1. С. 78–85. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50088215> (дата обращения: 22.01.2023).
13. Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н. Ведущие тенденции в сфере этноконфессиональных процессов у финно-угорских народов Поволжья и Приуралья (на примере мордвы) // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: материалы V Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Л. М. Дробизевой. Казань, 2022. С. 132–135.
14. Нехаева Н. Е. Развитие этнического туризма в Республике Мордовия как основа сохранения культуры мордвы // Современные проблемы территориального развития: электрон. журн. 2018. № 2. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35147459> (дата обращения: 22.01.2023).
15. Никонова Л. И. Организация жизнедеятельности и формирование мордовского населения на Крайнем Севере (по результатам этнографической экспедиции) // Вестник антропологии. 2020. № 2. С. 272–285. DOI: 10.33876/2311-0546/2020-50-2/272-285.
16. Писаревская М. А. Проблема формирования толерантности у студенческой молодежи // Наукоеведение: интернет-журн. 2015. Т. 7, № 4. С. 1–10. DOI: 10.15862/96PVN415.
17. Попова Т. В. Похоронно-поминальные обряды мордвы: этнопсихологический аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4. Ч. 2. С. 153–156. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16855766> (дата обращения: 12.03.2023).
18. Рузавина Н. В. Обряды мордвы села Алтышево Алатырского района Чувашской Республики: традиции и новации // Мордва в Чувашии: история и современность: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2022. С. 314–318.
19. Сафин Ф. Г., Мухтасарова Э. А., Халиулина А. И. Этнодемографическое и этноязыковое развитие финно-угорских народов в Урало-Поволжье // Финно-угорский мир. 2019. № 2. С. 152–167. DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.02.152-167.
20. Сидоркина И. С. Способы сохранения и популяризации этнической культуры мордвы // XLVI Огарёвские чтения: материалы науч. конф.: в 3 ч. Ч. 3. Гуманитарные науки. Саранск, 2018. С. 78–81.
21. Таймасов Л. А., Идиатуллов А. К. Этнокультурная и религиозная ситуация в Николаевском районе Ульяновской области // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 1. С. 103–107. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34960387> (дата обращения: 22.01.2023).
22. Титова Т. А. Этнические меньшинства в Татарстане: статус, идентичность, культура. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2007. 253 с.
23. Шабыков В. И., Кудрявцева Р. А., Орлова О. В. Национальность и национальная гордость в ценностной структуре этнической идентичности в Республике Марий Эл (социологическое исследование) // Социодинамика: электрон. журн. 2018. № 8. С. 33–42. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.8.27094.
24. Шахов П. С. Мордовский календарно-обрядовый фольклорно-этнографический комплекс сибирского бытования (осенне-зимний период) // Сибирский филологический журнал. 2019. № 1. С. 26–39. DOI: 10.17223/18137083/66/2.
25. Школкина И. Н. Влияние глобализации на самосознание мордвы // Финно-угорский мир. 2017. № 4. С. 107–124. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2017/4/107-124.pdf> (дата обращения: 22.01.2023).
26. Collins-Mayo S. Youth and religion. An international perspective // Theo-Web. Zeitschrift für Religionspädagogik. 2012. Vol. 11, no. 1. P. 80–94. URL: <https://www.theo-web.de/zeitschrift/ausgabe-2012-01/07.pdf> (дата обращения: 22.01.2023).
27. Glock C. Y., Stark R. American piety: the nature of religious commitment. Berkeley: University of California Press, 1968. 230 p.
28. Gunn T. J. The Complexity of Religion and the Definition of “Religion” in International Law. Harvard Human Rights Journal. 2003. Vol. 16. P. 189–215. URL: <https://harvardhrj.com/wp-content/uploads/sites/14/2020/06/16HHRJ189-Gunn.pdf>
29. Gurr T. R. Minorities at risk. A global risk of ethno-political conflicts. Washington, D. C.: United States Institute of Peace Press, 1993. 427 p.
30. Horowitz D. L. The deadly ethnic riot. Berkeley: University of California Press, 2001. 605 p.

Поступила 26.11.2022; одобрена 18.12.2022; принята 26.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. К. Идиатуллов – доктор исторических наук, профессор кафедры географии и экологии Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова, AzKoIdiat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2804-6302>

Ethnic and confessional culture of Mordovian students (based on the materials of the Internet survey)

Azat K. Idiatullov

*Ulyanovsk State University of Education,
Ulyanovsk, Russia*

Introduction. The article summarizes the results of a study of the ethnic and confessional culture of Mordovian students. The objectives of the study were to identify the degree of preservation of individual components of ethnic culture among Mordovian students; to analyze of the level of their religiosity and affiliation to the local church; to study the degree of influence other cultural systems on their worldview.

Materials and Methods. The methodological basis of the study was the Internet survey. The total of 100 Mordovian students took part in the survey: 63 people from the Republic of Mordovia (Mordovian State Pedagogical University) and 37 people from the Ulyanovsk region (Ulyanovsk State Pedagogical University).

Results and Discussion. The article describes the ideas of Mordovian students about sacred places and national heroes, the proficiency in the national language, the perception of the national language as a native language, the existence of a festive and ritual culture, religiosity and confessional affiliation, religious behavior and religious beliefs, etc. It reveals and interprets the influence of living in the multicultural region on a significant proportion of people who recognize non-Mordovian as their native language, and on the syncretization in the mass consciousness of respondents of holidays of different genesis: international, Russian national, Christian, national public, and Mordovian national holidays.

Conclusion. An analysis of the materials of the Internet survey allows to conclude that, in general, Mordovian students are characterized by a positive attitude towards Mordovian culture. The interest of the respondents is especially noticeable when answering questions that refer to ethnic self-consciousness issues that have more symbolic than practical/everyday meaning. Although Mordovian students consider themselves Orthodox Christians, their religious culture is no less diverse, a significant part of which is integrated to varying degrees in the culture of Orthodoxy. At the same time, some Mordovian students are not without occult influence.

Keywords: students, Mordovians, ethnic culture, confessional culture, Republic of Mordovia, Ulyanovsk region

For citation: Idiatullov AK. Ethnic and confessional culture of Mordovian students (based on the materials of the Internet survey). *Finnno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;1:73–84. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.73-84.

REFERENCES

1. Abramov VK. Mordovian people in the second half of the XX – early XXI centuries (1953–2010). Monograph. Penza; 2021. (In Russ.)
2. Antonova MV. Social and sociocultural attitudes and guidelines of the students of the Mordovian State Pedagogical University. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2021;12;1:7–12. (In Russ.). DOI: 10.51609/2079-3499_2021_12_01_07.
3. Beginina IA, Ivchenkov SG, Shakhmatova NV. Inter-ethnic interactions of the population in the Saratov border. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser.: Sotsial'nye nauki* = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences. 2021;3:48–57. (In Russ.). DOI: 10.52452/18115942_2021_3_48.
4. Bogatova OA. Religiosity of student youth: a sociological study in the region (Republic of Mordovia). *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* = Pushkin Leningrad State University Journal. 2017;3:186–201. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30382621> (accessed 22.01.2023). (In Russ.)
5. Bortnikova NV, Rubcova EV, Fadeeva VV. Ethnocostume in the discourse of art practice (from the experience of Udmurt State University). *Kostiumologiya* = Journal of Clothing Science. 2021;4;6. URL: <https://kostumologiya.ru/PDF/12IVKL421.pdf> (accessed 22.01.2023). (In Russ.)
6. Emelkina IV. Development of ethnic consciousness of Mordovia people in the conditions of globalization. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal

- of the Humanities. 2020;20;3:325–333 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.051.020.202003.325-333.
7. Idiatullov AK. Religiosity of the Ufa city's student (on the example of Bashkirs and Tatars). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tomsk State University Journal. 2015;399:63–66. (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/399/11.
  8. Idiatullov AK. Ethnocultural and religious situation in the Tsilninsky district of Ulyanovsk region. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* = Bulletin of the Chuvash University. 2018;2:85–92. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35122991> (accessed 22.01.2023). (In Russ.)
  9. Klashkina LE. Ethnic traditions and historical memory (on the example of the Samara Mordovians). *Natsional'noe kul'turnoe nasledie Rossii: regional'nyi aspekt: materialy VII Vseros. nauch.-prakt. konf.* = National cultural heritage of Russia: regional aspect. Materials of the VII All-Russian scientific and practical conference. Samara; 2019;1:343–351. (In Russ.)
  10. Kondrashkina EA. Bilingualism and multilingualism development in Republic of Bashkortostan. *Nauchnyi dialog* = Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue). 2019;4:29–42. (In Russ.). DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-29-42.
  11. Kornishina GA. Mordva in the structure of the population of the Chelyabinsk region according to census data of the XX – early XXI centuries. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ia* = Historical and Cultural Heritage of the Ural-Volga Region Peoples. 2022;12;2:37–43. (In Russ.). DOI: 10.15350/26191490.2022.2.24.
  12. Kornishina GA. Social and ritual role and forms of organization of sex-age contacts of the Mordovian population of the Samara region in the first half of the 20th century. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017;1:78–85. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50088215> (accessed 22.01.2023). (In Russ.)
  13. Mokshin NF, Mokshina EN. Leading trends in the sphere of ethno-confessional processes among the Finno-Ugric peoples of the Volga and Ural regions (on the example of the Mordovians). *Pozitivnyi opyt regulirovaniia etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov v regionalakh Rossiiskoi Federatsii: materialy V Vseros. nauch.-prakt. konf., posviashch. pamiati L. M. Drobizhevoi* = Positive experience of regulation of ethno-social and ethno-cultural processes in the regions of the Russian Federation. Materials of the V All-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of L. M. Drobizheva. Kazan; 2022:132–135. (In Russ.)
  14. Nekhaeva NE. The development of ethnic tourism in the Republic of Mordovia as a basis for the preservation of the culture of the Mordovians. *Sovremennye problemy territorial'nogo razvitiia: elektron. zhurn.* = Modern Problems of Territorial Development. Electronic journal. 2018;2. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35147459> (accessed 22.01.2023). (In Russ.)
  15. Nikonova LI. Organization of life activity and formation of Mordvin population in the Far North: the results of an ethnographic expedition. *Vestnik antropologii* = Herald of Anthropology. 2020;2:272–285. (In Russ.). DOI: 10.33876/2311-0546/2020-50-2/272-285.
  16. Pisarevskaya MA. The Problem of formation of tolerance among students. *Naukovedenie* = Naukovedenie. 2015;7;4:1–10. (In Russ.). DOI: 10.15862/96PVN415.
  17. Popova TV. Mordvinians' funeral-memorial rites: ethno-psychological aspect. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice. 2011; 4;2:153–156. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16855766> (accessed 12.03.2023). (In Russ.)
  18. Ruzavina NV. Rites of the Mordovians in the village of Altyshevo, Alatyrsky district of the Chuvash Republic: traditions and innovations. *Mordva v Chuvashii: istoriia i sovremennost': materialy Mezhtregion. nauch.-prakt. konf. (s. Poretskoe, 3 dekabria 2021 g.)* = Mordva in Chuvashia: history and modernity. Materials of the Interregional scientific and practical conference. Cheboksary; 2022:314–318. (In Russ.)
  19. Safin FG, Mukhtasarova EA, Khaliullina AI. Ethno-linguistic and ethno-demographic development of Finno-Ugric nations in the Ural-Volga region. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2019;2:152–167. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.02.152-167.
  20. Sidorkina IS. Ways to preserve and popularize the ethnic culture of the Mordovians. *XLVI Ogarevskie chteniia: materialy nauch. konf. Gumanitarnye nauki* = XLVI Ogarev Readings. Materials of scientific conference. Saransk; 2018;3:78–81. (In Russ.)
  21. Taymasov LA, Idiatullov AK. Ethnocultural and religious situation in the Nikolaevka district of the Ulyanovsk region. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia* = Bulletin of the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 2018;1:103–107. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34960387> (accessed 22.01.2023). (In Russ.)
  22. Titova TA. Ethnic Minorities in Tatarstan: Status, Identity, Culture. Kazan; 2007. (In Russ.)

23. Shabykov VI, Kudryavtseva RA, Orlova OV. Nationality and national pride in the value structure of ethnic identity in the Republic of Mari El (sociological research). *Sotsiodinamika: elektron. zhurn.* = Sociodynamics. Electronic journal. 2018;8:33–42. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-7144.2018.8.27094.
24. Shakhov PS. Mordovian calendar-ritual folklore-ethnographic complex of Siberian existence (autumn-winter period). *Sibirskii filologicheskii zhurnal* = Siberian Journal of Philology. 2019;1:26–39. (In Russ.). DOI: 10.17223/18137083/66/2.
25. Shkolkina IN. Impact of globalization on the selfawareness of the Mordovians. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017;4:107–124. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2017/4/107-124.pdf> (accessed 22.01.2023). (In Russ.)
26. Collins-Mayo S. Youth and religion. An international perspective. *Theo-Web. Zeitschrift für Religionspädagogik*. 2012;11;1:80–94. URL: <https://www.theo-web.de/zeitschrift/ausgabe-2012-01/07.pdf> (accessed 22.01.2023).
27. Glock CY, Stark R. American piety: the nature of religious commitment. Berkeley; 1968.
28. Gunn TJ. The Complexity of Religion and the Definition of “Religion” in International Law // Harvard Human Rights Journal. 2003;16:189–215. URL: <https://harvardhrj.com/wp-content/uploads/sites/14/2020/06/16HHRJ189-Gunn.pdf> (accessed 22.01.2023).
29. Gurr TR. Minorities at risk. A global risk of ethnopolitical conflicts. Washington, D. C.; 1993.
30. Horowitz DL. The deadly ethnic riot. Berkeley; 2001.

Submitted 26.11.2022; reviewing 18.12.2022; accepted 26.12.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. K. Idiatullov – Doctor of History, Professor, Department of Geography and Ecology, Ulyanovsk State University of Education, AzKoIdiat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2804-6302>

Лексическая и символическая репрезентация образа современной Мордовии населением республики

Ираида Адольфовна Пакшина
Елена Николаевна Маскаева

Научный центр социально-экономического мониторинга,
Саранск, Россия

Введение. В статье приводятся результаты анализа лексической и символической репрезентации образа Республики Мордовия населением региона. Подобное исследование компонентов этнокультурного образа республики на основе результатов социологического опроса проведено впервые.

Материалы и методы. Материал исследования составили данные социологического опроса «Выявление брендов Республики Мордовия», проведенного в марте – апреле 2022 г. среди жителей республики, а также среди экспертов – сотрудников учреждений культуры. Методом сбора информации выступил онлайн-опрос (CAWI) на платформе Google Forms. Для анализа полученных данных применен кластерный анализ методом *k*-средних.

Результаты исследования и их обсуждение. На основе кластерного анализа были выделены две группы респондентов: положительно воспринимающих регион и негативно оценивающих его. Реперными точками положительного восприятия республики стали лексемы *доброжелательная, своя, гостеприимная*, а негативного – *бедная*. Для определения современной Мордовии опрошенные чаще всего выбирали такие оценочные лексемы, как *гостеприимная, доброжелательная, своя, бесконфликтная, культурная, солнечная, открытая*. Символический образ региона у большинства опрошенных связан с гербом региона, лисой, самоназванием «регион 13», березой и богиней земли Масторовой.

Заключение. Результаты социологического опроса выявили преобладание в ответах респондентов положительно окрашенных лексем, служащих для характеристики региона и его жителей. Мордовия чаще всего соотносится с официально утвержденными символами территории и ее самоназванием, а также с образами, олицетворяющими в мордовской мифологии плодородие и женское начало.

Ключевые слова: этнокультурный бренд, уникальность региона, восприятие региона, оценочная лексема, визуальный образ, Республика Мордовия

Для цитирования: Пакшина И. А., Маскаева Е. Н. Лексическая и символическая репрезентация образа современной Мордовии населением республики // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 1. С. 85–97. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.85-97.

Введение

В последние годы проблемы, связанные с формированием имиджа территории, повышением ее узнаваемости, привлекательности, стали особенно актуальными. Каждая территория имеет присущие только ей особенности, которые могут быть притягательными для внешних потребителей – туристов. Создание позитивного образа региона, с одной стороны, способствует развитию территории, привлечению ресурсов, получению экономической выгоды для местных жителей, а с другой – формированию у них чувства единства, патриотизма, любви к малой родине.

Вопросы формирования благоприятного имиджа региона, развития инвестиций, бизнеса, увеличения туристского потока и повышения комфортности условий проживания населения затронуты в Концепции этнокультурного брендинга территорий Республики Мордовия на период 2022–2026 гг., утвержденной распоряжением Правительства Республики Мордовия от 30 декабря 2021 г. № 977-Р. Опыт показывает, что регион, который обладает ярким визуальным образом, привлекает внимание не только туристов, но и предпринимателей.

В настоящее время концепт «бренд территории» вызывает интерес как у исследователей, так и у государственных органов. Особое значение авторы статьи придают изучению российских практик брендинга территорий (Алтайский край [10], Мурманская [6], Саратовская [21], Калининградская [3] области, республики Татарстан [11], Коми [9], города Екатеринбург [13], Новгород [19] и др.). Ученые Мордовии (Р. Р. Абушкин, О. А. Богатова, И. Н. Пронина, Л. Н. Рузавин, И. Л. Сиротина, О. Н. Чиркова, М. А. Шорохова и др.) неоднократно подчеркивали необходимость выбора эффективной брендинговой стратегии для развития региона и комплексного подхода к ее разработке [1; 4; 5; 15; 16]. В регионе ведется активная работа по формированию национально-культурного имиджа с акцентом на принадлежность мордовского народа к финно-угорской языковой семье, что привлекает внимание российской и международной общественности. Исследователи отмечают, что стратегия построения бренда территории должна быть адаптирована к специфике региональной культуры. Создание бренда территории связано с поиском яркого визуального образа, основано на определенной системе ценностей и этнокультурном потенциале территории.

Республика Мордовия представляет собой регион, в котором сочетаются уникальное этнокультурное наследие и толерантность жителей, красивая природа и развитая перерабатывающая промышленность, сильный образовательный кластер и достижения в области спорта. Изучение элементов, составляющих ее символический капитал, важно для определения наиболее значимых характеристик и оценочных компонентов этнокультурного образа республики.

Исследование предпринято с целью выявления лексической и символической репрезентации образа современной Мордовии ее жителями на основе результатов социологического опроса. Задачи исследования – описать устойчивые ассоциации населения с территорией; выявить лексико-семиотические атрибуты бренда региона.

Методологическую основу исследования составили труды ученых, посвященные проблемам создания бренда территории. Из многообразия имеющихся подходов к его конструированию особую значимость представляют экономический (Ф. Котлер, И. С. Важенина, С. Г. Важенин [8], А. П. Панкрухин, А. М. Лавров) и социокультурный (Н. Г. Федотова [18], Е. В. Красовская, В. Б. Храмов и Т. Н. Фролкина [22], Г. Л. Тульчинский [17], В. К. Малькова и В. А. Тишков [12]).

В рамках культурологической проблематики сложились отдельные направления. Первое осмысливает технологию брендинга как «процесс формирования и продвижения комплексов социальных мифов различного уровня» (Г. Л. Тульчинский [17, 6], С. А. Базилян). Второе рассматривает брендинг как элемент региональной культурной политики, учитывающий особенности стратегического развития территории, способный повысить привлекательность внутреннего культурного туризма и обеспечивающий «целостность визуально-текстового отражения и образа территории» (И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, О. И. Бычкова [24, 13], Е. Б. Хорольцева [21], В. К. Малькова, В. А. Тишков [12], В. Б. Храмов, Т. Н. Фролкина [22]).

И. С. Важенина и С. Г. Важенин, исходя из контекста стратегического маркетинга, определяют бренд территории как «совокупность уникальных качеств, непреодолимых общечеловеческих ценностей, отражающих своеобразие, неповторимые оригинальные потребительские характеристики данной территории и сообщества, широко известные, получившие общественное признание и пользующиеся стабильным спросом потребителей данной территории» [8, 100]. Конечная цель создания бренда территории – доход от использования ее нематериальных активов.

В то же время В. Б. Храмов и Т. Н. Фролкина подчеркивают, что механический перенос принципа экономической целесообразности на сферу культуры без учета социокультурных особенностей региона

может привести к духовному осуждению этой экономической практики, так как «искусственное, насильственное его осуществление, т. е. агрессивное брендинг, способно вызвать аберрацию массового сознания, которая негативно повлияет и на культуру в целом, что, в свою очередь, в той или иной степени может сказаться и на экономике региона, существенно затруднив создание его бренда» [22, 74]. Другими словами, восприятие собственной территории как товара неприемлемо для ее жителей. Данное обстоятельство определяет необходимость бережного отношения к сложившимся в регионе социокультурным традициям.

По мнению Г. Л. Тульчинского, при создании бренда территории «важно найти базовую идентификацию места – что есть тут такого, чего нет в других местах, городах... Начинать это лучше всего со стереотипов, которые уже сложились относительно этого места, особенно тех, которые способствуют привлекательности его образа, работать над его укоренением и развитием» [17, 201].

В контексте проблемы конструирования бренда территории современные исследователи обращаются к понятию символического капитала. Данная категория, предложенная П. Бурдьё, включает в себя «добросовестность» и «добрую славу» за счет демонстрации «материальной и символической силы в виде солидных союзников, сама по себе способна приносить материальные выгоды» [7, 232] и является одним «из механизмов, благодаря которым капитал идет к капиталу» [7, 234]. В силу того что символический капитал подразумевает демонстрацию репутации, благонадежности, солидности и основательности, данный термин широко применяется в исследованиях территорий. Под символическим капиталом места (территории) понимается «совокупность значимых элементов (смыслов) территориальной среды, которые обеспечивают локальному месту узнавание, известность, престиж, доверие к нему со стороны различных социальных групп» [18, 144]. Необходимость поиска уникальности приводит к актуализации переосмыс-

ливания территорий «с точки зрения их символической значимости, внутренней семиотики, придания старым местам новых смыслов» [3, 7].

Изучая знаковый характер современного общества, Г. Г. Почепцов приходит к выводу о том, что «человеческое общество заинтересовано в поддержании определенного уровня знаковости. Это дает возможность кодировать и сохранять в человеческой памяти важные варианты человеческого поведения» [14, 171]. Применительно к исследованию символического капитала места Н. Г. Федотова предлагает использовать «семиотический анализ художественных и мифо-символических практик территории, позволяющий получить первичные данные о тех образах, в которых концентрируется символическая информация о месте» [18, 152].

Р. Барт в монографии «Система Моды» подчеркивает разницу между восприятием образа и слова: если «смысл изображения всегда неустойчив», то слово «всегда имеет властную функцию, поскольку оно, так сказать, делает выбор вместо глаза. Образ запечатлевает множество возможностей; слово фиксирует одну-единственную определенность» [2, 47].

Технология формирования представлений людей о конкретном регионе с помощью лексем (слов) («лексическая» технология) рассмотрена в коллективной монографии «Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест» [12]. По мнению В. К. Мальковой и В. А. Тишкова, для выделения территории используются как отдельные слова, так и целые выражения, оценочные лексемы, а также ссылки на авторитетные мнения. Кроме того, к лексическому оформлению информации о регионе авторы относят так называемое «навешивание ярлыков» или «визитных карточек» [12, 36].

Таким образом, территориальный бренд в совокупности с другими знаками создает собственное семиотическое пространство, соотносящееся с определенной территорией. В связи с этим особую значимость приобретает исследование уникальных культурных смыслов, со-

ставляющих образ места, выступающих в качестве идентифицирующих маркеров региона, фиксирующих его уникальные характеристики.

Материалы и методы

Материал исследования составили данные социологического опроса «Выявление брендов Республики Мордовия», проведенного в марте – апреле 2022 г. Основным методом сбора первичной социологической информации явился онлайн-опрос (CAWI), реализованный на платформе Google Forms. Опрос населения репрезентировал жителей Республики Мордовия по полу, возрасту и месту проживания. Из 876 заполненных анкет были отобраны 384 в соответствии с квотным планом. Также был проведен сплошной опрос работников учреждений культуры Республики Мордовия. Численность экспертов составила 1 100 чел. Фактически было опрошено 763 чел., или 69 %.

Выбор экспертов был обусловлен следующими факторами:

– сотрудники учреждений культуры относятся к жителям Мордовии, наиболее осведомленным о культурно-исторических особенностях места своего проживания и республики в целом;

– работники учреждений культуры имеют более глубокое, экспертное, мнение по вопросам этнокультурного брендинга.

Население и эксперты опрашивались по одной и той же анкете.

Обработка первичной информации проводилась с помощью программы SPSS Statistics версии 19.0. Для анализа данных применялись одномерные распределения признаков. Кроме того, вся совокупность ответов была подвергнута кластерному анализу методом *k*-средних в зависимости от реакции респондентов на вопрос «На Ваш взгляд, какая из указанных характеристик подходит для описания Республики Мордовия?». Таким образом были выделены две группы опрошенных: положительно воспринимающих регион (833 чел., или 76,8 %) и негативно его оценивающих (252 чел., или 23,2 %). 62 респондента затруднились с ответом.

Результаты исследования и их обсуждение

Лексическая репрезентация образа региона и его жителей

Результаты кластерного анализа ответов на вопрос «На Ваш взгляд, какая из указанных характеристик подходит для описания Республики Мордовия?» позволили выявить реперные точки положительного и отрицательного восприятия Мордовии, свойственные опрошенным обеим группам. Среди позитивных качеств теми и другими были отмечены следующие: *доброжелательная, своя, гостеприимная*, среди негативных только одно – *бедная* (табл. 1).

Согласно результатам исследования, в ответах опрошенных преобладали позитивные характеристики Республики. Так, для абсолютного большинства экспертов Мордовия прежде всего является *гостеприимной* (96,9 %), *доброжелательной* (95,1), *своей* (93,8), *бесконфликтной* (92,5), *культурной* (91,6), *солнечной* (91,5), *открытой* (90,8), *отзывчивой* (88,6), *активной* (84,6), *образованной* (84,2), *чистой* (80,8), *перспективной* (78,9 %). По утверждению значительной части населения, для республики в первую очередь подходят определения *доброжелательная* (89,8 %), *своя* (89,6), *гостеприимная* (89,3), *бесконфликтная* (86,6), *открытая* (82,9), *культурная* (78,1 %) (рис. 1).

По данным опроса, более половины (56,4 %) экспертов представляют Мордовию *большой* и примерно такая же доля опрошенного населения (54,9 %) – *маленькой*. 55,6 % населения характеризуют республику с негативной стороны – как *бедную*. Треть экспертов (36,5 %) оценивают ее положительно (*богатая*) и примерно столько же (34,9 %) – отрицательно (*бедная*).

Анализ неформализованных ответов показал, что чаще всего опрошенные обеих групп используют для определения Республики Мордовия такие оценочные лексемы, как *родная* (225 упоминаний), *любимая* (91), *красивая, шикарная* (по 85), *лучшая, крутая, отличная* (по 88), *многонациональная* (73), *дружелюбная*,

Таблица 1. Характеристика Республики Мордовия респондентами в зависимости от группы восприятия

Table 1. Characteristics of the Republic of Mordovia by respondents depending on the group of perception

Положительно воспринимающие республику / Positively perceiving the Republic	Негативно воспринимающие республику / Negatively perceiving the Republic
Большая / Big	Маленькая / Small
Развитая / Well-developed	Отсталая / Developing
Перспективная / Promising	Безнадежная / Hopeless
Бедная / Poor	Бедная / Poor
Культурная / Cultural	Бескультурная / Lacking the culture
Активная / Active	Пассивная / Passive
Открытая / Open	Закрытая / Closed
Доброжелательная / Friendly	Доброжелательная / Friendly
Чистая / Clean	Грязная / Dirty
Образованная / Well-educated	Невежественная / Ignorant
Своя / My own	Своя / My own
Отзывчивая / Responsive	Равнодушная / Indifferent
Бесконфликтная / Conflict-free	Конфликтная / Full of conflicts
Гостеприимная / Hospitable	Гостеприимная / Hospitable
Солнечная / Full of sun light	Пасмурная / Gloomy

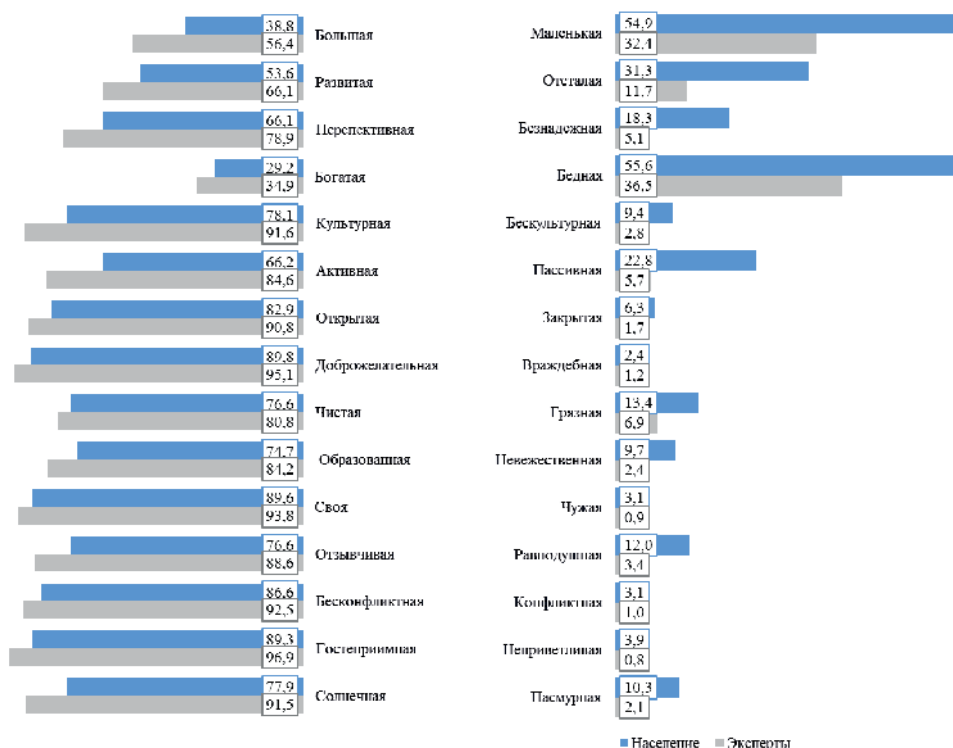

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «На Ваш взгляд, какая из указанных характеристик подходит для описания Республики Мордовия?», %

Fig. 1. Distribution of epy answers to the question “In your opinion, which of the characteristics is suitable for describing the Republic of Mordovia?”, %

хлебосольная, радушная (по 64), развивающаяся (50 упоминаний) и т. д.

При характеристике региона его жители употребляют не только отдельные слова, но и их сочетания и целые выра-

жения: родная моя Родина!; красивая по своей природе; богатая талантами; дорогой сердцу уголок России; страна добра и мира; За последнее десятилетие очень преобразилась и стала очень красивой.

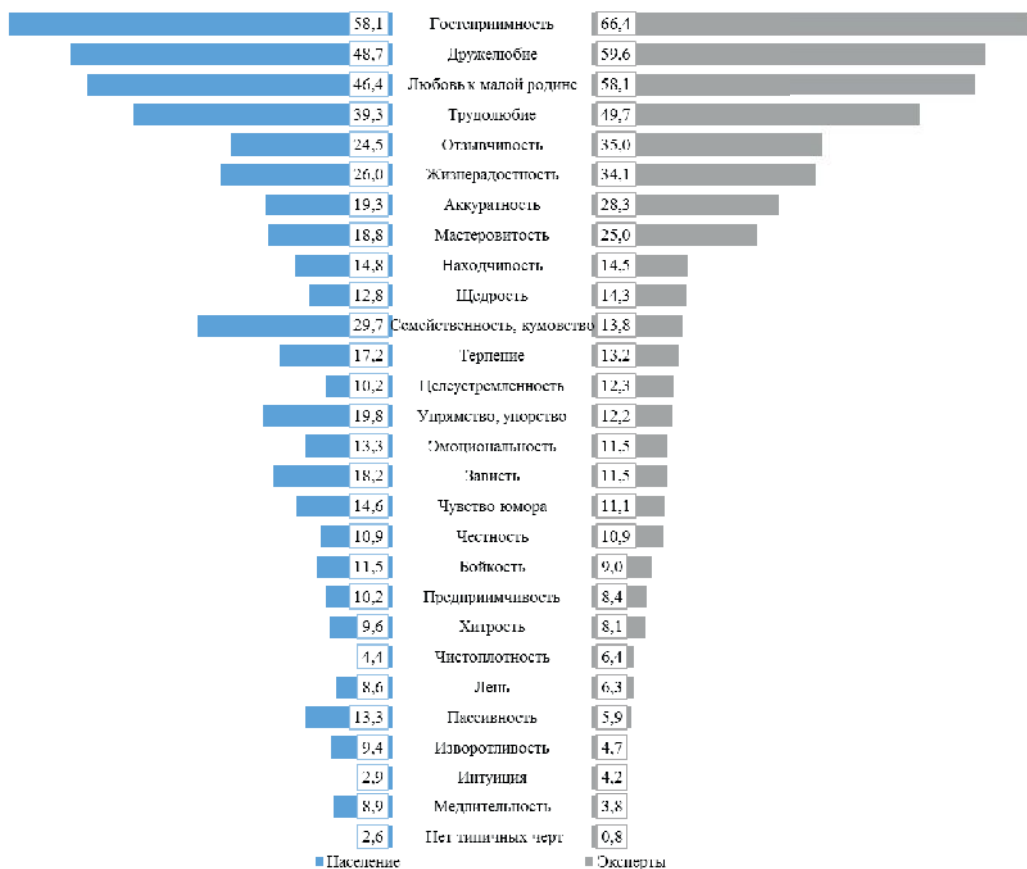

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Какие черты характера ярко выражены у жителей Вашего населенного пункта, муниципального района?», %

Fig. 2. Distribution of answers to the question “What character traits are pronounced among the residents of your settlement, municipal district?”, %

Нередко для создания образа республики используются лексические усилители смысла (прилагательные в превосходной степени): *самая хорошая, самая любимая, лучшие всех!!!*

Полученные результаты подтвердили актуальность характеристики, которая широко применяется в повседневном общении жителей республики, – *солнечная Мордовия*.

Исследовательский интерес представляет мнение респондентов о чертах характера, присущих жителям мордовского края. Анализ ответов продемонстрировал, что основными их качествами признаются *гостеприимность* (58,1 % населения и 66,4 % экспертов), *дружелюбие* (48,7 и 59,6 соответственно), *любовь к малой родине* (46,4 и 58,1), *трудолюбие* (39,3 и 49,7 %). Более трети экспертов (34,1 %)

и более четверти населения (26,0 %) как одно из отличительных свойств жителей региона отметили *жизнерадостность*. Немало респондентов сошлись во мнении, что у проживающих в республике ярко выражены такие черты характера, как *аккуратность* (19,3 % населения и 28,3 % экспертов) и *мастеровитость* (18,8 и 25,0 % соответственно) (рис. 2).

По результатам опроса была выявлена следующая закономерность: население чаще, чем эксперты, подчеркивает недостатки, свойственные жителям Мордовии, а именно: *кумовство* (29,7 против 13,8 %), *зависть* (18,2 против 11,5), *пассивность* (13,3 против 5,9), *медлительность* (8,9 против 3,8 %).

Довольно распространено мнение, что отличительной чертой характера мордовского народа является *упрямство*

(т. е. крайняя неуступчивость). В зависимости от ситуации это качество может быть как отрицательным, так и положительным. Упрямство вполне уместно и оправданно в достижении различных целей, например в работе. Однако безоговорочное отстаивание своей позиции как главной и доминирующей независимо от того, верна она или нет, неприемлемо. Как показали результаты исследования, по мнению 19,8 % населения и 12,2 % экспертов, жителям региона свойственна эта черта характера.

Относительно остальных качеств населения республики значимых различий в ответах респондентов не зафиксировано.

Символический образ территории

Использование символики является одним из основополагающих элементов брендинга территории. Сущность ее визуального образа состоит в отражении характерных черт региона, его социальных или экономических особенностей.

По мнению большинства опрошенных (64,1 % населения и 74,8 % экспертов), Мордовия соотносится с официально утвержденными символами территории (*герб, гимн и флаг Республики Мордовия*), которые условно и схематично представляют ее уникальные характеристики. Результаты кластерного анализа показали наличие значительной разницы в ответах респондентов о визуальных символах региона в зависимости от его оценки. Так, если среди позитивно воспринимающих республику на значимость официальной символики указали 76,1 %, то среди негативно характеризующих ее – только 56,0 % (табл. 2).

Вторая устойчивая ассоциация региона – с автомобильным кодом местности, что отражает самоназвание «*регион 13*» (60,2 % населения и 51,6 % экспертов). Число 13 принято считать несчастливым. В повседневной жизни оно сопровождается большим количеством пугающих трактовок, суеверий, примет и предрассудков. Однако население республики с присущей ему иронией сумело преодолеть общепринятую негативную коннотацию: стереотип, связанный с «несчастливым»

числом, придает Мордовии узнаваемость и уникальность, а также подчеркивает ум, независимость мышления и жизнерадостность ее жителей. Немаловажно и то, что маркетинговая стратегия создания торговых марок, состоящих из комбинации слов с быстро запоминающимися числами, – одна из самых эффективных.

Третьим по популярности стал образ *лисы* (60,2 % населения и 48,8 % экспертов). В геральдике лисица – воплощение пронизательности, хитрости и прозорливости [20]. Она изображена на гербах Республики Мордовия, Саранска и Большеберезниковского района.

Результаты кластерного анализа показали, что символический образ лисы и самоназвание по автомобильному коду не вызвали поляризации мнений среди респондентов; данные варианты ответа в равной степени отмечали как положительно, так и отрицательно оценивающие регион.

Атрибуты гербов поселений и районов Мордовии, подчеркивающие их особенности, более известны сотрудникам учреждений культуры:

– *берёза* (изображена на гербе Большеберезниковского района) упоминается в ответах 29,2 % населения и 43,0 % экспертов;

– *поля* (г. Ардатов, г. Инсар (1781 г.), Лямбирский район, Большеелховское сельское поселение) – 19,5 и 19,7 % соответственно;

– *колос* (Республика Мордовия, г. Инсар (проект 1861 г.), г. Ковылкино, Большеберезниковский, Кочкуровский, Краснослободский, Старошайговский районы, Шишкеевское и Атемарское сельские поселения) – 13,5 и 13,2 %;

– *железная дорога* (г. Ковылкино) – 7,6 и 14,3 %;

– *ель, сосна* (г. Инсар (проект 1861 г.)) – 7,0 и 12,8 %.

Атрибуты гербов чаще указывали позитивно настроенные опрошенные (*берёза* – 42,4 % положительно воспринимающих регион против 27,0 % негативно его характеризующих, *поля* – 20,5 против 16,3 соответственно, *колос* – 14,5 против 8,7, *ель, сосна* – 11,0 против 8,3 %). Исключе-

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «С какими визуальными символами ассоциируется Мордовия?», %

Table 2. Distribution of answers to the question “What visual symbols is Mordovia associated with?”, %

Вариант ответа / Option	Население / Population	Эксперты / Experts	Положительно воспринимающие республику / Positively perceiving the Republic	Негативно воспринимающие республику / Negatively perceiving the Republic
Герб, гимн и флаг Республики Мордовия / Coat of arms, anthem and flag of the Republic of Mordovia	64,1	74,8	76,1	56,0
Регион 13 / Region 13	60,2	51,6	54,5	55,2
Лиса / A fox	60,2	48,8	53,2	52,0
Берёза / A birch tree	29,2	43,0	42,4	27,0
Масторава (богиня земли) / Mastorava (goddess of the Earth)	26,8	27,5	29,3	18,7
Валенки / Felt boots	22,1	28,2	29,1	16,7
Поля / Fields	19,5	19,7	20,5	16,3
Торама (музыкальный инструмент) / Torama (musical instrument)	18,5	21,2	21,2	16,3
Яблоня / An apple tree	18,5	20,2	20,4	16,3
Курица, яйцо / A chicken, an egg	18,0	14,8	17,6	10,3
Мёд / Honey	15,9	15,1	16,9	9,1
Картофель / Potato	15,1	18,6	18,8	14,3
Колос / An ear	13,5	13,2	14,5	8,7
Сток сена / A stack of hay	8,6	5,9	7,1	6,0
Железная дорога / Railway	7,6	14,3	11,6	12,3
Зубр / A bison	7,6	8,4	8,9	4,8
Ель, сосна / A fur tree, a pine tree	7,0	12,8	11,0	8,3
Сюлгамо / Sulgamo	6,8	8,8	8,4	7,1
Солярный знак / A solar sign	6,5	4,3	4,6	6,3
Дуб / An oak	5,7	5,4	5,8	5,2
Медведь / A bear	5,2	6,0	6,1	4,8
Огурцы / Cucumbers	3,9	4,7	3,8	5,2
Ине нармунь (священная птица) / Ine narmun (sacred bird)	3,1	6,2	5,6	4,4
Рябина / Rowan	2,6	3,9	3,6	3,2
Глухарь / Sapercaillie	2,3	3,3	3,2	2,8
Лось / Elk	2,3	2,4	2,0	1,6
Другое / Other	2,6	0,8	1,0	2,8

нием стал символ *железная дорога* – 11,6 против 12,3 %.

Отметим, что эмблемы территорий не являются застывшими знаками, в которых сохраняются только традиционные и устоявшиеся для этих мест элементы. Результаты исследования показали, что формируются новые визуальные ассоциации. В качестве символов Мордовии респонденты указывали продукты питания, производством которых славится регион в последние десятилетия: *картофель* (15,1 % населения и 18,6 % экспертов), *мёд* (15,9 и 15,1 соответственно) и *курица, яйцо* (18,0 и 14,8 %). Значительно реже

опрошенные называли символы, традиционно воплощающие плодородие, изобилие, богатство, жизнь, – *колос* и *сток сена*.

Одним из эффективных способов подчеркивания уникальности национальной территории при конструировании бренда признается использование легенд и мифов, этнических традиций, оригинальных предметов быта и культуры. Каждый четвертый опрошенный указал на ассоциативный образ *Масторавы* (26,8 % населения и 27,5 % экспертов). В мордовской мифологии Масторава – богиня эрзянской и мокшанской земли, покровительница народа, хранительница всего

живого на земле. По мнению А. М. Шаронова, Масторава является именем, ассоциирующимся с мордовским народом [23]. Этнические символы – *валенки* (22,1 и 28,2 % соответственно) и *торама* (18,5 и 21,2 %) – достаточно хорошо известны респондентам, вызывают устойчивые ассоциации с Мордовией. Полученные данные косвенно свидетельствуют о том, что существующие этнотуристские бренды «Урусовские валенки» и «Зов Торамы» стали узнаваемыми.

При анализе ответов респондентов можно заметить, что население республики отдает предпочтение знакам, которые условно можно назвать «растительными» (*берёза, яблоня, картофель* и др.). Значительно реже происходит выбор «звериной» символики (*курица, зубр, медведь* и др.), исключением является *лиса*.

Респонденты часто указывали на символы *берёзы* и *яблони*. Эти значимые для мордвы деревья являются фольклорными образами, зафиксированными в народных песнях, сказках и обрядах. В устном народном творчестве «берёза (келу – м., килей – э.) олицетворяет плодородие, женское начало, а яблоня (марлю – м., умарина – э.) – символ женской красоты и гармонии»¹. Также для опрошенных стал значимым образ *поля*, который являлся «центром мифологической модели мира древней мордвы»².

Новые визуальные ассоциации с территорией и этнические символы чаще выбирали положительно настроенные респонденты.

Следует отметить, что образ священной птицы мордвы (*Ине нармунь*), успешно использованный в символике чемпионата мира по футболу 2018 г. в Саранске, имеющий высокопрофессиональное и запоминающееся графическое изображение, очень редко указывался респондентами (3,1 % населения и 6,2 % экспертов). Возможно, это объясняется недостаточным акцентированием внимания на этнической составляющей симво-

ла при информационном сопровождении мундиала. Также респонденты очень редко выбирали широко растиражированные национальные символы *сюлгamo* и *солярный знак*. Отсутствие устойчивого ассоциативного ряда, вероятно, обусловлено слабой популяризацией этнической экзотики. Это свидетельствует о необходимости системного подхода к визуальной и лексической репрезентации мифологических образов в традиционных и новых СМИ региона.

Заключение

Таким образом, в целом в восприятии современной Мордовии ее жителями лидируют такие качества, как *гостеприимная, доброжелательная, своя, бесконфликтная, культурная, солнечная, открытая, родная, любимая, лучшая*, т. е. зафиксирована высокая степень региональной идентичности. В социуме преобладает мнение о миролюбивом характере жителей республики, которых отличают *гостеприимность, дружелюбие, любовь к малой родине, трудолюбие, жизнерадостность, аккуратность, мастеровитость*.

Символический образ региона связан прежде всего со знаками, закрепленными на законодательном уровне, – гербом Республики Мордовия и лисой как его атрибутом. Наиболее значимую ассоциацию с республикой получили образ *Масторавы* (богини земли) и самоназвание, обусловленное автомобильным кодом региона, – «*регион 13*». В качестве ассоциативных символов респонденты выбирали образы, олицетворяющие в мордовской мифологии плодородие и женское начало, – *Мастораву, берёзу, яблоню, поле*. Население республики отдает предпочтение «растительным» знакам. Результаты исследования показали формирование новых ассоциативных образов с территорией (*курица, яйцо, мёд, картофель*). Респонденты, негативно характеризующие регион, значительно реже выбирали официальную символику и этнические символы в качестве

¹ Культ деревьев – Мордовия. URL: http://www.mordovia.info/wiki/Культ_деревьев (дата обращения: 30.08.2022).

² Мифологическая модель мира. Мордовия. URL: http://www.mordovia.info/wiki/Мифологическая_модель_мира (дата обращения: 30.08.2022).

визуальных ассоциаций с территорией проживания.

Использование символики является одним из основополагающих элементов брендинга современной Мордовии. Сущность ее визуального образа состоит в том, чтобы отражать характерные чер-

ты, свойственные региону. Исследование позволило выявить основные культурно-символические атрибуты, вызывающие устойчивую позитивную ассоциацию с территорией, которые могут быть использованы при конструировании устойчивого этнокультурного бренда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абушкин Р. Р., Пронина И. Н. Культурный бренд Республики Мордовия как проектная стратегия развития территории // Муниципалитет: экономика и управление. 2017. № 4. С. 33–40. URL: <https://editorial.municipality.expert/file/897CEF89-DA5D-4873-ABDC-3861F4472F45> (дата обращения: 30.08.2022).
2. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 511 с.
3. Берендеев М. В., Белецкая Т. В. Символический капитал регионального геобренда в медиадискурсе (Калининградский кейс) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 1. С. 7–14. DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10101.
4. Богатова О. А. Социальные технологии управления республиканской и российской идентичностью в оценках населения Республики Мордовия: опыт качественного социологического исследования // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1, вып. 1. С. 54–70.
5. Богатова О. А., Чиркова О. Н. Формирование этнокультурного образа Республики Мордовия в региональном брендинге // Регионоведение. 2013. № 3. С. 68–75.
6. Бодрова О. А. Мурманская область в поисках региональных брендов: к вопросу о теории и практике территориального брендинга // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Вып. 16. С. 20–42. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.20-42.
7. Бурдые П. Практический смысл / общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперимент. социологии, 2001. 562 с.
8. Важенина И. С., Важенин С. Г. Имидж и репутация как стратегические составляющие нематериальных активов региона // Экономика региона. 2010. № 3. С. 95–103.
9. Казакова К. А., Горунович А. Н. Использование визуальных средств коммуникации в продвижении бренда территории (на примере Республики Коми) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 1. С. 158–170.
10. Лякишева В. Г., Добрынина И. Ю. Имидж Алтайского края: влияние региональных брендов на уровень социально-экономического развития территории // Экономика. Профессия. Бизнес. 2017. Т. 4, № 4. С. 42–48.
11. Макарова Г. И. Этнокультурный образ Татарстана и его продвижение в региональном брендинге: стратегии и оценки элит // Этнографическое обозрение. 2018. № 5. С. 128–145. DOI: 10.31857/S086954150001480-8.
12. Малькова В. К., Тишков В. А. Антропология историко-культурных брендов территорий, регионов и мест // Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест: моногр. Ростов н/Д, 2012. С. 6–57.
13. Попова О. И., Григорьева Е. С., Морозова И. Ю. Имиджевая политика территории: анализ имиджа Екатеринбурга: моногр. Екатеринбург: Ин-т междунар. связей, 2015. 138 с.
14. Почепцов Г. Г. Семиотика. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2002. 430 с.
15. Пронина И. Н., Сиротина И. Л., Шорохова М. А. Брендинговые стратегии г. Саранска в контексте категории «качество жизни» // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 3. С. 407–420.
16. Рузавин Л. Н. Технологии формирования имиджа субъекта Федерации в условиях современной территориальной организации России // Регионоведение. 2009. № 4. С. 42–49. URL: <https://regionsar.ru/node/413> (дата обращения: 25.08.2022).
17. Тульчинский Г. Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе

- и культуре. СПб.: Филол. фак., Фак. свободных искусств и наук С.-Петерб. гос. ун-та; М.: Нац. исслед. ун-т «Выш. шк. экономики», 2013. 279 с.
18. Федотова Н. Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 141–155. DOI: 10.17223/22220836/29/13.
  19. Федотова Н. Г., Васильева Н. Ю. Символический капитал Великого Новгорода в дискурсе социальных медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 2. С. 119–127.
  20. Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече; АСТ, 1997. 428 с.
  21. Хорольцева Е. Б. Проектирование этнокультурного бренда региона как ресурс управления развитием территории // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13, № 2. С. 23–36. DOI: 10.22394/2071-2367-2018-13-2-23-36.
  22. Храмов В. Б., Фролкина Т. Н. «Бренд территории» как понятие культурологии // Культурная жизнь Юга России. 2019. № 1. С. 71–75.
  23. Шаронов А. М. Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2001. 206 с.
  24. Этнокультурное брендинг территории в контексте стратегии регионального развития: научно-методические подходы и практики: моногр. / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, О. И. Бычкова и др.; отв. ред. Т. В. Коваленко. М.: Ин-т Наследия, 2020. 114 с. DOI: 10.34685/NI.2019.36.91.012.

Поступила 27.09.2022; одобрена 12.11.2022; принята 26.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

И. А. Пакшина – кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник редакционно-издательского отдела Научного центра социально-экономического мониторинга, iraida-69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3050-2127>

Е. Н. Маскаева – старший научный сотрудник редакционно-издательского отдела Научного центра социально-экономического мониторинга, elena-maskaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8889-3170>

Lexical and symbolic representation of the image of modern Mordovia by the population of the Republic

Iraida A. Pakshina
Elena N. Maskaeva

*Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution,
Saransk, Russia*

Introduction. The article presents the results of the analysis of the lexical and symbolic representation of the image of the Republic of Mordovia by the population of the region. Such study of the components of the ethno-cultural image of the Republic is based on the results of a sociological survey which was conducted for the first time.

Materials and Methods. The research material was compiled from the data of the sociological survey "Identification of brands of the Republic of Mordovia", conducted in March – April 2022 among the residents of the Republic, as well as among the representatives of the target group, which included the employees of cultural institutions. The method of collecting information was an online survey (CAWI) carried out on the Google Forms platform. The cluster analysis by the *k*-means method was used to analyze the obtained data.

Results and Discussion. Based on the cluster analysis, two groups of respondents were identified: those who perceive the region positively and those who evaluate it negatively. The reference points of the positive perception of the Republic were the lexemes *friendly, own, hospitable*, and the negative – *poor*. To define modern Mordovia, the respondents most often chose such evaluation lexemes as *hospitable, friendly, own, conflict-free, cultural, sunny, open*. The symbolic image of the region for the majority of the respondents is associated with the coat of arms of the region, the fox, the self-designation region 13, the birch and Mastorava, the goddess of the Earth.

Conclusion. The results of the sociological survey revealed the predominance of positively colored lexemes of the respondents' responses, which serve to characterize the region and its inhabitants. Mordovia is most often correlated with officially approved symbols of the territory and its self-designation, as well as with the images personifying such parameters of Mordovian mythology as fertility and the femininity.

Keywords: ethnocultural brand, uniqueness of the region, perception of the region, visual image, lexical perception, evaluation lexeme, Republic of Mordovia

For citation: Pakshina IA, Maskaeva EN. Lexical and symbolic representation of the image of modern Mordovia by the population of the Republic. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;1:85–97. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.85-97.

REFERENCES

1. Abushkin RR, Pronina IN. Cultural brand of the Republic of Mordovia as a project strategy for the development of the territory. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie* = Municipality: Economics and Management. 2017;4:33–40. URL: <https://editorial.municipality.expert/file/897CEF89-DA5D-4873-ABDC-3861F4472F45> (accessed 30.08.2022). (In Russ.)
2. Barthes R. *Le système de la mode. Essais de sémiologie de la culture*. Moscow; 2003. (In Russ.)
3. Berendeev MV, Beletskaya TV. Symbolic capital of a regional geobrand in mediadiscourse (Kaliningrad case). *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia* = Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniija. 2021;1:7–14. (In Russ.). DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10101.
4. Bogatova OA. Social technologies of management of republican and Russian identity in estimations of the population of the Republic of Mordovia: experience of qualitative social research. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdu-narodnye otnosheniia* = Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2017;1;1:54–70. (In Russ.)
5. Bogatova OA, Chirkova ON. Formation of the ethno-cultural image of the Republic of Mordovia in regional branding. *Regionologiya* = Regionology. 2013;3:68–75. (In Russ.)
6. Bodrova OA. Murmansk region in search of regional brands: revisiting theory and practice of territorial branding. *Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian*

- Studies. 2019;16:20–42. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.20-42. (In Russ.)
7. Bourdieu P. *Le Sens pratique*. Saint-Petersburg; Moscow; 2001. (In Russ.)
  8. Vazhenina IS, Vazhenin SG. Image and reputation as strategic components of the region's intangible assets. *Ekonomika regiona = Economy of Regions*. 2010;3:95–103. (In Russ.)
  9. Kazakova KA, Gorunovich AN. The use of visual communication media in the promotion of the territory brand (on the example of Komi Republic). *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia = Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia*. 2018;1:158–170. (In Russ.)
  10. Lyakisheva VG, Dobrynina IYu. Image of Altai Krai: influence of regional brands on the level of social and economic development of the territory. *Ekonomika. Professiia. Biznes = Economics. Profession. Business*. 2017;4:42–48. (In Russ.)
  11. Makarova GI. The ethnic-cultural image of Tatarstan and its regional branding promotion: the strategy and evaluation of the political elite. *Etnograficheskoe obozrenie = Etnograficheskoe obozrenie*. 2018;5:128–145. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086954150001480-8.
  12. Mal'kova VK, Tishkov VA. Anthropology of historical and cultural brands of territories, regions and places. *Kul'tura i prostranstvo: istoriko-kul'turnye brendy i obrazy territorii, regionov i mest: monogr. = Culture and space: historical and cultural brands and images of territories, regions and places. Monograph*. Rostov on Don; 2012:6–57. (In Russ.)
  13. Popova OI, Grigor'eva ES, Morozova IJu. Image policy of the territory: analysis of the image of Ekaterinburg. Monograph. Ekaterinburg; 2015. (In Russ.)
  14. Pocheptsov GG. *Semiotics*. Moscow; Kiev; 2002. (In Russ.)
  15. Pronina IN, Sirotina IL, Shorokhova MA. Branding strategies of the city of Saransk in the context of the category of “Quality of Life”. *REGIONOLOGIJA = REGIONOLOGY*. 2017;25;3:407–420. (In Russ.)
  16. Ruzavin LN. Technologies for formation of constituent entity of the federation image in the conditions of modern territorial organisation of Russia. *Regionologiya = Regionology*. 2009;4:42–49. URL: <https://regionsar.ru/node/413> (accessed 25.08.2022). (In Russ.)
  17. Tul'chinskii GL. Total Branding: mythodesign of the post-information society. Brands and their role in modern business and culture. Saint-Petersburg; Moscow; 2013. (In Russ.)
  18. Fedotova NG. Symbolic capital of the place: notion, peculiarities of accumulation, research methods. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiia i iskusstvovedenie = Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2018;29:141–155. (In Russ.). DOI: 10.17223/22220836/29/13.
  19. Fedotova NG, Vasilyeva NY. The Symbolic Capital of Veliky Novgorod in discourse of social media. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia = Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia*. 2017;2:119–127. (In Russ.)
  20. Foli Dzh. *Encyclopedia of signs and symbols*. Moscow; 1997. (In Russ.)
  21. Khoroltseva EB. Design of ethno-cultural brand of the region as a resource for managing the territory development. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2018;13;2:23–36. (In Russ.). DOI: 10.22394/2071-2367-2018-13-2-23-36.
  22. Khramov VB, Frokina TN. “Territory brand” as a concept of culturology. *Kul'turnaia zhizn' Iuga Rossii = Cultural Studies of Russian South*. 2019;1:71–75. (In Russ.)
  23. Sharonov AM. *Mordovian heroic epic: plots and heroes*. Saransk; 2001. (In Russ.)
  24. Kovalenko TV, ed. *Ethnocultural branding of the territory in the context of the regional development strategy: scientific and methodological approaches and practices*. Monograph. Moscow; 2020. (In Russ.). DOI: 10.34685/HI.2019.36.91.012.

Submitted 27.09.2022; reviewing 12.11.2022; accepted 26.12.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

I. A. Pakshina – Candidate Sc. {Cultural Studies}, Lead Research Fellow, Editorial and Publishing Department, Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, iraida-69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3050-2127>

E. N. Maskaeva – Senior Research Fellow, Editorial and Publishing Department, Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, elena-maskaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8889-3170>

Региональные практики и механизмы поддержки этнической идентичности коренных малочисленных народов Югры

Наталья Витальевна Ткачук

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск, Россия*

Введение. В статье на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры рассматриваются региональные ориентиры этнокультурной политики, выделяются некоторые законодательные особенности защиты, сохранения самобытности представителей коренных малочисленных народов. Актуализируются этническая идентичность, самоидентификация представителей титульных этносов. Цель исследования – выявить роль этнокультурных практик в вопросе этнической идентичности хантов, манси, ненцев.

Материалы и методы. Теоретическую основу составили исследования в изучаемой области, в частности труды отечественных авторов, касающиеся этнокультурной идентичности. Используются официальные материалы (законы, документы) региональной думы, уставы общественных организаций.

Результаты исследования и их обсуждение. Было установлено, что в этнокультурном пространстве обско-угорских и самодийских народов ключевыми являются законодательные механизмы, направленные на поддержание и сохранение этнокультурных традиций, деятельность общественных организаций обско-угорских и самодийских народов в каждом районе округа. Внимание уделено вопросам жизнеспособности родных языков в современных условиях, возрождению традиций на основе обрядовых праздников, традиционных искусств.

Заключение. Существующие в регионе законодательные механизмы в отношении коренных малочисленных народов построены по принципу общегосударственного, регионального подходов. В современных условиях у самих коренных малочисленных народов Югры возрастает интерес к этнокультурному наследию. Происходят возрождение традиций, празднеств, обычаев, популяризация родных языков.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, Югра, этническая идентичность, законодательство, регион

Для цитирования: Ткачук Н. В. Региональные практики и механизмы поддержки этнической идентичности коренных малочисленных народов Югры // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 1. С. 98–109. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.98-109.

Введение

Для Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО-Югры) представляют актуальность социокультурные процессы, происходящие в среде титульных этносов. Например, в результате интенсивных промышленных разработок вблизи границ территорий традиционного природопользования утрачивается традиционное землепользование коренных народов (владельцев оленеводческих хозяйств); следствием низкой языковой коммуникации и компетентности на родном языке реальной представляется угроза для будущих поколений обских угров полной утраты родного (материнского) языка. В подобных ситуациях в одиночку не решить проблемы, вызванные време-

нем. Объектом исследовательского интереса становятся региональный опыт, механизмы, с помощью которых коренные малочисленные народы Севера (КМНС), проживающие в ХМАО-Югре, сохраняют, проявляют этническую идентичность, особенно в межэтнических, межкультурных условиях.

Стремление к неповторимости, «самости» человека в поликультурном разнообразии приводит к вопросу идентичности. На основе социологических исследований автор имеет некоторый опыт изучения темы этнической идентичности титульных народов Югры [21] и намерение целенаправленно исследовать региональные практики, законодательные решения, направленные

на поддержку этнической стабильности титульных этносов в межкультурных условиях. Можно предположить, что налаженный региональный законодательный опыт в отношении представителей КМНС, общественный опыт работы лидеров из числа КМНС в автономии оказывают влияние на положительное социальное самочувствие, этническую идентичность и консолидацию титульных этносов.

Обзор литературы

В работе использованы междисциплинарные труды отечественных авторов по истории и этнологии, социологии, уже ставшие классическими в современных теориях этнических, этнокультурных процессов [5; 8]. В разнообразии исследованных проблем этнической идентичности КМНС следует выделить монографию Е. В. Переваловой, в которой утверждается, что опыт Северо-Западной Сибири важен для выработки Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. Накопленный опыт показывает, что гармонизация этнодиалога осуществима не только государственными регламентами, но и средствами этнодипломатии, а также путем активации этнокультурного наследия и потенциала разных народов как конкурентного преимущества России [19, 8].

В контексте региональной идентичности Е. А. Пивнева с опорой на данные других исследователей отмечает, что социальная общность ХМАО-Югры находится в стадии формирования, ее жители в основном идентифицируют себя с определенным городом, предприятием или Россией в целом и гораздо в меньшей степени – с округом. Эти проблемы оказываются в фокусе пристального внимания окружных властей, которые предпринимают различные шаги для их решения. Автором подчеркивается, что коренные малочисленные народы Севера и их культура являются важными составляющими имиджа ХМАО-Югры [18, 143–144]. Е. А. Пивнева выражает согласие с мнением С. Д. Батомункуева о том, что рациональное осмысление проблем этнической идентичности должно элиминировать стереотипное представ-

ление об этнических меньшинствах как об однообразной социокультурной и политической массе, переживающей и решающей исключительно проблемы своей идентификационной уязвимости в условиях динамично развивающихся процессов современного полиэтничного общества. В связи с этим в качестве одной из перспективных исследовательских задач этнологии / социально-культурной антропологии представляется изучение транскультурных идентичностей как особых форм культурного многообразия – когда люди живут и мыслят себя одновременно в разных культурных измерениях [17, 112].

Этническая идентичность на примере хантов, манси, ненцев Ханты-Мансийского автономного округа рассматривалась в работах В. В. Мархина, И. В. Удаловой [15], И. Е. Пестриковой [20], Т. Г. Харамзина, Н. Г. Хайруллиной [24] и др. Занимаясь изучением экономики традиционного природопользования КМНС Югры, Т. Г. Харамзин косвенно затрагивает вопросы трансформации этничности титульных этносов [23]. В. А. Филипенко, обосновывая законодательный опыт Югры, акцентирует внимание на внутрорегиональных механизмах поддержки КМНС и их своевременности [22]. Исследовательский интерес к изучению этноидентичности народов Севера и Сибири проявляется в публикациях Н. А. Бутенко [3], Е. А. Ерохиной [9], М. А. Жигуновой [10] и др.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили примеры регионального опыта в решении вопроса этнической идентичности титульных этносов, в частности законодательные, нормативные документы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера), а также социокультурные практики (общественные организации, демонстрационные мероприятия, направленные на консолидацию этнических групп). Опубликованные научные работы, региональные законы, документы составили его эмпирическую базу. Основным методом исследования явился метод анализа.

**Результаты исследования
и их обсуждение**

Традиционно Ханты-Мансийский автономный округ – Югра представляется как нефтепромышленный регион. Помимо социально-экономической привлекательности автономный округ имеет свои культурные и исторические особенности. Исконно Югра является местом проживания коренных малочисленных народов. Ханты, манси, ненцы – народы, локально сохраняющие традиционный образ жизни и хозяйствования (охота, рыболовство, оленеводство), считающие себя самостоятельными. По мнению М. Н. Губогло, «коренные народы» – это мощный фактор формирования этнической идентичности и он заложен в концепции национального суверенитета [5, 16].

Гарантии защиты прав коренных малочисленных народов закреплены Уставом ХМАО-Югры (гл. 10), который региональная дума приняла 26 апреля 1995 г., «...исходя из принципа равноправия субъектов Российской Федерации и необходимости сохранения целостности Российского государства, стремясь обеспечить достойную жизнь, гражданский мир и согласие, равные права российских граждан, защиту интересов коренных малочисленных народов, основываясь на Конституции Российской Федерации...»¹.

В структуре общей численности населения автономного округа (1 674 676 чел.) коренные народы составляют национальное меньшинство, всего 2 %. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в целом в РФ численность манси составляет 12 269 чел., хантов – 30 943, ненцев – 44 640, но в автономном округе титульных коренных народов насчитывается менее 50 тыс. чел. (31 483 чел.), таким образом, данные народы относятся к малочисленным. В отдельно взятые периоды в ХМАО-Югре отмечался быстрый рост численности коренных народов Севера, например в первой половине 1990-х гг. с 19,6 тыс. до 28,4 тыс. чел. Положительную демографическую динамику КМНС Югры

исследователи связывают с различными причинами, среди которых называются социально-экономические меры государственной поддержки, адресованные представителям титульных этносов [14, 515].

При анализе сложившегося социокультурного пространства КМНС в формулировке проблемы употребляются такие термины и словосочетания, как «самодостаточность», «самосохранение», «саморазвитие социокультурного пространства в регионе» [7, 412–414]. Внимание исследователей привлекает «...сохранение этнической идентичности коренных народов в условиях глобализации...» [3] или требующая к себе особо деликатного отношения «...этничность, понимаемая не как дань уходящей традиции, а как живой механизм (и код) социальности, в котором реализуется общность взаимопонимания, коммуникации и безопасности» [19, 8]. На прошедшей в 2012 г. в Салехарде научно-практической конференции «От родовых общин – к парламенту Ямала», посвященной народам северных регионов России, одним из основных аспектов обсуждения научным сообществом стал вопрос о концептуальных поисках оснований региональной идентичности в контексте идентичности как ресурса для регионального развития [1, 4].

Известно, что северный регион неоднороден, представлен сложными географическими, природно-климатическими факторами, межкультурными и языковыми процессами, при этом остается этнически ярким и наполненным, многоконфессиональным, в связи с чем в современных исследованиях картина этнической идентичности рассматривается с позиции глобализации. Исследователем идентичности Л. М. Дробизевой отмечено, что «человечество столкнулось с проблемой сочетания глобализации, универсализма и актуализации различий, в том числе национальных, этнических, расовых, религиозных. Для обществ, в которых происходят быстрые трансформации одновременно во всех сферах жизни, она стала особенно болезненной...» [8, 213].

¹ Устав (Основной закон) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: <https://admhmao.ru/obkrugue/ustav/glava10/> (дата обращения: 15.12.2021).

Внимание ученых к процессу глобализации и его влиянию на идентичность длительное время не ослабевает. Исследователи утверждают, что интенсивное развитие процесса глобализации – очевидный факт современной истории, который делает относительными любые национальные границы. Постоянная модернизация большинства сообществ, этнополитическая интеграция, непрерывно растущая доля массовой культуры и разнообразные перемещения человека по земному шару делают людей похожими. Глобализация, мировые и интеграционные процессы, появление новых независимых государств, массовая миграция населения, глубинная трансформация политической и общественной жизни вызвали интерес к проблеме идентичности, т. е. принадлежности индивида к тому или иному этносу [11, 19].

В процессе формирования идентичности исследователи выделяют решающую роль государства [6, 31], государственной национальной политики, в которой проявляется позиция не только классифицирующего, но и иерархического мышления [16, 139]. Отмечается также, что идентичность не утратила актуальности, в разнообразии своих проявлений еще не до конца осознана отечественной наукой, многие ее характеристики пока описаны, осмыслены и обобщены далеко не исчерпывающе [13, 3].

Для успешного социокультурного развития социальных (этнических) групп в условиях глобализации важны социальные, экономические и политические решения. В Основном законе Российской Федерации (ст. 69) прописаны гарантии прав коренных народов². Во исполнение Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Рос-

сийской Федерации» утвержден Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации³.

Кроме общегосударственного законодательства по отношению к титульным малочисленным народам осуществляется законотворчество субъекта, на территории которого они проживают. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра имеет свои законодательные практики, связанные с сохранением этнического наследия КМНС, выраженные в законах, концепциях, окружных программах. Основные льготы титульным этносам направлены на то, чтобы сберечь их самобытность и уникальность. Ключевая роль в этом вопросе принадлежит правовым механизмам, с помощью которых исполнительные органы власти реализуют меры региональной поддержки этнокультурных идентичностей КМНС Югры.

Для коренных народов Югры остается актуальным традиционный способ самообеспечения. Охота, рыболовство, оленеводство, заготовка дикоросов – по-прежнему основные способы жизнеобеспечения. В региональном правовом поле существует понятие «территория традиционного природопользования»⁴. Специальным законом прописаны права пользования данными охранными территориями (родовыми угодьями), субъектом которых являются лица, относящиеся к коренным малочисленным народам Севера (ханты, манси, ненцы), проживающие на территории Югры. Родовые угодья представляют собой своего рода островки с этническими группами, внутри которых сохраняются традиционный уклад хозяйствования и родной язык, благодаря чему эти группы сильнее ощущают этнические связи, родство, этническую идентичность. Названия предметов охотоведения, оленеводческого

² См.: Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter3> (дата обращения: 15.12.2021).

³ См.: Постановление Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 (ред. от 26 мая 2000 г.) «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации»: URL: <https://fadn.gov.ru/documents/prochee/9095-postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-24-03-2000-n-255-red-ot-26-05-2020-o-edinom-perechne-korennyh-malochislennyh-narodov-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 15.12.2021).

⁴ См.: Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 28 декабря 2006 г. № 145-оз «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». URL: <https://www.dumahmao.ru/decisions/detail.php?ID=7082> (дата обращения: 15.12.2021).

хозяйства и рыболовства на исконных языках хантов, манси, ненцев еще применяются на практике.

Отрасли природопользования и традиционного уклада жизни коренных народов имеют широкую правовую основу. Прежде всего это законы «О традиционных видах деятельности коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (2001 г.), «Об общинах коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (2001 г.), «О поддержке органами государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры организаций, осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность коренных малочисленных народов Севера» (2003 г.), «О развитии северного оленеводства в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (2004 г.), «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (2006 г.), «О факториях в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (2010 г.).

Особое значение в законодательной системе региона имеет правовое регулирование в целях реализации права коренных малочисленных народов Севера на сохранение и развитие национально-культурной самобытности: законы «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» (2001 г.), «О фольклоре коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» (2003 г.), «О поддержке средств массовой информации, издаваемых на языках коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (2004 г.)⁵, «О святынях коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном

округе – Югре» (2005 г.). Инструменты правовой поддержки определяют общие принципы, меры, направления, условия поддержки социокультурного развития КМНС Югры.

Ханты-Мансийский автономный округ – первый субъект России, где был определен и реализован институт представительства коренных малочисленных народов – Ассамблея представителей коренных малочисленных народов Севера (1996 г.)⁶. С созданием специального законодательного органа (Ассамблеи) в составе региональной думы стал формироваться опыт защиты, выражения интересов от имени представителей КМНС, проживающих в Югре.

Как видим, активная законодательная практика поддержки КМНС автономного округа началась недавно и пришлась на 2001–2010 гг. Е. В. Первалова, подробно описавшая региональный законодательский опыт защиты прав представителей КМНС Ханты-Мансийского автономного округа, отмечает: «С начала 2000-х гг. думская Ассамблея проводит большую работу по созданию правовой базы в защиту интересов коренных жителей Югры и расширяет сферу взаимодействия не только в финно-угорском мире, но и на международной арене, активно участвуя в деятельности рабочих групп по аборигенным народам Совета Европы, ООН, ЮНЕСКО. В свою очередь, “уникальному” институту этнического представительства в окружном законодательном органе (в РФ аналогов такой структуры нет) гарантирована международная поддержка» [19, 333].

Руководящие идеи для решения задач социокультурного развития малочисленных народов в автономном округе в целом предусмотрены Концепцией устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, утвержденной постановлением Правительства ХМАО-

⁵ См.: Коренные малочисленные народы Севера. URL: <http://www.dumahmao.ru/zclass/thelegaldeviceisstate/komarsever/> (дата обращения: 14.12.2021).

⁶ См.: Постановление Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 6 октября 2016 г. № 8 «О Положении об Ассамблее представителей коренных малочисленных народов Севера Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». URL: <https://www.dumahmao.ru/assemblyoftherepresentativesofthenorth/regulationstsassemblies/> (дата обращения: 14.12.2021).

Югры от 27 мая 2011 г. № 183-п⁷. Среди мер государственной поддержки КМНС Югры разработка целевых программ является способом реализации направлений Концепции. До 2020 г. в округе действовала программа «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2016–2020 годы». В настоящее время в округе реализуется государственная программа «Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера», которая содержит комплекс подпрограмм: подпрограмма 1 «Развитие традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера и повышение уровня его адаптации к современным экономическим условиям с учетом обеспечения защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни»; подпрограмма 2 «Содействие развитию традиционной культуры, фольклора и национальных ремесел, повышение уровня жизни и образования коренных малочисленных народов»⁸. Региональные меры поддержки КМНС Югры направлены на создание благоприятных условий для социально-экономического развития коренных народов, повышения уровня, качества жизни и образования.

Распорядительные, управленческие, организационные действия окружных органов законодательной и исполнительной власти представлены широким спектром мероприятий. Например, исполнительный орган – Департамент культуры ХМАО-Югры берет на себя организацию, координацию, бюджетное финансирова-

ние государственных и муниципальных учреждений, задействованных в вопросах сохранения, возрождения, изучения традиционной культуры КМНС Югры. В центре внимания находятся календарные национальные праздники: Праздник угощения Луны “Тылащ пори”, Вороний день “Вурна Хатл”, Праздник трясогузки “Вурщик Хатл”, традиционные праздники: День оленевода, День КМНС ХМАО-Югры, Международный день коренных народов мира⁹ и др.

День оленевода – одно из ярких событий года для профессиональных оленеводов. В нем участвуют целые оленеводческие семьи, их навыки и мастерство традиционной деятельности передаются из поколения в поколение. Таким образом сохраняются династии оленеводов из Белоярского, Березовского, Сургутского, Нижневартовского районов, г. Когалыма.

В автономном округе осуществляется поддержка художественной самодеятельности, в частности самобытного творчества художников, скульпторов из числа представителей КМНС. В их числе – мансийский художник, скульптор Петр Шешкин¹⁰, хантыйский художник Митрофан Тебетев¹¹. За период 2018–2020 гг. на площадках бюджетных учреждений культуры самими носителями, знатоками языка и традиций были разработаны различные этнические проекты: «Окружная школа мастеров по изготовлению и обучению на музыкальных инструментах обско-угорских народов»¹², «Диалог национальных культур», Школа Медвежьих игрищ «Сказок и песен дом»¹³, лекции «Вековые

⁷ См.: Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера. URL: <https://kmns.admhmao.ru/kontseptsiya/> (дата обращения: 13.01.2022).

⁸ См.: Государственная программа автономного округа «Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера». URL: <https://kmns.admhmao.ru/gosudarstvennaya-programma-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-ustoychivoe-razvitiye-korennykh/> (дата обращения: 12.01.2022).

⁹ См.: Праздники коренных народов Югры. URL: <https://kmns.admhmao.ru/prazdniki-korennykh-narodov-yugry/> (дата обращения: 11.01.2022).

¹⁰ Петр Ефимович Шешкин (1930–1981) – скульптор, художник, родился в с. Ломбовож Березовского района Тюменской области. Собирает мансийского фольклора, орнаментов, составитель словаря мансийского языка.

¹¹ Митрофан Алексеевич Тебетев (1924–2011) – хантыйский художник, родился в д. Лохтоткурт Октябрьского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, член Союза художников России. Создавал картины близкой ему темы жизни и быта коренных жителей Севера.

¹² Официальный сайт Автономного учреждения ХМАО-Югры «Окружной дом народного творчества». URL: <https://odntugra.ru/projects-events/2320/?project=Y> (дата обращения: 11.01.2022).

¹³ См.: Окружная школа Медвежьих игрищ. URL: <https://odntugra.ru/deyatelnost/creation/list/1121/> (дата обращения: 11.01.2022).

хранители мудрости»¹⁴, медиапроекты «История семьи в истории страны – след прожитой жизни»¹⁵. В основе проектов лежат практики сохранения, демонстрации и передачи этнокультурного наследия хантов, манси, ненцев, участие подрастающего поколения с погружением в процесс (обрядового действия).

На региональном уровне в 1989 г. была образована общественная организация «Спасение Югры»¹⁶, среди задач которой – сохранение этнической самобытности, уклада жизни, культуры титульных этносов, проживающих в регионе. В 1995 г. была создана Молодежная организация обско-угорских народов ХМАО-Югры. Имея разветвленную структуру отделений и филиалов в 12 муниципальных образованиях округа¹⁷, она охватывает инициативные группы молодежи в местах компактного расселения КМНС. Лидеры и члены организации участвуют во всех этапах реализации социально-культурных проектов по сохранению традиционной культуры обско-угорских народов. Примерами молодежных инициатив, направленных на пропаганду традиционной духовной и материальной культуры КМНС Югры, могут служить языковые практики, фотоконкурсы, творческие мастерские. На общественных началах студенческая молодежь Югорского государственного университета в течение 2014–2016 гг. проводила бесплатные языковые курсы по изучению языков хантов, манси.

Особый интерес у представителей КМНС вызвал фотоконкурс «Миг и вечность», подготовленный в рамках проекта «Родовое гнездышко»¹⁸. В основу фото-

проекта была положена идея презентации этничности обских угров и ненцев через фотоматериалы 1930–1980-х гг. – черно-белые фотографии из семейных архивов, отображающие людей в традиционных одеждах за изготовлением предметов традиционных ремесел, бытовой утвари, орудий промысла и с изображением прочих этнографических особенностей. Фотоматериалы запечатлели самобытные формы традиционной одежды обских угров и ненцев. Женщины в прошлом украшали платье ткаными узорами, головы покрывали яркими платками. Мужская рубаша дополнялась традиционным поясом охотника или оленевода. Рассуждая на тему визуализации этничности, этнографии в «вещах и изображениях», российский антрополог А. В. Головнев отмечает, что такие «слежки этничности» достойны пристального внимания [4, 74].

Проект «Мастерская по изготовлению традиционной одежды обско-угорских народов»¹⁹ объединил молодых участников, которые под руководством народных мастеров²⁰ перенимали навыки декоративно-прикладного искусства, переходящие из поколения в поколение приемы работы с природным материалом – мехом, берестой, рыбьей кожей и пр.

Члены молодежной организации принимают активное участие в мероприятиях, консолидирующих финно-угорскую молодежь. Молодые ханты, манси, ненцы на региональных и международных площадках представляют культурное наследие предков в песенном фольклоре, традиционной хореографии, регулярно выступают на конкурсе «Мисс студенчества Финно-Угрии»²¹.

¹⁴ См.: Онлайн-лекции «Вековые хранители мудрости». URL: <https://torummaa.ru/onlajn-lekcii-vekovye-hraniteli-mudrosti-anons/> (дата обращения: 12.01.2022).

¹⁵ См.: История семьи в истории Югры. URL: <https://torummaa.ru/istorija-semi-v-istorii-jugry-i-rossii-opyt-raboty-muzeja-torum-maa/> (дата обращения: 12.01.2022).

¹⁶ Официальный сайт Общественной организации «Спасение Югры». URL: <http://spaseniuegry.ucitizen.ru/> (дата обращения: 15.12.2021).

¹⁷ См.: Устав Молодежной организации обско-угорских народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: http://mooun_hmao.ucitizen.ru/ (дата обращения: 10.11.2021).

¹⁸ См.: Самсонова И. Фотовыставка «Миг и вечность» // Ханты Ясанг. 2016. № 3.

¹⁹ См.: В окружном доме народного творчества продолжается набор в мастерскую «Живая традиция». URL: <https://depcultura.admhmaa.ru/vse-novosti/1171679/> (дата обращения: 12.01.2022).

²⁰ Мерова Мария Сергеевна (1938 г.) – народный мастер России; Гришкина Надежда Алексеевна (1973 г.) – народный мастер Югры.

²¹ См.: Ханты-Мансийск принимает IX международный конкурс «Мисс студенчества Финно-Угрии – 2021». URL: <https://admhmao.ru/press-center/vse-press-relizy/6573915/> (дата обращения: 13.01.2022).

Для регионов России актуальность имеет вопрос построения позитивной этнической идентичности. Жители субъектов страны сравнивают жизнь в соседствующих регионах, оценивают, выбирают. Как справедливо отмечает Н. П. Копцева, сегодня достаточно широко применяются практики конструирования этнической идентичности на всех уровнях социальной жизни индивида и общества в целом. Главным образом это публичные поля (организация национальных празднеств, специальные выпуски в СМИ), представляющие собой символическое пространство репрезентации образа этнокультурной группы, с помощью которого этничность не только социально воспроизводится, но и возникает заново, создается в каждом конкретном человеческом существовании [12, 4]. Исследователями подчеркивается, что начиная с 1990-х гг. по настоящее время в связи с новыми парадигмальными, внешне- и внутривосточными, социально-экономическими, идеологическими трансформациями происходит заметное усиление интеграции внутри финно-угорского сообщества [2, 448].

Вопрос сохранения родного языка в системе социокультурного развития малочисленных этнических групп в регионе остается одним из значимых. Региональная языковая политика по отношению к родным языкам титульных этносов изначально связана с законодательством, ее инициаторами выступают парламентарии Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов. Известно, что в автономном округе языки титульных народов не используются в широких коммуникативных ситуациях. Незначительную долю основных коммуникаторов родного языка составляют представители старшего возраста. Для детей, молодежи основным и первым языком общения является русский. В связи с этим особого внимания заслуживают принимаемые меры для сохранения родного языка титульных этносов с помощью СМИ и информационных ресурсов.

Социокультурные, экономические и политические события в финно-угорском мире освещаются государственной теле-

радиокомпанией «Югория», окружными газетами на национальных языках: «Луима сэрипос» (с манс. «Северная заря»), «Ханты Ясанг» (с хант. «Хантыйское слово»). Общий годовой тираж национальных газет составляет более 90 тыс. экз., учредителем выступает правительство автономного округа. Корреспонденты СМИ, являясь носителями родных языков, пишут, публикуют материалы на этих языках, что дает возможность читателям ощущать близкие связи, общую этническую идентичность. За время существования (60 лет) национальные СМИ выполняли объединяющую функцию для представителей титульных народов. В современных условиях национальные газеты вышли из традиционного формата печатных СМИ и создают интернет-контент в социальных сетях. Как и многие национальные СМИ в современном полиэтничном мире, окружные газеты на родных языках хантов, манси испытывают проблемы, которые заключаются в подготовке профессиональных журналистов из числа КМНС.

Кроме СМИ вопросы, касающиеся перспектив родных языков, этнической самоидентификации в автономном округе, находят отражение в образовательных программах школ, детских садов, языковых курсов. В некоторых школах региона родные языки КМНС преподаются за счет регионального компонента учебного плана для учащихся начальных, средних классов. Например, в национальном поселке Теги Березовского района успешно реализуется проект «Языковое гнездышко» по изучению детьми хантыйского языка. Березовский район является местом с преимущественным расселением титульных народов Югры. С учетом уникальности культурно-исторической среды автономного округа в системе регионального образования предусмотрены дошкольные и школьные программы по изучению традиционной культуры и языков КМНС Югры, однако очевидно, что для глубокого знания родного языка факультативного подхода недостаточно.

В муниципальных образованиях созданы этнокультурные центры, в которых ведется работа по сохранению языков обских

угров, прикладного народного творчества. Так, с 2007 г. в столице округа действует Детский этнокультурный образовательный центр “Лылынг Союм”²² (с манс. «Живой ручеек»). Методическая служба центра состоит из педагогов – носителей родных языков, традиционных знаний культуры обско-угорских народов: декоративно-прикладного искусства (бисероплетение, шитье из меха и сукна, природных материалов), хореографии (танцы, отражающие повседневный быт охотника, оленевода, рыбака, имитирующие сбор ягод в лесу и пр.) и музыкальных инструментов (*санквылтан, тор-сапль-юх* – струнные инструменты обско-угорских народов). Таким образом выстроена система передачи и трансляции знаний подрастающим поколениям от людей, обладающих уникальным опытом в традиционной среде жизнедеятельности.

Анализ официальных контентов с содержанием региональной специфики (этничности) показывает содержательность национальной политики в регионе. Существуют площадки, на которых проявляется яркая этническая идентичность титульных этносов, но в большинстве своем они сосредоточены в городском пространстве.

Заключение

Автономный округ имеет собственное региональное законодательство, которое охватывает различные стороны, связанные с сохранением материальной и духовной культуры КМНС Югры. В структуре правительства автономии исполнительную, организационную деятельность по под-

держке культурного наследия коренных народов выполняют отраслевые органы власти и подведомственные им организации. Реализуемые меры и способы сохранения социокультурного пространства представителей титульных этносов Югры мотивируют коренные народы на этническое самосохранение и идентификацию. Среди ожидаемых результатов принятых мер – проектная деятельность общественных организаций округа, в которой основными мобильными силами являются сами представители молодого поколения обских угров и ненцев.

В настоящее время правовые гарантии, связанные с традиционным природопользованием, родными языками КМНС Югры, а также информационные языковые ресурсы, образовательные площадки по изучению родных языков и традиционной культуры титульных народов являются базовыми категориями в вопросе складывания этнической идентичности хантов, манси, ненцев. В основе применяемых в регионе практик этнокультурной идентичности лежит предыдущий опыт лидеров из народа – представителей старшего поколения, используются знаки, символы, характерные для культурного наследия обско-угорских народов и групп ненцев, проживающих в Югре. Допустимо предположить, что именно эти практики, основанные на поколенческом опыте, поддерживают этнические связи обско-угорских и самодийских народов на определенном уровне, насколько это возможно в неизбежных процессах этнокультурных трансформаций.

²² Официальный сайт образовательной организации “Лылынг Союм”. URL: <http://lylyngsoyum.ru/load/24-1-0-345> (дата обращения: 12.01.2022).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арктические регионы России: Проблемы парламентаризма, представительства и региональной идентичности (от родовых общин – к парламенту Ямала): сб. науч. тр. по итогам науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. Н. Руденко. Екатеринбург; Салехард: Баско, 2013. 232 с.
2. Беломоева О. Г., Кондратенко Ю. А. Этнокультурная традиция в современном мире: функциональный аспект // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 447–456. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.04.447-456.
3. Бутенко Н. А. Этническая идентичность коренных народов Севера в современных условиях: теоретические основания и проблема сохранения // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 7. С. 1409–1414. DOI: 10.30853/mns210263.
4. Головнев А. В. Визуализация этничности: музейные проекции // Уральский истори-

- ческий вестник. 2019. № 4. С. 72–81. DOI: 10.30759/1728-9718-2019-4(65)-72-81.
5. Губогло М. Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 765 с.
  6. Гусейнзаде Ч. С., Мусаев Т. Ф. Национальная идентичность и гражданский национализм как стратегические ресурсы современного общества в условиях глобализации // Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 28–29 сент. 2013 г. Прага, 2013. С. 29–38.
  7. Давыденко В. А., Ромашкина Г. Ф., Печеркина И. Ф. Моделирование социально-культурного пространства региона (на примере Тюменской области) // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М., 2015. С. 411–441.
  8. Дробижина Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. Ежегодник-2002. М., 2002. С. 213–244.
  9. Ерохина Е. А. Стратегии и формы этнической идентификации большинства и меньшинства в межэтнических сообществах Сибири // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2019. С. 41–47. DOI: 10.17746/0295-7.2019.041-047.
  10. Жигонова М. А. Междисциплинарный подход к изучению этнокультурной и региональной идентичности (на примере Сибири) // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2019. С. 35–40. DOI: 10.17746/0295-7.2019.035-040.
  11. Зенович Д. В. Этническая идентичность как основа этнической толерантности на индивидуальном и групповом уровнях в условиях глобализации // Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 28–29 сент. 2013 г. Прага, 2013. С. 19–24.
  12. Кошчева Н. П., Середкина Н. Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе: моногр. Красноярск: СФУ, 2013. 183 с.
  13. Королев К. Поиски национальности в советской и постсоветской массовой культуре: славянский метасюжет в отечественном культурном пространстве. СПб.: Нестор-История, 2019. 376 с.
  14. Логинов В. Г. Динамика численности коренных этносов Уральского Севера // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. XIX Югорские чтения (1 декабря 2020 г., Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск, 2021. С. 512–520.
  15. Мархинин В. В., Удалова И. В. Динамика тревог за этническое будущее (по материалам социологических опросов представителей народов Севера и русских Югры в 1991–2011 гг.) // Вестник угроведения. 2013. № 1. С. 91–100.
  16. Осипова О. В., Маклашова Е. Г. Идентичности молодежи Арктики // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 139–144.
  17. Пивнева Е. А. Коренные малочисленные народы Севера в поликультурном пространстве Западной Сибири: к проблеме этнической идентификации // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 68. С. 109–115. DOI: 10.17223/19988613/68/15.
  18. Пивнева Е. А. Югра как бренд: в поисках региональной идентичности // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 1. С. 140–148. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-1-140-148.
  19. Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть: моногр. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 350 с.
  20. Пестрикова И. Е. Роль географического фактора в формировании менталитета коренных малочисленных народов Западной Сибири // Омский научный вестник. 2010. № 4. С. 39–43.
  21. Ткачук Н. В. Этническая идентичность коренных малочисленных народов Югры: социологический анализ // Социальная компетентность. 2021. Т. 6, № 1. С. 142–152.
  22. Филипенко В. А. Реализация гарантий, предоставляемых коренным малочисленным народам Севера на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Oeconomia et Jus. 2017. № 4. С. 76–81.
  23. Харамзин Т. Г. Мониторинг социального самочувствия обских угров: моногр. СПб.: Миралл, 2006. 194 с.
  24. Харамзин Т. Г., Хайруллина Н. Г. Экологическое здоровье обских угров. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 269 с.

Поступила 13.01.2022; одобрена 12.02.2022; принята 26.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Н. В. Ткачук – научный сотрудник научно-исследовательского отдела социально-экономического развития и мониторинга Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, naksik1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8196-6821>

Regional practices and mechanisms of the support of ethnic identity of the indigenous peoples of Yugra

Natalia V. Tkachuk

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russia*

Introduction. On the example of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra the article considers the regional features of ethno-cultural policy. Some legislative features of the protection and preservation of the identity of representatives of indigenous minorities are distinguished. Ethnic identity and self-identification of representatives of the titular ethnic groups are updated. The purpose of the study is to reveal the role of ethno-cultural practices in reference to ethnic identity of the Khanty, Mansi, and Nenets.

Materials and Methods. The theoretical basis is the research in the relevant field, in particular, the works of national authors on ethno-cultural identity. Official materials such as laws and documents of the regional Duma and Charters of public organizations are used.

Results and Discussion. It was found that in the ethno-cultural space of the Ob-Ugric and Samoyed peoples, the key elements are legislative mechanisms aimed at maintaining and preserving ethno-cultural traditions, the activities of public organizations of the Ob-Ugric and Samoyed peoples in each district. Attention is paid to the issues of the viability of native languages in modern conditions, the revival of traditions based on ritual holidays and traditional arts.

Conclusion. It is concluded that the legislative mechanisms in relation to the indigenous peoples are built on the principle of national and regional approaches. In the present conditions, the interest of the indigenous peoples of Yugra to the ethno-cultural heritage is increasing. There is a revival of traditions, festivals, customs, and popularization of native languages.

Keywords: indigenous peoples, Yugra, ethnic identity, legislation, region

For citation: Tkachuk NV. Regional practices and mechanisms of the support of ethnic identity of the indigenous peoples of Yugra. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;1:98–109. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.98-109.

REFERENCES

1. Rudenko VN, ed. Arctic regions of Russia: Problems of parliamentarism, representation and regional identity (from tribal communities to the parliament of Yamal). Collection of scientific papers based on the results of a scientific and practical conference. Ekaterinburg; Salekhard; 2013. (In Russ.)
2. Belomoeva OG, Kondratenko YuA. Ethnocultural tradition in the modern world: functional aspect. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020;12;4:447–456. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.04.447-456.
3. Butenko NA. Ethnic identity of the indigenous peoples of the North in modern conditions: theoretical foundations and preserving issue. *Manuskript* = Manuscript. 2021;14;7:1409–1414. (In Russ.). DOI: 10.30853/mns210263.
4. Golovnev AV. Visualizing ethnicity: the museum projections. *Ural'skii istoricheskii vestnik* = Ural historical journal. 2019;4:72–81. (In Russ.). DOI: 10.30759/1728-9718-2019-4(65)-72-81.
5. Guboglo MN. Identity Identification: Ethno-sociological Essays. Moscow; 2003. (In Russ.)
6. Guseinzade ChS, Musaev TF. National identity and civic nationalism as strategic resources of modern society in the context of globalization. *Etnokul'turnaia identichnost' kak strategicheskii resurs samosoznaniia obshchestva v usloviakh globalizatsii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 28–29 sent. 2013 g.* = Ethnocultural identity as a strategic resource of society's self-awareness in the context of globalization. Proceedings of the International scientific and practical conference. September 28–29, 2013. Prague; 2013:29–38. (In Russ.)
7. Davydenko VA, Romashkina GF, Pecherkinina IF. Modeling the socio-cultural space of the region (on the example of the Tyumen Region). *Regional'naiia sotsiologiya: problemy konsolidatsii sotsial'nogo prostranstva Rossii* = Regional sociology: problems of consolidation of Russia's social space. Moscow; 2015:411–441. (In Russ.)

8. Drobizheva LM. The Russian and ethnic identities: opposition or compatibility. *Rossia reformiruiushchiasia. Ezhegodnik-2002* = Russia in reform. Yearbook-2002. Moscow; 2002:213–244. (In Russ.)
9. Erokhina EA. Strategies and forms of ethnic identification majority and minority in the interethnic communities of Siberia. *Etnokul'turnaia identichnost' narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii* = Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories. Novosibirsk; 2019:41–47. (In Russ.). DOI: 10.17746/0295-7.2019.041-047.
10. Zhigunova MA. Interdisciplinary approach to the study of ethnocultural and regional identity (on the example of Siberia). *Etnokul'turnaia identichnost' narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii* = Ethnocultural identity of the peoples of Siberia and adjacent territories. Novosibirsk; 2019:35–40. (In Russ.). DOI: 10.17746/0295-7.2019.035-040.
11. Zenovich DV. Ethnic identity as the basis of ethnic tolerance at the individual and group levels in the context of globalization. *Etnokul'turnaia identichnost' kak strategicheskii resurs samosoznaniia obshchestva v usloviakh globalizatsii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 28–29 sent. 2013 g.* = Ethnocultural identity as a strategic resource of society's self-awareness in the context of globalization. Proceedings of the International scientific and practical conference. September 28–29, 2013. Prague; 2013:19–24. (In Russ.)
12. Koptseva NP, Seredkina NN. Construction of a positive ethnic identity in a multicultural system. Monograph. Krasnoyarsk; 2013. (In Russ.)
13. Korolev K. The search for nationality in Soviet and Post-Soviet mass culture: Slavic metaplot in the Russian cultural space. Saint-Petersburg; 2019. (In Russ.)
14. Loginov VG. Dynamics of the number of indigenous ethnic groups of the Ural North. *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: traditsii i innovatsii: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. XIX Iugorskies chteniia (1 dekabria 2020 g., Khanty-Mansiisk)* = Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference XIX Yugra Readings (December 1, 2020, Khanty-Mansiysk). Khanty-Mansiysk; 2021:512–520. (In Russ.)
15. Markhinin VV, Udalova IV. Anxiety dynamics over the ethnic future (on materials of social surveys of the representatives of peoples of the North and the Russian population of Ugra in 1991–2011). *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2013;1:91–100. (In Russ.)
16. Osipova OV, Maklashova EG. Arctic Youth Identities. *Sotsiologicheskie issledovaniia* = Sociological Studies. 2015;5:139–144. (In Russ.)
17. Pivneva EA. Indigenous peoples of the North in the polycultural space of Western Siberia: on the problem of ethnic identification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia* = Tomsk State University Journal of History. 2020;68:109–115. (In Russ.). DOI: 10.17223/19988613/68/15.
18. Pivneva EA. Yugra as the brand: in search of regional identity. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2020;10;1:140–148. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-1-140-148.
19. Perevalova EV. Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: Ethnicity and Power. Monograph. Saint-Petersburg; 2019. (In Russ.)
20. Pestrikova IE. The role of geography in shaping mentality of indigenous people of Western Siberia. *Omskii nauchnyi vestnik* = Omsk Scientific Bulletin. 2010;4:39–43. (In Russ.)
21. Tkachuk NV. Ethnic identity of the indigenous small-numbered peoples of Ugra: a sociological analysis. *Sotsial'naiia kompetentnost'* = Social Competence. 2021;6;1:142–152. (In Russ.)
22. Filipenko VA. Implementation of guarantees provided for indigenous minorities of the North in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra. *Oeconomia et Jus*. 2017;4:76–81. (In Russ.)
23. Kharamzin TG. Monitoring of the social well-being of the Ob Ugrians. Monograph. Saint-Petersburg; 2006. (In Russ.)
24. Kharamzin TG, Khairullina NG. Ecological health of the Ob Ugrians. Khanty-Mansiysk; 2010. (In Russ.)

Submitted 13.01.2022; reviewing 12.02.2022; accepted 26.12.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

N. V. Tkachuk – Research Fellow, Department of Socio-Economic Development and Monitoring, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, naksik1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8196-6821>

ЕЩЕ ОДНА КНИГА О МОРДВЕ | ANOTHER BOOK ABOUT MORDOVIAN PEOPLE

Рецензия на книгу: Мордва Самарского края: история и традиционная культура: кол. моногр. / Т. И. Ведерникова, Н. М. Малкова, Э. Л. Дубман [и др.]. – Самара, 2021. – 336 с.

Book review: Mordovian people of the Samara region: history and traditional culture: collective monograph / T. I. Vedernikova, N. M. Malkova, E. L. Dubman [and others]. – Samara, 2021. – 336 p.

В конце 2021 г. вышла из печати коллективная монография «Мордва Самарского края: история и традиционная культура». Руководителем проекта и ответственным редактором издания выступила Н. М. Малкова. Авторский коллектив составили исследователи из Самарской области и Республики Мордовия Т. И. Ведерникова, Н. М. Малкова, Э. Л. Дубман, Ю. Н. Смирнов, Г. А. Корнишина, Т. П. Прокина, В. И. Алексеева. Были задействованы такие компетентные учреждения, как Самарское археологическое общество, Самарская областная универсальная научная библиотека, Самарский государственный институт культуры, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королёва.

Как указано в аннотации, книга «является результатом впервые предпринятого комплексного исследования истории и культуры мордвы – одного из многочисленных, традиционных для Самарского края народов. В монографии представлены археологическое, историческое и этнографическое изучение, процессы формирования, характеристика современного состоя-

ния этнотерриториальной группы мордвы региона». Добавим: работа основана на широкой базе вещественных, письменных, фольклорных, этнографических, а также нарративных источников.

Следует подчеркнуть, что выход подобных квалифицированных книг о представителях различных народов Российской Федерации необходимо приветствовать и поддерживать. Они интересны не только в познавательном аспекте, но и с точки зрения ценной информации по истории и культуре народов, что чрезвычайно важно для выработки государственными органами оптимальной национальной политики в многонациональной державе.

Думается, что выбор именно мордвы для первой комплексной работы по народам Самарского края неслучаен. В период Средне-Волжской (Куйбышевской) области (края) 1920–1930-х гг. мордвы составляли более 15 % населения – столько же, сколько все остальные национальные меньшинства региона, вместе взятые, – и уступали по численности только русским. Впоследствии административные преобразования, неблагоприятная демографическая

динамика и аккультурация существенно сократили эту долю, тем не менее мордва до сих пор является одним из традиционных сравнительно многочисленных народов области, самой большой национальной диаспорой за пределами Республики Мордовия. Многие выдающиеся мордвыны (М. П. Герасимов, А. Я. Дорогойченко, Д. И. Маринин, М. А. Пуркаев, М. И. Сумгин и др.) сыграли видную роль в истории и даже руководстве региона.

Монография, как и положено научному изданию, состоит из введения, текстовых глав, заключения и приложений, включает интересный разнообразный историографический, археологический, этнографический материал, сведения по социально-политическим проблемам, вопросам общей культуры и др. Все это обеспечено ссылками на соответствующие источники.

В введении обозначены основные традиционные проблемы изучения истории мордвы. Говоря о первом столкновении мордовских и русских князей, авторы относят его к 1105 г. (с. 8), хотя оно произошло 4 марта 1103 г. Это явная опечатка, на

которую обязаны были обратить внимание рецензенты рукописи. Отметим, что авторы введения не пошли по пути искусственного выделения так называемых буртасов в отдельный народ X–XIII вв., что пропагандируется некоторыми историками, а приняли традиционную точку зрения на них как на часть мордовского народа (с. 10). В то же время они утверждают, что после падения Хазарского каганата мордва оказалась «в подчинении у волжских болгар» (с. 10). Хотя такое мнение бытует достаточно широко, все известные на сегодня источники указывают на то, что мордовские государи в этот период вели независимую политику в отношении выбора союзников, религиозных культов и передавали свою власть по наследству¹. Кстати, публикации по средневековой социально-политической истории мордвы в книге, на наш взгляд, отражены недостаточно. Не упоминается даже такой фундаментальный труд, как первый том Очерков истории Мордовской АССР².

Первая глава монографии посвящена археологическим исследованиям и историко-этнографическому изучению мордвы Самарского края с XVIII–XIX вв. по начало XXI в. Она обеспечена солидным научным аппаратом, что уже само по себе приводит к выводу о добротном качестве ее материала. Знакомство с ней подтверждает этот вывод.

Во второй главе рассматриваются основные проблемы истории регионального мордовского населения с эпохи так называемой Золотой Орды по начало XXI в. Здесь представлен богатый археологический и этнографический материал. Имеются сведения и по социально-политической истории, к

сожалению не всегда точные и корректно обеспеченные ссылками на источники. Например, в первом пункте сообщается, что монголы разоряли мордву дважды – в 1236 и 1239 гг. (с. 38). На самом деле было три похода, и лишь в 1242 г. после возвращения с запада основных сил Батя мордовская земля была окончательно покорена. Утверждается, что после монгольских погромов численность мордовского населения составила 60–70 тыс. чел. (с. 38). Указанная величина приведена в первом томе Истории Мордовской АССР³, позднее ее повторил автор этих строк⁴, но в книге ссылка почему-то дается на Плато Карпини и Рубрука, у которых ничего подобного нет.

Со ссылкой на Юлиана и Рубрука говорится, что «часть мордвы – моксель (мокша) подчинилась татарам, а другая часть (эрзя) укрылась в лесных укреплениях и там отчаянно сопротивлялась» (с. 38). Юлиан же пишет, что один из государей Мордовского царства (*Regnum Morduanorum*) «покорился владыке татар», а другой стал сопротивляться⁵. Именно об эрзе или мокше он не упоминает – это уже предположения позднейших историков. Рубрук говорит лишь о том, что войско мокшан (моксель) во главе со своим государем участвовало вместе с монголами в походе на запад и погибло в Германии⁶. Но также есть сведения, что в походе на запад (на Венгрию) в другой орде монголов участвовали и эрзяне (племена «морданов»)⁷. Такое вольное обращение с источниками для научной монографии нежелательно.

Не обеспечено фактами (не мнениями) и утверждение, что

после распада Золотой Орды «почти все коренные мордовские земли входили в сферу влияния Казанского ханства» (с. 52). Наоборот, источники этого периода свидетельствуют об успешных отражениях мордвой татарских набегов⁸ и, кстати, об участии в осаде Казани 1552 г. дружин мордовских феодалов Кужендя (Ивана) Кельдяева и князя Еникая.

Во втором пункте приведены интересные сведения о заселении мордвой Самарского края с обоснованием причин возникновения некоторых сел именно в указанных местах, о материальной жизни переселенцев и т. д.

Третий пункт, посвященный XX – началу XXI в., оставляет впечатление некоторой «разбросанности». Он состоит из ряда заметок по различным проблемам и персоналиям и почему-то начинается с 1920-х гг., хотя начало XX в. в Самарском крае сопровождалось экстраординарными событиями. По сути, Гражданская война (между Комитетом членов Учредительного собрания и правительством В. И. Ленина) началась здесь. Здесь же были остановлены войска А. В. Колчака. Именно на это время приходится деятельность выдающихся представителей мордовского народа, руководителей края: председателя Самарского губисполкома А. Я. Дорогойченко, председателя Самарского совета солдатских депутатов, заместителя председателя Самарского ревкома М. П. Герасимова и др. Именно в Самарском крае сформировалась знаменитая и более других награжденная в Гражданской войне Чапаевская дивизия, в которой «в каждом полку были

¹ См.: Абрамов В. К. Мордвыны вчера и сегодня: Крат. очерки истории морд. государственности и нац. движения. Саранск, 2002. С. 21–22.

² См.: Очерки истории Мордовской АССР: в 2 т. Саранск, 1955. Т. 1.

³ См.: История Мордовской АССР: в 2 т. Саранск, 1979. Т. 1. С. 39.

⁴ См.: Абрамов В. К. По следу времени: Ист. очерки. Саранск, 1991. С. 47.

⁵ См.: Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 1, ч. 1. С. 181.

⁶ Там же.

⁷ См.: Матузова В. И. Английские средневековые источники: Тексты, пер., коммент. М., 1979. С. 200.

⁸ См.: Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1, ч. 1. С. 183–184.

мордовские батальоны»⁹. Затем был голод 1921–1922 гг., самые страшные последствия которого проявились тоже в Самарской губернии, в том числе в уездах с компактным проживанием мордвы. О нем, конечно, тяжело вспоминать, но история должна помнить всё.

Один из руководителей Самарского края, а позднее и Союза писателей СССР А. Я. Дорогойченко представлен (с портретом) мимоходом, как поэт и создатель рассказов, хотя именно его крупнейшее произведение – роман «Большая Каменка» о мордовской деревне – открыло в России важное литературное направление «деревенской прозы». О виднейшем поэте того времени, одном из руководителей Пролеткульта М. П. Герасимове не сказано ничего.

Очень мало места, на наш взгляд, уделено коменданту Куйбышева – в годы Великой Отечественной войны «запасной» столицы СССР – мордвину М. А. Пуркаеву. Говорится лишь, что 7 ноября 1941 г. генерал-лейтенант командовал здесь парадом 60-й армии (с. 100). Нелишне было бы добавить, что сформированная им в Самаре эта, впоследствии 3-я ударная, армия под его командованием блестяще проявила себя в боях за Москву, а весной 1945 г. уже под другим командованием именно ее бойцы взяли центр Берлина и символ Германии Рейхстаг и водрузили на нем десятки знамен, в том числе Знамя Победы. Конечно, в одной книге все это описать сложно, но особо важное указать необходимо.

Свежее впечатление оставляют заметки, описывающие деятельность местных мордовских общественных организаций по сохранению и раз-

витию национальной культуры. Правда, съездов мордовского народа официально пока было только шесть, а не семь, как указывает автор (с. 124). Под номером семь в Саранске прошел съезд лишь Межрегиональной общественной организации мордовского (моксанского и эрзянского) народа.

Третья и четвертая главы, как и первая, написаны профессионально и, на наш взгляд, в комментариях не нуждаются.

Приложения к монографии весьма ценны, но также оставляют чувство некоторой незавершенности. Так, если уж представляются перечни мордовских селений края конца XVIII в. (прил. 3) и конца XIX в. (прил. 4), то логично ожидать такого же списка конца XX в. Материал есть в Центральном государственном архиве Самарской области.

Книга снабжена большим количеством черно-белых и цветных фотографий, позволяющих составить представление о мордовском антропологическом типе, национальной одежде, жилищах, утвари и т. д.

На взгляд рецензента, авторы монографии кроме общеизвестных исторических источников опирались в основном на местные публикации. Разумеется, квалификацию самарских специалистов никто не подвергает сомнению, но все-таки самарская диаспора, как бы велика она ни была, является лишь частью мордовского народа.

Описывая ее, нельзя обойтись без трудов по социально-политической истории всего народа, и в первую очередь без серии «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», изданной в конце 1930-х – начале 1950-х гг.¹⁰ Указанные выше неточности обусловлены главным образом игнорированием этих источников.

В целом можно сделать вывод, что, несмотря на отдельные недостатки, у нас появилась солидная, хорошая книга, раскрывающая жизнь одной из крупных диаспор мордовского народа; книга, которую заслуженно отметил совет по Государственным премиям Республики Мордовия. Будем надеяться, что после исправления недочетов, а возможно и учета пожеланий, эта монография через определенное время будет переиздана.

Считаем необходимым выразить благодарность руководству Самарской области, выделившему на издание книги «грант в области культуры и искусства». Отметим также, что достигнутый результат во многом обусловлен успешным сотрудничеством Самарской региональной общественной организации «Мордовский национально-культурный центр «Масторава» во главе с Л. А. Колесниковой с властями региона. Деятельность этого центра является замечательным примером для общественных организаций всех мордовских диаспор.

¹⁰ См.: Документы и материалы по истории Мордовской АССР: в 4 т. Саранск, 1939–1952.

Владимир Кузьмич Абрамов – доктор исторических наук, профессор, основатель ведущей научной школы «История и культура Мордовии и мордовского народа», Саранск, Россия, abramovvk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3259-6502>

Vladimir K. Abramov – Doctor of History, Professor, Founder of the Research School “History and Culture of Mordovia and the Mordovian People”, Saransk, Russia, abramovvk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3259-6502>

⁹ Из речи заместителя командующего Приволжским военным округом комкора И. С. Кутякова (бывшего начальника Чапаевской дивизии) 14 ноября на 2 Чрезвычайном съезде Советов Мордовской АССР // Красная Мордовия. 1936. 16 нояб.

«ЛЮБОВЬ МОЯ ТЫ,
РЕВНОСТЬ МОЯ...».
К 85-ЛЕТИЮ
Е. Е. ЗАГРЕБИНА

“YOU ARE MY LOVE,
MY JEALOUSY...”
TO THE 85th
ANNIVERSARY
OF E. E. ZAGREBIN

Рецензия на книгу: Загребин Е. Е. Яратонэ тон, вожанэ...: версьёс, очеркьёс, пьесаос. – Ижевск: Удмуртия, 2004. – 431 с.

Book review: Zagrebin E. E. You are my love, my jealousy... Short stories, essays, plays. – Izhevsk: Udmurtia, 2004. – 431 p.

Книге предпослана краткая аннотация: «Егор Загребин – известный удмуртский прозаик, драматург. С добрыми чувствами пишет он о своих учителях и друзьях, об известных артистах и писателях». Затем следует краткое обращение автора «Другу-читателю». «Если бы я не написал эту книгу, – признается автор, – я бы себя очень и очень упрекал».

Понимая автора, выскажем свое мнение: мы считаем, что за эту книгу ему можно дать Государственную премию Удмуртской Республики. Она достойна такой награды.

Книга состоит из двух главных разделов: «Подборка о деятелях искусства» и «Подборка о писателях». Перед нами раскрываются живые образы Вассы Виноградовой, Григория Овечкина, Григория Векшина, Нины Бакишевой, Валентины Загуляевой и других деятелей Удмуртского драматического театра, с которыми Е. Загребин соприкасался не просто как заинтересованный зритель, но и как соратник и друг. Дружеским участием к жизненной и творческой судьбе Кузубая Герда, Ашалчи Оки, Михаила Петрова, Василия Садовникова, Михаила Федотова и некоторых других удмуртских писателей проникнуты очерки,

вошедшие в раздел «Подборка о писателях».

Центром издания является многосложное сочинение “Яратонэ тон, вожанэ...” («Любовь моя ты, ревность моя...»), давшее название всей книге. Оно посвящено трагической судьбе талантливой актрисы Анны Колесниковой, которая, подобно Медее из древнегреческой трагедии Еврипида, убила собственных детей. Ощущение присутствия Медее пронизывает всё повествование. Каждая глава открывается эпиграфом из «Медее».

Непреходящей болью для Анны Колесниковой стала мечта исполнить роль Медее в спектакле Удмуртского драматического театра. Но «Медее» здесь не ставили. Колесникова поделилась мечтой даже с вечной соперницей Анной Чубуковой, любовницей мужа – администратора театра Степана Прокопьевича Широбокова. На этой почве у двух актрис даже улучшились взаимоотношения. Но это было ненадолго.

По жанру данное произведение можно назвать лирической трагедией. Оно наполнено бесконечной душевной мукой. Увидев в альбоме театра фотографию Анны Колесниковой и обозначение периода ее жизни (1916–1947), автор-повество-

ватель решил узнать, почему он так короток. Всего тридцать один год! Никто из работников театра не хотел вспоминать о тех сначала счастливых, а потом всё более драматичных событиях, которые разворачивались на их глазах. Однако историю любви артистки Анны Колесниковой и сотрудника службы безопасности Степана Широбокова знали многие.

Трагические события описываются в произведении со слов самого Широбокова, поддавшегося на уговоры и с раскаянием поведавшего об изменившейся обстановке после его отставки из охранных органов. Демонстрацию измены Степана Прокопьевича жене с Анной Чубуковой, публичные ласки перед коллективом театра на одной из вечеринок автор-повествователь рисует уже, по-видимому, по воспоминаниям других сотрудников. Анна Колесникова, не выдержав унижения, ушла с вечеринки. Но отправилась не домой, а к Ижевскому пруду. С какой целью актриса пришла туда, трудно сказать. Вдруг она заметила, что кто-то смотрит на нее. Это была женщина, пришедшая за водой. «Я слежу за тобой, – произнесла женщина. – Что ты надумала?! Не погань воду! Мы отсюда пьем!» Придя

домой, Анна Колесникова нашла пистолет мужа и застрелила двух своих сыновей, а потом выстрелила в себя.

Анна Колесникова по-своему «сыграла» роль Медеи – не на сцене, а в жизни. Нельзя остаться равнодушным к столь сильному, проникновенному повествованию Егора Загребина о жизненной трагедии талантливой актрисы.

Первая глава произведения открывается цитатой из трагедии Еврипида: *“Нош ваньзэ ук адже Инмар атай”* («А всё-всё видит Бог отец»). В ней повествуется о том, как табуированное известие о гибели талантливой артистки становится общеизвестным и известным становится имя виновника происшествия: это администратор театра Степан Прокопьевич Ширококов. Показывается и Анна Чубукова. Когда она талантливо сыграла на сцене этого же театра роль Марии Александровны Ульяновой, матери Владимира Ильича Ленина, посмеяшей явиться к царю и просить не казнить старшего сына Александра, участвовавшего в теракте на царя. Теперь актриса – спившаяся, потерявшая всякий стыд, вызывающая ведущая себя перед коллективом женщина, уже не любовница, а жена Степана Прокопьевича. Ширококову стыдно за нее. Он считает, что Бог так наказывает его за предательство.

Выясняется, что автор-повествователь распутывает клубок событий, касающихся гибели Анны Колесниковой, около тридцати лет: если при первой его встрече со Степаном Прокопьевичем администратору театра было шестьдесят, то теперь он торжественно отмечает свое девяностолетие. Он снова женат – на еще более молодой женщине, бодр, молод и счастлив. И даже решается рассказать автору-повествователю о взаимной счастливой жизни с Анной Колесниковой где-то в северных краях Удмуртии.

Вторая глава произведения снова открывается словами из «Медеи»: *“Мед гинэ со султоз*

ваче ки кутскыса кырзанэ – / Син куспын ук бездо вёзысьтыз нильёслэн тусьёсы” («Пусть только вступит, взявшись за руки, в песню – / В мгновение ока бледнеют рядом стоящих лица»).

В главе повествуется о детстве и юности Анны Колесниковой. Используется ее авторская повесть “Мон шудо” («Я счастлива»), где она изображает себя под именем Маня. Случилось так, что деревенские служащие подготовили спектакль. Перед самым показом «картистка», исполнявшая роль учительницы, заболела. Уговорили Маню заменить ее. Домашние, особенно отчим, мечтавший, когда Маня вырастет, жениться на ней, были против. Но Маня поступила по-своему и великолепно сыграла роль учительницы. Ей было тогда шестнадцать лет. Раньше она хотела, окончив школу, трудиться в деревне на счетных должностях. Теперь же у нее были другие мечты: «Попавший под сухой хворост цветок, хоть и в три погибели изогнут, может выглянуть к солнцу». Почти в то же время Удмуртский театр объявил о наборе новых артистов. В 1932 г.

вместе с другими, ставшими впоследствии знаменитыми актерами членом коллектива Удмуртского драматического театра стала и Анна Колесникова.

Репетиции. Спектакли. Поездки по деревням. В Шаркане за гущей деревьев днем загорают артистки. Появляется молодой человек. Каждой дарит по три цветка италмаса. «А тебе, мой чёрный италмас, я дарю семь цветов, – улыбнулся он, подходя к Колесниковой. – Ты так сыграла на сцене – ничего не жаль!» Перед тем как прикоснуться к протянутой руке Анны, юноша долгим взглядом посмотрел на нее. Уже от одного этого взгляда девушка слегка покраснела и почувствовала теплоту крови. «Анна, ты пропала! – сказали ей подруги. – Этот парень не успокоится, пока тебя не украдёт». Разговоры, шутки. «А сам ты кто такой?» – спросили женщины. «Учитель, – пояснил мужчина. – Из Якшур-Бодьинского района. Сейчас работаю в Шаркане. Зовут меня Степан». Уже в этих словах при самой первой встрече Степана и Анны не всё было правдой. И в конце концов маленькая ложь привела к большой трагедии.

Василий Михайлович Ванюшев –

доктор филологических наук, главный научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, Ижевск, Россия, vvanushev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3449-960X>

Владимир Ильич Рогачев –

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия, rogachev-v@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2830-8667>

Vasilii M. Vanyushev –

Doctor of Philology, Leading Research Fellow, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia, vvanushev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3449-960X>

Vladimir I. Rogachev –

Doctor of Philology, Professor, Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia, rogachev-v@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2830-8667>

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

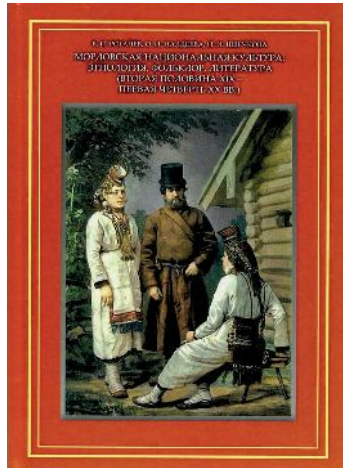
LIVING MEMORY OF GENERATIONS

Рецензия на книгу: Мордовская национальная культура: этнология, фольклор, литература (вторая половина XIX – первая четверть XX в.): учеб. пособие / В. И. Рогачев, О. И. Налдеева, Н. И. Швечкова; Мордовский государственный педагогический университет. – Саранск: РИЦ МГПУ, 2021. – 148 с.

Book review: Mordovian national culture: ethnology, folklore, literature (second half of the XIX – first quarter of the XX century): tutorial. V. I. Rogachev, O. I. Naldeevea, N. I. Shvechkova; Mordovian State Pedagogical University. – Saransk: RIC MGPU, 2021. – 148 p.

В 2021 г. в Мордовском государственном педагогическом университете имени М. Е. Евсевьева вышло в свет учебное пособие «Мордовская национальная культура: этнология, фольклор, литература (вторая половина XIX – первая четверть XX в.)». Его авторами стали ученые, педагоги, специалисты в области мордовского фольклора и литературы доктора филологических наук, профессора В. И. Рогачев, О. И. Налдеева и кандидат филологических наук, доцент Н. И. Швечкова, имеющие богатый опыт работы с литературой подобного жанра.

В компактном издании на 148 страницах ученым удалось охватить значительный период времени, сообщить интересные факты из истории, этнографии и краеведения мордовского народа, рассказать о внимании исследователей к истокам и развитию национального фольклора, становлению литературы. Авторы отличает тщательный подход к оформлению издания, на-

чиная с обложки, где использованы фотография «Мордва Сергачского уезда» из альбома А. О. Карелина и И. И. Шишкина «Нижний Новгород» и репродукция с картины М. П. Клодта «Девушка-мордовка», и завершая иллюстративным рядом самой книги, состоящим из стилистически верно подобранных портретов, актуальных фотографий.

Во введении к работе указано, что работа посвящается

памяти ученого финно-угроведа, этнографа доктора исторических наук, профессора А. С. Лузгина, выпускника МГПИ имени М. Е. Евсевьева.

Пособие состоит из трех частей и приложений. В первую часть входят восемь разделов, в которых анализируются работы писателей, краеведов, историков, этнографов, лингвистов, фольклористов, просветителей, занимавшихся изучением мордовской национальной культуры: П. И. Мельникова (А. Печерского), И. И. Дубасова, В. Н. Майнова, Акселя Гейкеля, И. Н. Смирнова, А. А. Шахматова, М. Е. Евсевьева, Хейкки Паасонена.

Во второй части рассматриваются особенности сказительского творчества, становление и развитие мордовской литературы. В частности, представлены очерки о З. Ф. Дорофееве как об одном из основоположников национальной литературы и о К. С. Петровой, стоявшей у истоков драматургии.

Учебное пособие выстроено в соответствии с требованиями

ми, предъявляемыми к этому жанру, где каждый раздел сопровождается вопросами и заданиями для организации самостоятельной работы и проверки знаний студентов. С этой же целью приводятся списки основной и дополнительной литературы.

Третья часть учебного пособия содержит методические рекомендации для студентов по записи произведений устного поэтического творчества народа, по подготовке рефератов, рецензий, отзывов.

В приложении «Материалы и документы» обучающимся предлагаются отрывки из «Очерков мордвы» П. И. Мельникова, «Очерков истории Тамбовского края» И. И. Дубасова, «Очерка юридического быта мордвы» В. Н. Майнова, историко-этнографического очерка «Мордва» И. Н. Смирнова, которые дают представление о характере трудов указанных авторов, раскрывают важные направления их деятельности. В частности, из очерка последнего автора приводятся крайне важные сведения по топонимической номенклатуре, достоверно уточняющей широкую географию расселения мокши и эрзи по 6 уездам Нижегородской, 8 – Симбирской, 7 – Пензенской, 3 – Тамбовской, 5 – Саратовской, 6 – Самарской губернии. Данная информация свидетельствует о могуществе и большой численности земледельческого народа, его дислокации в местах, благоприятствующих занятиям сельским хозяйством, распространению и проживанию этноса на значительных территориях всего Поволжья и Центрально-Черноземной зоны.

В приложении также найдла место переписка М. Е. Евсевьева с академиком А. А. Шахматовым, позволяющая понять научный контекст эпохи и интерес составителя «Мордовского этнографического сборника» к богатству и своеобразию культуры народа.

Ценность учебного пособия состоит в том, что оно

содержит материалы, касающиеся наиболее важных этапов становления и развития национальной этнологии, фольклористики, литературы, освещает вопросы изучения духовной культуры мордовского народа видными российскими и зарубежными учеными.

Издание отражает один из наиболее интересных периодов в культуре и литературе мордовского народа второй половины XIX – первой четверти XX в. В это время динамично развивалась деятельность этнографических обществ, новый импульс получила работа Императорского Русского географического общества (1845), Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1877), Финно-угорского общества (1883), формировалась идеология, ставились далеко идущие цели и задачи по изучению культуры народов России. Например, Общество археологии, истории и этнографии в Казани имело целью изучение прошлого и настоящего русского и инородческого населения на территории бывших Булгарско-Хазарских и Казанско-Астраханских царств с прилежащими к ней местностями.

В 1889 г. Д. Н. Анучин в программной статье «О задачах русской этнографии» указывал, что этнографическая наука на данном этапе должна стремиться не просто к накоплению материала, но и к его систематизации. В этом отношении важным оказывался вопрос подготовки кадров – специалистов, владеющих собирательскими методиками, способных работать с музейными коллекциями, архивными источниками, знающих необходимые языки. Время востребовало таких специалистов, и они появились в лице А. Ф. Юртова, М. Е. Евсевьева и многих других. К началу XX в. отечественной наукой был накоплен обширный материал по традиционной культуре народов России, вышли подробные опи-

сательные работы, повысился профессионализм этнографов. В таком контексте вполне объяснимо появление большого числа представителей коренных народов Поволжья, сыгравших важную роль в изучении культуры своих этносов.

Авторы акцентируют внимание на научно-исследовательской, просветительской деятельности наиболее видных писателей, фольклористов, этнографов того времени, подробно рассказывают о творческом пути каждого из них, определяют их роль, значение и место в изучении мордовской национальной культуры. В каждом разделе дается детальный анализ творческого наследия ученых, занимавшихся исследованием культуры мордовского народа.

Следует отметить, что в книге рассматриваются различные стороны материальной и духовной культуры мордвы: обряды и традиции, устное народное творчество, сказительское искусство, национальная литература и т. д. Особый акцент авторы делают на мордовском сказительском творчестве, подробно освещая репертуар Е. П. Кривошеевой, Ф. И. Беззубовой, Е. С. Денисовой, Ф. Д. Занкина, Г. В. Лапина.

Положительным моментом, на наш взгляд, является включение в пособие подробного списка основной и дополнительной литературы, где представлены учебные пособия, монографии, хрестоматии, научно-популярные издания, статьи, посвященные мордовской культуре, фольклористике, этнографии и литературе изучаемого периода.

Учебное пособие, адресованное будущим педагогам направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование, профилей «Русский язык. Родной язык и литература», «Русский язык. Литература», «Русский язык. История», а также учителям общеобразовательных учреждений, нацелено на поддержание интере-

са к проблемам национальной культуры. По мнению авторов, главная задача книги – «стимулировать студентов к самостоятельному получению необходимых знаний, способствовать развитию личностно значимых практических умений и навыков». Издание прививает интерес и любовь к культуре мордовского и других финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья.

В качестве пожелания можно сказать, чтобы авторы при переиздании пособия расширили перечень имен ученых, оставивших глубокий след в финно-угристике. Так, считаем возможным включение в пособие раздела о Н. Н. Харузине, исследовавшем развитие жилища финно-угорских и тюркских народов, выстроившего эволюционный ряд от древних примитивных типов жилища к более совершенным и современным. Этот ученый результативно занимался традиционным письмом, крестьянским «гербовником», древними знаками мордвы, их семантикой. Вполне уместно видеть в этом ряду и такого ученого, как Уно Харва, автора уникального труда «Религиозные верования мордвы». Органично в пособии смотрелся бы и Н. Ф. Мокшин, именитый ученый современности, имеющий неоспоримые заслуги в области этнологии, религиозной философии и мифологии мордовского народа.

Во введении к учебному пособию в обзоре имен, имеющих отношение к мордовской и – шире – финно-угорской культуре, можно было бы назвать имя Н. П. Барсова, в 1881 г. представившего в Финно-угорское общество собранные им мордовские песни, в 1892 г. – карту расселения мордвы в Пензенской губернии и сборник мордовских топонимов. В этом же ряду стоит крупнейший финский этнограф Ууно Сирелиус, по праву считающийся фактическим основателем финляндской этнографической

школы, которая видела основную задачу финно-угорской этнологии в изучении истории культур народов, говорящих на финно-угорских языках. Значительный вклад в изучение культуры мордовского народа внесли также А. Хамялайнен, А. Вяйсянен. Из современных ученых следовало бы упомянуть известного в финно-угорском мире ученого Д. В. Цыганкина, лингвиста, автора ряда диалектологических и топонимических словарей, уточняющих географию расселения и проживания мордвы. Эти и ряд других имен могли бы усилить интерес к пособию со стороны языковедов, фольклористов, ученых смежных научных направлений. Заслуживает оценки и роль Финно-угорского общества, долгое время коор-

динировавшего деятельность ученых по изучению истории, этнографии, языков и фольклора мордвы и других финно-угорских народов России и Западной Европы.

Остается лишь сожалеть, что тираж столь замечательного издания составил всего 300 экз., которых явно недостаточно для ценителей мордовской культуры как в Мордовии, так и за ее пределами, широкого круга читателей в лице студентов-филологов, а также для историков и филологов, занимающихся традиционной культурой эрзи и мокши, увлеченных финно-угристикой. Книга представляет собой компактный и удобный источник важной информации для школьных учителей литературы, истории родного края, старшеклассников.

Надежда Валериевна Карабанова –

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия, adiakarabanova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0712-5493>

Ольга Алексеевна Романенкова –

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия, l.romanenkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0013-8195>

Nadezhda V. Karabanova –

Candidate Sc. {Philology}, Head of the Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia, adiakarabanova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0712-5493>

Olga A. Romanenkova –

Candidate Sc. {Pedagogical Sciences}, Associate Professor, Department of the Russian Language and Methods of Teaching the Russian Language, Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia, l.romanenkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0013-8195>

МАРИЙСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В АВАНГАРДЕ ПОВОЛЖСКОЙ НАУКИ

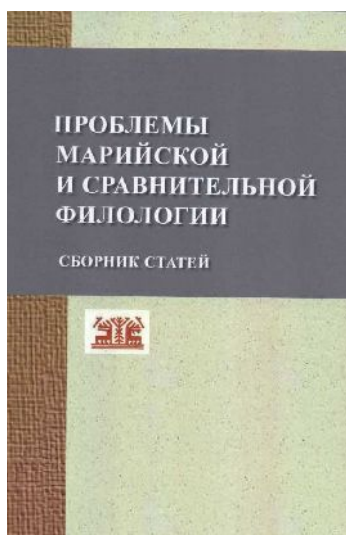
MARI PHILOLOGY AT THE VANGUARD OF RESEARCH OF VOLGA REGION

Рецензия на книгу: Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар. гос. ун-т; сост. Т. Н. Беляева; отв. ред. Р. А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола, 2021. – 271 с.

Book review: Problems of Mari and Comparative Philology: selected articles / Mari State University; comp. T. N. Belyaeva; resp. ed. R. A. Kudryavtseva. – Yoshkar-Ola, 2021. – 271 p.

В течение последних восьми лет усилиями специалистов кафедры финно-угорской и сравнительной филологии Марийского государственного университета издается ежегодный сборник «Проблемы марийской и сравнительной филологии», обобщающий материалы одноименной всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Одним из неизменных организаторов конференции и ответственным редактором сборника выступает доктор филологических наук, профессор Р. А. Кудрявцева. Постоянными авторами научных статей стали ученые из Марий Эл, Чувашии, Удмуртии, Мордовии, Татарстана, Башкортостана. В то же время в разные выпуски издания представляли и представляют доклады и сообщения исследователи из Москвы, Югры, Хакасии, а также Эстонии, Германии, Венгрии, Казахстана, Туркменистана и Таджикистана.

Данная конференция и сборник давно заявили о себе как о своеобразной лаборатории, в которой апробируются новые подходы в области современ-

ных теоретических и прикладных проблем марийской, финно-угорской, урало-поволжской филологии. Научная проблематика сборника четко отражается в его традиционных рубриках: «Актуальные проблемы современного марийского и сравнительно-сопоставительного языкознания», «История и современное состояние финно-угорского языкознания», «Опыт развития национальных литератур и перспективы сравнитель-

ного литературоведения Урало-Поволжья», «Проблемы поэтики марийской и финно-угорской художественной словесности», «Вопросы изучения фольклора и фольклорного интертекста в литературе», «Опыт и перспективы междисциплинарных исследований в области филологии и культурологии», «Аксиологические аспекты литературы и культуры», «Проблемы национальной культуры, образования и межкультурной коммуникации». То обстоятельство, что редакционная коллегия получила множество дипломов в международных и межрегиональных конкурсах вузовских научных изданий, говорит о высоком уровне и значимости данного научного сборника.

Очередной (восьмой) выпуск издания «Проблемы марийской и сравнительной филологии» увидел свет в конце 2021 г. В данном сборнике статьи распределены по четырем рубрикам: «Актуальные проблемы современного марийского и сравнительно-сопоставительного языкознания», «Опыт развития национальных литератур и перспективы сравнительного

литературоведения Урало-Поволжья», «Вопросы изучения фольклора и фольклорно-мифологического интертекста в литературе», «Проблемы национальной культуры, образования и межкультурной коммуникации». В число авторов (всего их 81 чел.) вошли представители научной и научно-педагогической среды Марий Эл, Татарстана, Мордовии, Башкортостана, Удмуртии, а также Будапешта (Венгрия), Москвы и Санкт-Петербурга.

Проанализируем некоторые проблемы, поднимаемые авторами рецензируемого сборника. Отметим, что языками конференции и сборника выступали русский и марийский. По причине незнания марийского языка обратимся к некоторым наиболее интересным статьям на русском.

Статья **М. А. Горячевой** (*Институт языкознания РАН, г. Москва*) «**Республика Марий Эл: динамика функционирования “нетитульных” языков в системе школьного образования**» затрагивает злободневную для современной культуры тему – функционирование национальных языков в системе образования – и предлагает свое решение обозначенной проблемы. В частности, автор пишет: «О необходимости для выживания языка повышать национальное самосознание его носителей также говорилась всеми и много, разрабатывались и в той или иной мере внедрялись целые комплексы направленных на решение этой проблемы мер. Отмечу только, что одной из реальных мер представляется использовать возможности, открывшиеся в эпоху цифровизации и развития дистанционного обучения. Площадки по изучению языка, встроенные как элемент системы школьного образования, оказали бы существенную помощь в расширении тех самых пределов “возможностей”, предоставляемых системой образования», о которых говорится в Законе

об образовании. Каждый желающий мог бы выбирать уровень изучения языка, изучать его и проходить аттестации без учета того, наберется ли в школе класс таких желающих, имеется ли учитель, и т. п.» (с. 16).

В русле изучения социально-коммуникативных функций национального языка в современном мире написана и статья **Е. А. Кондрашкиной** (*Институт языкознания РАН, г. Москва*) «**Языковой сдвиг: причины и влияние на vitalность языка**». По мнению исследователя, основными причинами смены языка в современной российской культуре становятся следующие факторы: демографическая мощь языка, языковая политика государства, возможность воспроизводства языка в семье, роль школьного образования, престиж языка и ряд других. Результаты исследования и выводы Е. А. Кондрашкиной достаточно пессимистичны. Во-первых, «престиж национальных языков оказался на самом низком уровне. Выросли поколения людей, не знающих своих родных языков, считающие русский язык родным. Эта тенденция стала массовой». Во-вторых, «цифры языкового сдвига в 2010 году уже вызывают тревогу по поводу положения этих языков, а предстоящая перепись 2021 года может показать еще более опасную тенденцию – увеличение числа сменивших родной язык на русский и уменьшение числа владеющих этническими языками и признающих их родными» (с. 22).

Анализу способов образования терминов марийского языка в сравнении с данными других финно-угорских языков – эрзянского, мокшанского, коми, удмуртского – посвящена статья **Яноша Пустаи** (*Венгрия, г. Будапешт*) «**Опыт проекта Terminologia scholaris *Школьная терминология в связи с марийским языком**». Резюмируя свою статью, автор пишет: «По инициативе института

NH-Collegium Fenno-Ugricum в 2010–2011 годах была разработана терминология десяти школьных предметов на пяти финно-угорских языках Российской Федерации (коми, марийский, мокшанский, удмуртский и эрзянский) с целью создания возможности создания учебников и преподавания этих предметов на родном языке. Нами был сделан анализ всех пятидесяти терминологических словариков. В настоящей статье сравниваются данные марийского языка с данными других финно-угорских языков» (с. 43–44). По результатам проделанной работы ученый приходит к выводу, что терминотворчество в марийском языке, благодаря деятельности профессора И. Г. Иванова, в основном идет успешно.

С точки зрения привлеченного материала весьма интересной нам представляется статья **Ф. Я. Хабибуллиной, И. Г. Ивановой** (*Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола*) «**Этнотопонимы в марийских географических названиях**». В данном исследовании анализируются топонимы Республики Марий Эл, содержащие этнокомпонент, восходящий к языкам контактирующих народов: русских, татар, удмуртов, чувашей. Так, общее количество исследованных в статье топонимов с этнокомпонентом составило 86, из них с этнокомпонентом «Русский» – 67, с этнокомпонентом «Татарский» – 8, с этнокомпонентом «Удмуртский» – 7, с этнокомпонентом «Чувашский» – 4. В заключение авторы статьи приходят к такому выводу: «Ведущими структурными моделями изученных топонимов с этнокомпонентом выступают: N+N, Adj+N, N+Adj, N+Part+N, N+N+N. Основным структурным типом сложных этнотопонимов являются определительные словосочетания, построенные преимущественно на примыкании. Для них характерно, в основном, двухсловное образование. Например, структура оронимов

включает два компонента: постпозиционное указание формы рельефа – корем “овраг”, то есть “относительно глубокая и крутосклонная ложбина и/или впадина на поверхности земли”, курык “гора”, то есть “возвышенность, изолированное поднятие местности с выраженными склонами и подножием” и антропоним или его дериват» (с. 60).

Выявлению художественных особенностей отдельных представителей современной марийской поэзии, оценке этнокультурной специфики национальной литературной традиции посвящена статья **А. А. Арзамзова** (*Казанский научный центр РАН, г. Казань*) «**Марийская поэзия в антологии современной литературы народов России и в пространстве интернета: взгляд извне**». Автор достаточно критически оценивает марийскую поэзию. По его мнению, «выраженная консервативная природа современной марийской поэзии отражена в стихотворениях, вошедших в антологию “Современная литература народов России. Поэзия” (Издательство ОГИ). Подборка репрезентирующих национальную традицию текстов на фоне других представленных литератур кажется несколько “безжизненной”. Складывается впечатление, что некоторые поэты-мари до сих пор находятся под сильным “инерционным” влиянием соцреалистической эстетики, советской художественной аксиологии. Можно предположить, что по иному сценарию развивается марийская проза, становясь пространством новых творческих инициатив, ориентиров, вектором нового интеллектуального движения и этнокультурного самораскрытия. Материалы антологии свидетельствуют о том, что марийских поэтов волнует, прежде всего, тема сложной современности, требующей от человека особой социальной и психологической гибкости» (с. 66).

Т. И. Зайцева (*Удмуртский государственный университет, г. Ижевск*) и **Т. С. Степа-**

нова (*Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦУрО РАН, г. Ижевск*) в исследовании «**Литературное наследие удмуртского просветителя Г. Е. Верещагина: к проблеме рецепции**» рассматривают основные тенденции в восприятии литературного творчества известного просветителя, первого удмуртского ученого и писателя Г. Е. Верещагина его современниками и исследователями-филологами во второй половине XX – начале XXI в. Как отмечают авторы, на сегодняшний день в полном виде сохранилось около 30 оригинальных произведений писателя, среди которых на удмуртском языке – 15 поэтических, 7 драматических и несколько прозаических произведений, на русском языке – 2 большие поэмы «Скоробогат-Кашей» и «Загубленная жизнь». При этом лишь поэма-сказка “Зарни чорыг” («Золотая рыбка») опубликована с сохранением авторской орфографии и пунктуации. По убеждению исследователей, «текстологически грамотное издание произведений Г. Е. Верещагина сделало бы их препарированным источником для научных исследований» (с. 98).

Проблема периодизации художественного творчества – одна из актуальных в истории современных национальных литератур. К данной проблеме обращается **И. П. Карпов** (*Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола*) в статье «**Литература Республики Марий Эл в аспекте смены литературных поколений**». По его мнению, исследование литературной процессологии должно учитывать движение литературных поколений. Главным показателем литературного поколения является возраст его участников, не превышающий максимального возрастного разрыва между младшими и старшими братьями (десять-пятнадцать лет). «Любой человек, – утверждает автор, – формируется как личность в первые десять лет

своей жизни. На него влияют семья, социальная среда и природа (кормящий и вмещающий ландшафт). Писатель всё это объективирует в своих произведениях. Возрастное единство – основной критерий многих людских объединений» (с. 99). Ученый считает, что в едином литературном пространстве и времени существуют три поколения: старшее, среднее и младшее, причем «среднее – господствующее, от старшего остаются наиболее верные литературе, младшее – входит в литературу и через 10–20 лет вытесняет предыдущее. Конечно, относя писателя к тому или иному поколению, нужно учитывать и временные сдвиги в развитии страны (революции, войны, когда разница буквально в 3–5 лет относит людей к разным поколениям), и время вступления писателя в литературу, и ощущение писателем своего идейно-политического единства с другими писателями» (с. 100).

Автобиографические повести о детстве удмуртских писателей стали предметом исследования **И. Я. Рыбакова** (*Удмуртский государственный университет, г. Ижевск*). В статье «**Жанр автобиографической повести о детстве в удмуртской литературе рубежа XX–XXI вв.**» он подробно анализирует произведения Г. Ходырева “Кылйськод на меда?” («Слышишь ли еще?»), 2001), У. Бадретдинова “Шордин” («Шордин, сердцевина моя зоревая», 2000) и В. Ар-Серги “Пичи пи но Полкан” («Маленький мальчик и Полкан», 2005). Автор признается, что границу между мемуарами и автобиографическими повестями провести очень сложно: «во всех названных выше повестях авторское повествование организовано двумя точками зрения – “прошрое” и “настоящее”; в них есть время, которое воссоздается ребенком, и время, из которого взрослый писатель смотрит на свое детство» (с. 139). Именно подобный подход к развитию сюжета позволяет со-

отнести их с жанрами автобиографической прозы.

В статье **Р. З. Хайруллина** (*Российский новый университет, г. Москва*) «**Творчество Сергея Чавайна в контексте эпохи**» представлен жизненный и творческий путь марийского писателя, проанализирован контекст его формирования, показаны сложность и трагизм эпохи, наложившей отпечаток на его творчество. Автор проводит параллель между творчеством С. Чавайна и других национальных писателей того времени, в частности чувашского классика М. Сеспеля и удмуртского К. Герда. Вершиной творчества С. Чавайна исследователь считает роман «Элнет», благодаря которому он «...предстал перед читателем как мастер многопланового развернутого эпического повествования. Художественная

сила романа в его психологизме, в том, что автор глубоко проникает во внутренний мир героев. Наиболее глубоко и всесторонне отображена в романе проблема “национальная интеллигенция и революция”, сложность формирования сознания главного героя. Весь свой жизненный опыт, богатство впечатлений, накопленных за несколько десятилетий общественной и литературной деятельности, он вложил в художественное содержание этого произведения. Оно свидетельствует, что на завершающем этапе своего творчества писатель философски осознал не только жизненный путь, но и сложную историческую судьбу родного народа» (с. 149).

В заключение заметим, что сборник «Проблемы марийской и сравнительной филологии» является важным научным из-

данием, в котором опубликованы актуальные исследования современных ученых в области филологии, культурологии, фольклористики и педагогики. При этом большая часть публикаций посвящены изучению поэтики литературы (авторы Т. Н. Беляева, Г. Н. Бояринова, Д. И. Быкова, К. В. Быкова, Д. А. Васильева, Н. В. Гусева, Н. И. Любимов, О. М. Максимова, В. Т. Михайлов, К. Г. Никифорова и Р. А. Кудрявцева, М. В. Рябинина, С. В. Шеянова и Н. И. Ермаина, Н. И. Яковлева). Широко представлены также работы, в которых предметом разностороннего научного анализа выступает аналитико-эмпирический материал по этнокультуре (Л. А. Абукаева, Е. Г. Ласточкина, В. Н. Максимов, Ю. Ю. Молодцова, Е. Н. Морозова, Е. В. Пантелеева, П. А. Тимофеева, Н. М. Юсупова и А. Ф. Юсупов).

Альбина Федоровна Мышкина –
доктор филологических наук, профессор
кафедры чувашской филологии и культуры
Чувашского государственного университета
имени И. Н. Ульянова,
Чебоксары, Россия,
alb-myshkina@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8560-9146>

Albina F. Myshkina –
Doctor of Philology, Professor,
Department of Chuvash Philology and Culture,
Chuvash State University named after I. N. Ulyanov,
Cheboksary, Russia,
alb-myshkina@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8560-9146>

**МЕДИАФОРУМ
«МОРДОВИЯ
МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ:
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ
ДИАЛОГ»**

**MEDIA FORUM
“MULTINATIONAL
MORDOVIA:
CROSS-CULTURAL
DIALOGUE”**

20–21 декабря 2022 г. на базе Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва прошел заключительный этап Всероссийского медиафорума «Мордовия многонациональная: межкультурный диалог». Медиафорум, состоявшийся уже в третий раз, проводится с целью популяризации этнокультурного наследия народов, проживающих на территории Республики Мордовия, и сохранения межнационального и межкультурного диалога через информационное пространство. В 2020 г. он стал одной из 16 пилотных площадок Всероссийского проекта «Эт-Ник: Продвижение». В 2021 г. получил статус международного, стал победителем IV Всероссийского конкурса лучших практик в сфере национальных отношений и был представлен в Общественной палате Российской Федерации (г. Москва).

Медиафорум проходил по инициативе Мордовского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России» в партнерстве с Мордовским государственным университетом им. Н. П. Огарёва, АНО «Ресурсный центр в сфере национальных отношений» при поддержке Министерства культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия.

К участию в мероприятии были приглашены студенты

высших и средних учебных заведений, активисты и лидеры национально-культурных объединений, представители молодежных, студенческих медиа и профессиональных СМИ, учреждений образования и культуры.

На открытии медиафорума с приветственным словом выступили первый заместитель министра культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия А. И. Каргин, проректор по молодежной политике МГУ им. Н. П. Огарёва А. В. Романов, сопредседатель Совета Ассамблеи народов России, директор Ресурсного центра в сфере национальных отношений Е. А. Михалева; председатель Общественной палаты Республики Мордовия И. В. Капитонов; председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа Ю. А. Мишанин; директор Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея им. И. Д. Воронина Д. В. Фролов; директор Института национальной культуры МГУ им. Н. П. Огарёва С. А. Исаева; заведующий кафедрой культурологии и библиотечно-информационных ресурсов МГУ им. Н. П. Огарёва М. В. Логинова; председатель Мордовского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России», заведующий

научно-исследовательской лабораторией финно-угорской культуры, руководитель проекта Е. Н. Ломшина.

Программа медиафорума включала в себя следующий блок мероприятий: образовательная программа «Мастерская визуального креатива»; стратегическая онлайн-сессия с опытными наставниками и спикерами; медиатур «Музейный хронотоп» с конкурсной программой; открытый показ фильмов о народах Мордовии; презентация аудиовизуальной энциклопедии «Наследие».

Образовательная программа «Мастерская визуального креатива» (руководитель – доктор философских наук, профессор М. В. Логинова) была направлена на повышение уровня визуализации проектно-творческой и исследовательской деятельности в области медийного производства, а также на формирование базовых навыков и знакомство с инструментами, необходимыми для освоения профессий в сфере медиа, формирование общекультурных компетенций. Образовательная программа, включающая шесть модулей, проходила с 1 по 30 ноября 2022 г.

По I модулю «Имидж и публичное выступление» слушатели получили знания по формированию собственного положительного образа и самопрезентации, выяснили особенности публичных выступлений.

медиафорум

“Мордовия многонациональная: межкультурный диалог”

Медиатур

“Музейный хронотоп”

Образовательная программа
“Мастерская визуального
креатива”

Конкурсная программа

ФГБОУ ВО “Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва

20-21 декабря

национальных отношений», сопредседатель Совета Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России» Е. А. Михалева. В работе семинара приняли участие студенты, преподаватели, сотрудники культурных учреждений республики, представители некоммерческих организаций, а также, в режиме онлайн, представители этнокультурного некоммерческого сектора, сферы образования, науки и культуры как Мордовии, так и других регионов России.

Ведущая рассказала о Всероссийском конкурсе лучших практик в сфере национальных отношений, представила статистические данные, тематику проектов и направлений; поделилась секретами успешных практик не только Ресурсного центра в сфере национальных отношений, но и российских регионов. Практика показала, что из одной идеи может получиться долгосрочный, масштабный проект, каким и стал Всероссийский проект «ЭтНик». В 2022 г. стартовал уже четвертый проект, который развивает межсекторное взаимодействие в сфере национальных отношений и разрабатывает механизмы реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. «Одним из основных секретов успешной проектной деятельности является не столько финансовое обеспечение, сколько межсекторное взаимодействие, работа в команде, поддержка партнеров», – резюмировала Е. А. Михалева.

Медиатур «Музейный хронотоп» включал в себя проектные треки с медианаставниками. Участники были поделены на три команды. Каждая из них на одной из музейных площадок (Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, наставник – руководитель Департамента по связям с общественностью вуза И. А. Сокольников; Мордовский республиканский музей изобразительных искусств

По II модулю «Фотография» участники изучили основы техники фотографии (композиция, работа со светом, ракурсом, экспозицией, построение кадра, работа с фотооборудованием), познакомились с программами для обработки фото, узнали об особенностях фотосъемки в разных жанрах.

По III модулю «Видео: основы съемки и монтажа» слушатели рассмотрели этапы создания видеопродукта (фильма, ролика, видеоклипа и т. д.), получили навыки работы с видеоаппаратурой (камерой, фотоаппаратом, штативом и т. д.), в видеоредакторах, постигли основы работы оператора, сценариста, кинорежиссера, сценариста компьютерного монтажа, актера.

По IV модулю «Подкастинг» участники освоили технологии создания подкастов, изучили специфику создания подкастов разных жанров, научились работать со специализированным программным обеспечением для записи и монтажа аудиофайлов.

По V модулю «Инфографика» слушатели познакомились с историей развития инфографики в мире, законами восприятия информации, видами (статическая, динамическая, интерак-

тивная) и типами (аналитическая, новостная, реконструкция, презентация) инфографики, с особенностями использования шрифтов, основными трендами инфографики в новых медиа.

По VI модулю «Визуальная презентация проекта» участники освоили технологии создания презентации проекта, инструментарий специализированного программного обеспечения по созданию презентаций, изучили ресурсы и тренды в создании визуальных презентаций.

В рамках стратегической онлайн-сессии 20 декабря 2022 г. состоялся семинар «Подкасты от А до Я». Его ведущим стал Евгений Клещ – известный подкастер, писатель, блогер, комьюнити менеджер АНО «Россия – страна возможностей», руководитель сообщества «Мастерская новых медиа». Тема вызвала живой отклик у слушателей, они задавали вопросы, дискутировали и выражали свое мнение.

21 декабря в рамках образовательного блока медиафорума прошел онлайн-семинар «Успешные практики проектной деятельности: почему важно заявлять о себе и позиционировать свои проекты». Его провела директор АНО «Ресурсный центр в сфере

имени С. Д. Эрзи, руководитель – заведующий отделом декоративно-прикладного искусства музея Н. Н. Челмакина; Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей имени И. Д. Воронина, руководитель – директор музея Д. В. Фролов) знакомились с музеем, опытом презентации историко-культурного наследия музея в виртуальном пространстве, получала рекомендации от наставников, как популяризировать музей при помощи ме-

диаресурсов, работала над созданием медиаконтента (текста, видеоролика, подкаста, фото по трекам «Личность», «Место (топос)», «Время (хронос)»).

В рамках конкурсной программы медиафорума участницы медиатура презентовали свои работы. Конкурс проводился по трем номинациям: «Медиаличность», «Медиахронос», «Медиахронос». Отбор конкурсных работ осуществлялся жюри. По итогам голосования были определены победители

конкурса по номинациям, которым были вручены дипломы и призы.

Для участников медиафорума состоялся открытый показ фильмов о семи народах Мордовии: русских, мордве (мокше, эрзе, шокше), татарах, украинцах, армянах, азербайджанцах, евреях, а также прошла презентация аудиовизуальной энциклопедии «Наследие», изданной при поддержке Президентского фонда культурных инициатив.

Елена Николаевна Ломшина –

кандидат философских наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией финно-угорской культуры

*Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия,
enlomshina@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7367-4685>*

Elena N. Lomshina –

Candidate Sc. {Philosophy}, Head of Research Laboratory of Finno-Ugric Culture,

*National Research Mordovia State University, Saransk, Russia,
enlomshina@mail.ru,
[https:// orcid.org/0000-0002-7367-4685](https://orcid.org/0000-0002-7367-4685)*

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ФЕДОРОВИЧА МОКШИНА (1936–2023)

18 марта 2023 г. ушел из жизни широко известный в России и за рубежом ученый – доктор исторических наук, профессор Николай Федорович Мокшин. Он был одним из наиболее ярких деятелей науки и культуры Республики Мордовия. Историк и этнограф, религиовед и ономастолог, музеевед и географ, педагог и общественный деятель, писатель и журналист, ученый и организатор науки – Н. Ф. Мокшин был на редкость талантливой и многогранной личностью. В 27 лет Николай Федорович стал самым молодым кандидатом исторических наук в СССР, защитившим диссертацию по этнографии.

Трудовая биография ученого связана с Мордовским государственным университетом: он был заведующим кафедрой всеобщей истории (с 1970 по 1986 г.), дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии (с 1986 по 2013 г.), истории России (с 2013 по 2022 г.). Также работал деканом историко-географического факультета (с 1978 по 1981 г.).

Николай Федорович – автор более 800 научных и учебно-методических работ, в том числе более 20 монографий. В сокровищницу науки и культуры Мордовии вошло большое количество написанных им работ: «Религиозные верования мордвы» (1968), «Этническая история мордвы» (1977), «Мор-

довский этнос» (1989), «Мордва: историко-культурные очерки» (1995) и др. Его научные интересы были сосредоточены на изучении этногенеза и этнической истории, этноструктуры, общественного и семейного строя, культуры и быта, этнических процессов, религиозных верований и обрядов, этногенетических и этнокультурных связей мордовского и других народов.

Под руководством Н. Ф. Мокшина, человека глубоких знаний и эрудиции, сформировалась блестящая плеяда ученых – финно-угроведов, ныне кандидатов и докторов наук, была создана научная школа по этнологии финно-угорских народов Урало-Поволжья. Он заслужен-

но снискал большой авторитет не только как ученый, но и как журналист, поэт, общественный деятель.

У Николая Федоровича много государственных наград: заслуженный работник культуры РСФСР (1990), заслуженный деятель науки Республики Мордовия, лауреат Государственной премии Республики Мордовия в области науки и техники (1995), лауреат премии Главы Республики Мордовия (2005, 2006) и др. Награжден орденом Дружбы (1996), Славы III и II степени (2011, 2016).

Выражаем глубокие соболезнования родным, близким и коллегам Николая Федоровича Мокшина и скорбим вместе с ними.

*Редакция журнала и коллектив
Межрегионального научного центра финно-угроведения*

Рецензируемый научный журнал «**Финно-угорский мир Finno-Ugric World**» основан в 2008 г. и считает своей миссией всемерное распространение знаний о финно-угорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусств, истории родного края.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников. Проводится научное рецензирование поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки.

К рассмотрению принимаются оригинальные работы (научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы), тематически связанные с проблемами финно-угорского мира. Набор материалов осуществляется по следующим научным направлениям:

5.6. Исторические науки – 5.6.1. Отечественная история; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

5.9. Филологические науки – 5.9.5. Русский язык. Языки народов России; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (финно-угорские и самодийские); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

5.10. Культурология и искусствоведение – 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Учредителем и издателем журнала является федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

С 2012 г. журнал входит в утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор:

Макаркин Николай Петрович, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения.

Научные редакторы:

Мосина Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Филологические науки»;

Корнишина Галина Альбертовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Исторические науки»;

Бояркин Николай Иванович, доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Культурология».

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и Литвы.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich's Global Serials Directory

The peer-reviewed academic journal “**Finno-Ugric World**” was founded in 2008. It seeks to develop Finno-Ugric studies, Finno-Ugric languages, literature, folk culture and arts, and the history of the native land.

The names and content of the journal’s sections correspond to the groups of specialties of academic staff in accordance with the Nomenclature of Specialties of Academic Personnel. The journal follows a double-blind peer review process to maintain its high standard of the editorial expert assessment.

The journal seeks papers and book reviews on various aspects of Finno-Ugric Studies. It covers the following research areas:

5.6. History – 5.6.1. National history; 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography; 5.6.7. History of international relations and foreign policy;

5.9. Philology – 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia; 5.9.6. Languages of the peoples of other countries (Finno-Ugric and Samoyedic); 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics;

5.10. Cultural studies and art history – 5.10.1. Theory and history of culture, art.

The founder and publisher of the journal is Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”.

Since 2012, the journal is included in the “List of Russian peer-reviewed academic journals approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to publish research results of Dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences”.

Editor in Chief:

Nikolay P. Makarkin, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies

Editorial Board:

Natalya M. Mosina, Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Philology”;

Galina A. Kornishina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, National Research Ogarev Mordovia State University, section “History”;

Nikolay I. Boyarkin, Doctor of Art History, Professor, Leading Researcher of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Cultural Studies”.

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary, Estonia, France and Lithuania.

The journal is indexed and archived:

Russian Science Citation Index (RSCI) on the Web of Science platform

Russian Science Citation Index (RISC)

European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich’s Global Serials Directory

Главный редактор *Н. П. Макаркин*
Заместитель главного редактора *А. В. Родняков*

Научные редакторы:
Н. И. Бояркин, Н. М. Мосина, Г. А. Корнишина

Редактор *Е. С. Руськина*
Верстка и дизайн *Л. В. Калачина*
Корректор *Е. В. Савойская*
Перевод *О. С. Сафонкина*

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Рукописи не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, размещенных в журнале, допускается только с разрешения редакции

На обложке: 1-я стр. – рисунок *Е. М. Корнеева* «Лифляндцы» из книги «Народы России, или Описание обычаев, нравов и костюмов разных народов Российской империи»;

4-я стр. – творческая работа *А. Леонтьевой* «Мордовский женский костюм села Сабанчеево», реконструкция. Вышивка, 2014

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Assistant Editor *A. V. Rodniakov*

Editorial Board:
N. I. Boyarkin, N. M. Mosina, G. A. Kornishina

Editor *E. S. Ruskina*
Layout design *L. V. Kalachina*
Correction by *E. V. Savoiskaia*
Translation by *O. S. Safonkina*

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed journals to publish research results of the dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences

The Editorial board reserves the right not to return manuscripts.
Editorial opinion may not coincide with the views of the authors of articles

Articles reprinting is allowed only with the permission of the Editors

On the cover: page 1 – “Livlanders” from “The Peoples of Russia, or Description of the customs, characters and costumes of various Peoples of the Russian Empire” by *E. M. Korneev*;

page 4 – creative work by *A. Leontieva* “Mordovian women's costume of the village of Sabancheevo”, reconstruction. Embroidery, 2014